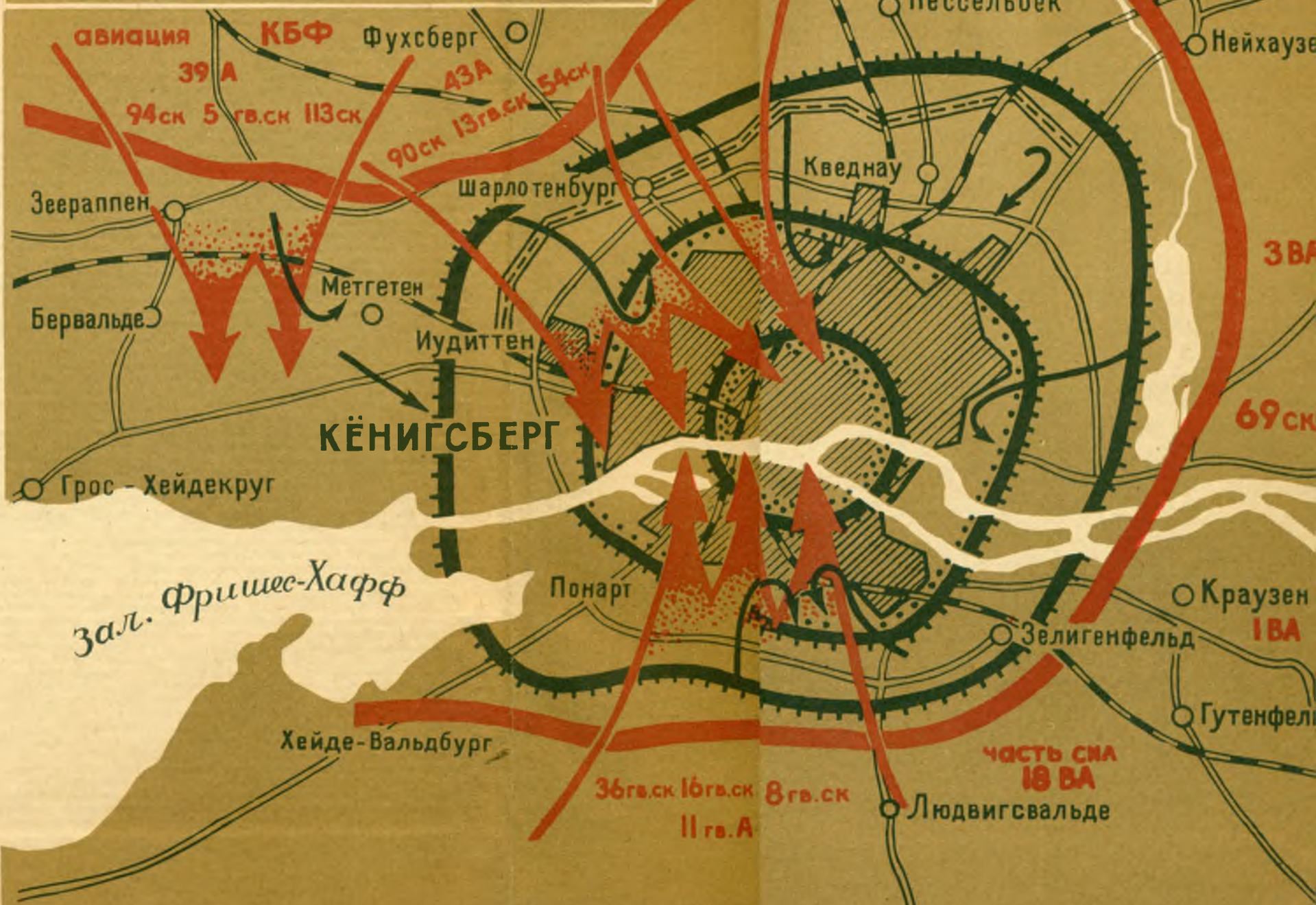

ШТУРМ КЕНИГСБЕРГА

С 6 по 9 апреля 1945 г.

9 июня 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР была учреждена специальная медаль «За взятие Кенигсберга».

Медалью «За взятие Кенигсберга» награждались все непосредственные участники героического штурма и взятия Кенигсберга, а также организаторы и руководители боевых операций при взятии этого города.

ШТУРМ КЕНИГС БЕРГА

КАЛИНИНГРАДСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ☆ 1966

Редакционная коллегия:

А. Г. Авдеев, С. В. Дриго,
А. И. Петрикин, Н. Н. Терехов,
Н. З. Шульгин.

Спецредактор Ф. Е. Киволя
Составитель К. Н. Медведев
Художник Ю. М. Синчилин

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Предлагаемая читателю книга «Штурм Кенигсберга» рассказывает о выдающемся подвиге советских воинов, разгромивших в 1945 году восточнопрусскую группировку немецко-фашистских войск.

Восточнопрусская операция Советской Армии вошла в летопись Великой Отечественной войны как одна из славных ее страниц. В ходе операции наши войска проявили беззаветную преданность своей социалистической Родине, величие духа, доблесть и мужество, умение побеждать врага в самой сложной боевой обстановке. С особой силой высокие качества советских воинов проявились при штурме Кенигсберга. Менее четырех суток понадобилось им для того, чтобы сломить отчаянное сопротивление гитлеровцев и взять казавшуюся неприступной крепость.

Исключительно велико значение Восточнопрусской операции с точки зрения ее военно-политических результатов. Советская Армия ликвидировала стратегический плацдарм для нападения на нашу страну, навсегда уничтожила крупнейший очаг милитаризма и агрессии на рубежах нашего государства. По решению Берлинской конференции руководителей союзных держав антигитлеровской коалиции Кенигсберг и прилегающие к нему районы были переданы Советскому Союзу, остальная территория Восточной Пруссии — Польской Народной Республике.

Недобитые гитлеровцы, западногерманские реваншисты, поощряемые империалистами США, выступают ныне с требованием пересмотра границ. Но сложившиеся границы европейских государств изменить никому не удастся. «Агрессорам противостоит теперь такая могучая, несокрушимая сила, — говорится в отчетном докладе Центрального Комитета КПСС XXIII съезду партии, — что если они пойдут на развязывание войны, то ничего другого не получат, кроме своей гибели».

Свыше двух десятилетий прошло после окончания Великой Отечественной войны. Но не меркнет слава тех дней, не ослабевает интерес к героическим боевым делам воинов, отстаивших свободу и независимость Родины.

Выпущенная в 1959 году книга «Штурм Кенигсберга» разошлась в течение нескольких месяцев. Издательство получило много писем, в которых высказывались пожелания ее переиздать. В настоящей книге использована часть материалов, ранее опубликованных, в то же время в нее включено много новых статей и очерков, в том числе вступительная статья, написанная по просьбе издательства Маршалом Советского Союза А. М. Василевским.

Одни статьи и очерки были написаны в 1945 году, в них чувствуется жаркое дыхание боев, другие — недавно, их отличает объективность военно-исторического анализа. Всех их объединяет высокая оценка ратных дел советских воинов, стремление правдиво воссоздать картину битвы. В книге широко представлены документы и фотографии того периода.

Сборник «Штурм Кенигсберга» выходит одновременно с книгой «Продолжение подвига», вместе они дают представление о неразрывном единстве ратной и трудовой истории нашего края. Второй сборник посвящен героическим трудовым делам советских людей, приехавших по зову партии на эту землю. Продолжая подвиг воинов, они подняли из руин опустошенный войной край.

Калининградцы не просто восстанавливали — они строили заново. Дом за домом, улица за улицей, предприятие за предприятием на западе страны выростала новая область РСФСР — область высокоразвитой экономики и культуры. Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили самоотверженный труд калининградцев. 14 апреля 1966 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за достигнутые успехи в развитии народного хозяйства Калининградская область награждена орденом Ленина.

Издательство надеется, что читатели пришлют свои отзывы, пожелания, расскажут о том, как сложилась судьба героев книги после Великой Отечественной войны.

РАЗГРОМ ЦИТАДЕЛИ ГЕРМАНСКОГО МИЛИТАРИЗМА

Восточная Пруссия издавна являлась грозным передовым постом германского империализма на востоке, очагом прусского милитаризма и главнейшим стратегическим плацдармом для нападения на нашу страну и соседние страны.

Наибольшее значение для фашистской агрессии восточнопруссский плацдарм приобрел в период второй мировой войны. В своих разбойничьих планах, направленных против Советского Союза, гитлеровское командование отводило Восточной Пруссии особо важное место на протяжении всей войны. Как известно, в 1941 году Восточная Пруссия явилась одним из основных плацдармов для вероломного нападения фашистской Германии на нашу страну, во время войны была для Германии важнейшим военно-промышленным районом, крупным арсеналом и в то же время базой комплектования немецкой армии живой силой, а в 1944 и 1945 годах должна была прочно прикрыть от советских войск пути к центральным районам страны. Здесь же в районе Растенбурга под прикрытием Мазурских озер в глубоких подземных убежищах с 1941 по 1944 год располагалась ставка Гитлера, названная фашистами «Вольфшанце» («Волчья яма»).

К строительству хорошо развитых, долговременных инженерных сооружений на территории Восточной Пруссии немцы приступили в 1932 году и продолжали развивать их до нападения на нашу страну. После поражения под Сталинградом в 1943 году немцы усиленно возобновили это строительство.

В результате гитлеровцы создали на территории Восточной Пруссии и прилегающей к ней северной части Польши ряд укрепленных современных районов, сильные в инженерном отношении фронтальные и отсечные позиции, а также крупные узлы обороны, насыщенные долговременными сооружениями. Созданные в ранние времена крепости в значительной мере были модернизированы. Все эти сооружения были умело и прочно связаны между собой в фортификационном и огневом отношениях. Общая

глубина развитой инженерной обороны в Восточной Пруссии достигала 150—200 километров*.

Особенности рельефа Восточной Пруссии — большое количество озер, рек, болот и каналов, хорошо развитая сеть железных и шоссейных дорог, крепкие каменные постройки в значительной степени способствовали обороне.

К 1945 году восточнопруссские укрепленные районы и полосы обороны, с включенными в них крепостями, сочетавшимися с естественными препятствиями, по своей мощи не уступали линии «Зигфрида», а на отдельных участках и превосходили ее. Особенно сильно развита была инженерная оборона, насчитывавшая до девяти укрепленных полос на основном для нас направлении Гумбиннен — Инстербург — Кенигсберг.

Вот почему фашистское командование, опираясь на такую мощь оборонительных укреплений в Восточной Пруссии и имея здесь крупную группировку наиболее боеспособных своих войск, рассчитывало во что бы то ни стало остановить продвижение советских войск на ее границах.

Выполнение этих задач возлагалось немецким командованием на войска группы армий «Центр» в составе 3-й танковой, 4-й и 2-й армий, танкового корпуса. Всего к середине января группу армий составляли сорок одна дивизия (из них тридцать четыре пехотные, три танковые, четыре моторизованные), одна бригада** общей численностью в 580 тысяч солдат и офицеров и 200 тысяч фольксштурмовцев. Она имела 8200 орудий и минометов, около 700 танков и штурмовых орудий и 515 самолетов 6-го воздушного флота. Командование группой армий «Центр» было возложено Гитлером на генерал-полковника Г. Рейнгардта.

По плану обороны, разработанному командованием группы армий «Центр» (при этом учитывался опыт организации обороны в Восточной Пруссии в 1914 году), войска первого эшелона располагались в главной и второй полосах обороны. За линией Мазурских озер размещались подвижные резервы группы, которые должны были нанести контрудар по советским войскам, прорвавшимся в глубину обороны. Наибольшая плотность войск создавалась на инстербургском и млавском направлениях. Планом обороны предусматривался также мощный контрудар по советским войскам при наступлении их на варшавско-берлинском направлении***.

* История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. Т. 5. 1963, стр. 93—94.

** Сборник материалов по составу войск фашистской Германии. Вып. пятый, стр. 10—11.

*** История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. Т. 5. стр. 95.

Наступил 1945 год, год больших надежд и свершений для советского народа. Начавшееся в январе наше стратегическое наступление на огромном фронте — от Балтийского моря до Дуная — успешно развивалось. На его северном крыле шли упорные бои.

В середине января войска 3-го Белорусского фронта (командующий — генерал армии И. Д. Черняховский, член Военного совета — генерал-лейтенант В. Е. Макаров, начальник штаба — генерал-полковник А. П. Покровский) и 2-го Белорусского фронта (командующий — Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский, член Военного совета — генерал-лейтенант Н. Е. Субботин, начальник штаба — генерал-лейтенант А. Н. Боголюбов) начали Восточнопрусскую наступательную операцию.

По замыслу Советского Верховного Главнокомандования общая цель этой операции заключалась в том, чтобы отсечь одну из крупнейших групп армий фашистских войск «Центр» от остальных вражеских сил, прижать ее к морю, расчленив и уничтожить по частям, очистить территорию Восточной Пруссии от противника и тем самым снять угрозу флангового удара по советским войскам при их наступлении на основном варшавско-берлинском направлении.

Успех этой операции был стратегически важен и имел значение не только для хода общего наступления советских войск в зиму 1945 года, но и для Великой Отечественной войны в целом. Разгром гитлеровских войск в Восточной Пруссии нанес в начале 1945 года не только военный, но и моральный удар, в корне подорвавший устои фашистского режима в Германии.

Учитывая неудачную попытку решить эту задачу осенью 1944 года силами только 3-го Белорусского фронта, Ставка в январе 1945 года привлекла для этой цели войска 3-го и 2-го Белорусских фронтов.

Исходя из замысла Верховного Главнокомандования, войска 3-го Белорусского фронта должны были — в качестве ближайших задач — разгромить тильзитско-инстербургскую группировку противника и, развивая в дальнейшем наступление на Кенигсберг, расчленив группы армий «Центр», охватив основную ее группировку, находящуюся западнее Мазурских озер, с севера.

В состав фронта к началу операции входили 39-я, 5-я, 28-я и 31-я армии, 2-я и 11-я гвардейские армии, 1-я воздушная армия, 1-й и 2-й гвардейский танковые корпуса. Вскоре после начала операции в состав фронта была передана действовавшая на его стыке 43-я армия 1-го Прибалтийского фронта.

Войска 2-го Белорусского фронта имели задачу — разгромить пшаснышско-млавскую группировку врага и, развивая наступле-

ние на Мариенбург — Эльбинг, прижать восточнопрусскую группировку противника к морю, отрезав ее от основных сил немецко-фашистской армии.

В состав этого фронта входили 50-я, 49-я, 3-я, 48-я, 2-я ударная, 65-я, 70-я армии, 5-я гвардейская танковая армия, 4-я воздушная армия, 1-й и 8-й гвардейские танковые корпуса, 8-й механизированный и 3-й гвардейский кавалерийский корпуса.

Балтийскому флоту (командующий — адмирал В. Ф. Трибуц, член Военного совета — вице-адмирал Н. К. Смирнов, начальник штаба — контр-адмирал А. Н. Петров) было приказано всемерно содействовать войскам фронтов, наступающим вдоль морского побережья.

Таким образом, в общий замысел Восточнопрусской операции советским командованием была заложена идея — согласованными ударами двух фронтов, при активной поддержке Балтийского флота добиться достижения единой, крупной стратегической цели.

Командование 3-го Белорусского фронта решило нанести главный удар на Инстербург, Велау, имея в ударной группировке 39-ю армию генерала И. И. Людникова, 5-ю — генерала Н. И. Крылова, 28-ю — генерала А. А. Лучинского, 11-ю гвардейскую — генерала К. Н. Галицкого, 1-й и 2-й гвардейские танковые корпуса. 2-я гвардейская армия под командованием генерала П. Г. Чанчибадзе наносила вспомогательный удар в направлении на Даркемен. 31-я армия под командованием генерала П. Г. Шафранова должна была обороной на широком фронте обеспечить левое крыло, в готовности перейти в наступление в общем направлении на Летцен. Действовавшая на левом фланге 1-го Прибалтийского фронта 43-я армия генерала А. П. Белобородова ударом на Тильзит обязана была содействовать наступлению войск 3-го Белорусского фронта. Наступление наземных войск фронта поддерживала 1-я воздушная армия под командованием генерала Т. Т. Хрюкина. Вместе с советскими частями действовал французский добровольческий истребительный авиационный полк «Нормандия — Неман» под командованием майора Луи Дельфино.

2-й Белорусский фронт наносил главный удар по млавской группировке противника силами 3-й армии под командованием генерала А. В. Горбатова, 48-й — генерала Н. И. Гусева, 2-й ударной — генерала И. И. Федюнинского и 5-й танковой под командованием генерала В. Т. Вольского.

С севера удар обеспечивался наступлением на Ортельсбург 49-й армии под командованием генерала И. Т. Гришина и обороной на широком фронте правофланговой 50-й армии под командованием генерала И. В. Болдина. Второй удар наносили на левом крыле фронта в общем направлении на Грудзендз и на Торунь

65-я армия генерала П. И. Батова и 70-я — генерала В. С. Попова с целью взаимодействия с войсками 1-го Белорусского фронта, чтобы прочно прикрывать наступление наших войск на варшавско-берлинском направлении. 4-я воздушная армия генерала К. А. Вершинина должна была в наступлении с воздуха обеспечить поддержку сухопутных войск.

Войска 3-го Белорусского фронта занимали исходное положение для операции по линии Сударги, Пилькаллен, Гольдап, Августов; 2-го Белорусского — по восточным берегам Августовского канала, рекам Бобр и Нарев до Сероцка включительно, имея плацдармы на западном берегу Нарева у Ружан и у Сероцка.

К началу операции во 2-м и 3-м Белорусских фронтах состояло четырнадцать общевойсковых, одна танковая, две воздушные армии, шесть танковых, механизированных и кавалерийских корпусов. Общая численность участвовавших в операции войск к тому времени составляла около 1670 тысяч человек, имевших на вооружении 28 360 орудий и минометов, около 3300 танков и самоходных артиллерийских установок и 3000 самолетов. Таким образом, на восточнопрусском направлении и в Северной Польше к этому времени наши войска превосходили противника в живой силе в 2,8, в артиллерии — в 3,4, в танках — в 4,7 и в самолетах — в 5,8 раза*.

Начав наступление, войска 3-го Белорусского фронта 13 января и 2-го Белорусского — 14 января успешно развивали его в заданных направлениях, и к 18 января группировки немецко-фашистских войск, несмотря на отчаянное сопротивление, потерпели тяжелое поражение в районах Тильзит, Инстербург и Пшасныш, Млава и начали отступать на запад, переходя от рубежа к рубежу и вводя в бой свежие силы.

В ходе упорных боев январского наступления войска 2-го и 3-го Белорусских фронтов, хотя и не выполнили полностью задач, поставленных перед ними Верховным Главнокомандованием, нанесли противнику серьезное поражение и освободили значительную часть Восточной Пруссии. В результате стремительного выхода войск 2-го Белорусского фронта к заливу Фришес-Хафф и 3-го Белорусского фронта к морю севернее и южнее Кенигсберга, советские войска отрезали восточнопрусскую группировку врага от остальных сил немецко-фашистской армии, расчленили уцелевшие от разгрома немецкие войска группы армий «Центр» на три части. А именно: четыре дивизии были прижаты к морю на Земландском полуострове, пять дивизий с крепостными частями ока-

* История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 Т. 5, стр. 97.

зались блокированными в Кенигсберге, до двадцати дивизий окружены южнее и юго-западнее Кенигсберга. Одновременно войска 1-го Прибалтийского фронта, обеспечивавшие действия 3-го Белорусского фронта с севера, овладели крупным морским портом Клайпеда. Таким образом, возможность наносить удары из Восточной Пруссии по советским войскам, наступавшим на берлинском направлении, для немецко-фашистского командования была полностью исключена.

Войска 2-го и 3-го Белорусских фронтов нанесли серьезное поражение немецко-фашистской группе «Север» (бывшей группе армий «Центр»). Советскими войсками было взято в плен 51 867 солдат и офицеров, захвачено 3144 орудия разных калибров, 1192 миномета, 569 танков и штурмовых орудий, 335 бронемашин и бронетранспортеров, 8682 пулемета, 56 486 винтовок и автоматов, 13 106 автомашин, 7996 вагонов, 295 паровозов и 1704 всевозможных военных складов. Войска 2-го Белорусского фронта к тому же освободили из концентрационных лагерей 67 765 граждан многих стран Европы, угнанных гитлеровцами в Восточную Пруссию*.

К середине февраля начался новый этап боевых действий наших войск в Восточной Пруссии по ликвидации изолированных группировок немецко-фашистских войск.

Выполнение этих задач Советское Верховное Главнокомандование возложило на войска 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов. Для этой цели управление 1-го Прибалтийского фронта с 3-й воздушной армией к 10 февраля было переброшено из Курляндии в Восточную Пруссию. Ему были переданы из состава 3-го Белорусского фронта три общевойсковые армии, танковый корпус и необходимые войска усиления; в свою очередь в состав 3-го Белорусского фронта из 2-го Белорусского — три общевойсковые и одна танковая армии. Управление 2-го Белорусского фронта с остальными своими войсками решением Ставки было переключено для действий в Восточной Померании. Такое решение вызывалось тем, что между войсками правого крыла 1-го Белорусского фронта, наступавшими на варшавско-берлинском направлении и вышедшими на Одер, и войсками левого крыла 2-го Белорусского фронта, находившимися на Нижней Висле, образовался разрыв и создалась угроза флангового удара по войскам 1-го Белорусского фронта.

По директиве Ставки войска 3-го Белорусского фронта должны были закончить ликвидацию хейльсбергской группировки противника, оборонявшейся к югу от Кенигсберга, к 20—25 февраля.

* История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. Т. 5, стр. 123.

Балтийский флот активными действиями обязан был сорвать снабжение курляндской и восточнопрусской группировок.

Немецко-фашистские войска, действовавшие в Восточной Пруссии, имели задачу — упорно оборонять занимаемые районы, чтобы как можно дольше сковывать здесь советские войска и не допустить их переброски на берлинское направление. Особое внимание при этом немецкое командование уделяло обороне Хейльсбергского укрепленного района, крепости Кенигсберг и военно-морской базы Пиллау.

Ликвидация хейльсбергской группировки противника началась 10 февраля и проходила для наших войск в исключительно тяжелых условиях.

Хейльсбергский укрепленный район имел свыше 900 железобетонных и множество дерево-земляных оборонительных сооружений, а также противотанковые и противопехотные заграждения*.

Враг с неимоверным отчаянием и звериным упорством, цепляясь за каждый рубеж, за каждое укрепление, стремился задержать наше продвижение вперед. Войска 3-го Белорусского фронта были уже утомлены ожесточенными боями в январе, а большие потери при постоянных прорывах хорошо подготовленных рубежей противника еще более снизили их ударную силу. Восполнить эти потери к моменту возобновления наступления не удалось, так как основное внимание советское командование уделяло в это время берлинскому направлению. Обстановка для действий осложнялась и ухудшившейся к началу наступления погодой. В таких условиях действия наших войск приняли весьма напряженный и затяжной характер. Преодолевая одну оборонительную позицию противника за другой, они медленно продвигались вперед. Они стремились расколоть группировку врага на части, но успеха не имели.

18 февраля в районе города Мельзака был смертельно ранен командующий войсками 3-го Белорусского фронта дважды Герой Советского Союза генерал армии И. Д. Черняховский. В извещении о его смерти говорилось: «18 февраля скончался от тяжелого ранения, полученного на поле боя в Восточной Пруссии, командующий 3-м Белорусским фронтом генерал армии Черняховский Иван Данилович — верный сын большевистской партии и один из лучших руководителей Красной Армии. В лице товарища Черняхов-

* История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. Т. 5, стр. 163.

ского государство потеряло одного из талантливейших молодых полководцев, выдвинувшихся в ходе Великой Отечественной войны».

Весть о ранении и смерти дорогого Ивана Даниловича застала меня в Москве. За несколько дней до этого я вернулся из Прибалтики, где по заданию Верховного Главнокомандования координировал действия Прибалтийских фронтов. В дальнейшем предполагалось послать меня в Восточную Пруссию для координации действий войск 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов.

Потерю Ивана Даниловича я переживал особенно тяжело, потому что близко и хорошо знал его и как отличнейшего полководца, и как беспредельной честности партийца, исключительной души и сердца товарища и друга.

Первое мое знакомство с И. Д. Черняховским произошло в январе 1943 года при подготовке и проведении Воронежско-Касторненской операции войсками 60-й армии Воронежского фронта, которой он командовал. Войска армии тогда в крайне неблагоприятных условиях погоды блестяще выполнили задачу, освободив в первый же день наступления город Воронеж. Еще более блистательным результатом оперативных действий молодого командарма явилась Курская операция. Несмотря на упорное сопротивление врага, город был взят в течение одного дня.

Особенно сблизила меня с Иваном Даниловичем наша общая работа — в атмосфере взаимного доверия, уважения и искреннего желания во что бы то ни стало помочь друг другу — при подготовке и проведении большой Белорусской операции летом 1944 года, где он, будучи самым молодым из всех командующих, возглавлял один из ведущих фронтов.

Это была первая фронтовая операция, которую проводил молодой, но необыкновенно энергичный командующий.

Благодаря отличному знанию войск, многообразной и сложной техники, благодаря удивительному искусству и, казалось бы, небольшому еще, но мудрому практическому опыту, благодаря глубоким теоретическим познаниям, которыми обладал, Иван Данилович отлично справлялся с управлением огромными войсками, входящими в состав его фронта, и с выполнением сложнейших задач, которые ставило Верховное Главнокомандование.

Принимая непосредственное участие в бою, и обязательно на одном из самых ответственных его участков, И. Д. Черняховский следил за действиями своих войск и войск противника. Он видел все плохое и хорошее, тщательно изучал причины того и другого, чутко прислушивался к суждениям своих подчиненных и смело использовал все новое, полезное для обучения войск и в последующих боевых схватках с врагом.

Солдаты и офицеры любили своего командующего, любили за человечность и постоянную заботу о них, за отвагу и бесстрашие, за твердость при проведении в жизнь решений, за прямоту и простоту в обращении, за гуманность и выдержку, за строгую дисциплинированность, требовательность к себе и к подчиненным, за справедливость. Да, он был строг и требователен, но никогда не позволял себе унижать достоинства подчиненных.

18 февраля 1945 года ГКО* назначил меня командующим войсками 3-го Белорусского фронта. Я с большим удовлетворением и благодарностью принял это назначение и 20 февраля прибыл в штаб, а 21 февраля вступил в командование войсками.

В то время, когда войска 3-го Белорусского фронта вели тяжкие бои по уничтожению хейльсбергской группировки противника, войска 1-го Прибалтийского фронта также вели боевые действия на Земландском полуострове и под Кенигсбергом.

Чтобы не распылять силы фронта, Советское Верховное Главнокомандование приказало командующему 1-м Прибалтийским фронтом, организовав прочную оборону вокруг Кенигсберга, сосредоточить основные усилия на ликвидации земландской группировки врага. Операцию было приказано провести с 20 по 27 февраля. Но противник предупредил наступление войск фронта. 19 февраля, пополнив оперативную группу «Земланд» войсками, доставленными из Курляндии, нанес с целью деблокирования своей кенигсбергской группировки два внезапных для войск 1-го Прибалтийского фронта встречных удара: один — из Кенигсберга и второй — с Земландского полуострова.

После трехдневных ожесточенных боев врагу удалось оттеснить советские войска и создать коридор, соединивший кенигсбергскую группировку с земландской.

В связи с этим Ставка Верховного Главнокомандования в 22 часа 21 февраля приняла решение — все войска, действующие в Восточной Пруссии, передать 3-му Белорусскому фронту, возложив на него в дальнейшем ответственность за ликвидацию здесь фашистских войск. По этому решению 1-й Прибалтийский фронт с 24.00 24 февраля ликвидировался, а его войска, переименованные в Земландскую группу войск, включались в состав 3-го Белорусского фронта. Командующий 1-м Прибалтийским фронтом генерал армии И. Х. Баграмян был назначен командующим Земландской группой войск и одновременно заместителем командующего войсками 3-го Белорусского фронта. Начальник штаба 1-го Прибалтийского фронта генерал-полковник В. В. Курасов стал начальником штаба Земландской группы.

* ГКО — Государственный комитет обороны.

В течение февраля шли напряженные бои. Противник отчаянно сопротивлялся, цепляясь за каждый рубеж, за каждое оборонительное сооружение. Советские войска действовали в невероятно трудных условиях, несли серьезные потери, которые резко сократили боевой состав и снизили ударную силу фронта. Новые пополнения почти не поступали, так как они, и тем более стратегические резервы, направлялись Советским Верховным Командованием прежде всего на берлинское направление. Далеко не удовлетворительно обстояло дело и с материальным обеспечением войск, особенно со снабжением боеприпасами и горючим. К тому же войсковые тылы значительно отстали и были не в состоянии даже из имеющихся в их распоряжении скудных запасов своевременно обеспечить войска.

К этому времени в составе немецко-фашистской группы армий «Север», оборонявшей Восточную Пруссию, насчитывалось около тридцати дивизий, из них одиннадцать оборонялись на Земландском полуострове и в Кенигсберге, девятнадцать — южнее и юго-западнее Кенигсберга*.

Все эти обстоятельства вынудили командование 3-го Белорусского фронта временно прекратить наступление на Земландском полуострове с тем, чтобы начать последовательную ликвидацию группировок противника в Восточной Пруссии — разгромить вначале наиболее крупную хейльсбергскую группировку врага, а затем, перестроив войска, нанести последовательные и хорошо подготовленные удары по кенигсбергской и, наконец, по земландской группировкам противника.

Такое решение, конечно, затягивало операцию и предоставляло противнику более выгодные условия для сопротивления, но другого выхода у командования фронтом не было.

Для того, чтобы расчленить, а затем и уничтожить хейльсбергскую группировку врага, было решено нанести два одновременных рассекающих удара в общем направлении на Хейлигенбейль с востока и юго-востока. 1-я и 3-я воздушные армии должны были помочь наземным войскам решить эту нелегкую задачу.

С 22 февраля по 12 марта войска, предназначенные для участия в ликвидации хейльсбергской группировки врага, готовились к наступлению. Принимались все меры к тому, чтобы пополнить боевой состав частей и соединений, накопить боеприпасы, велась тщательная разведка.

После проведенной подготовки войска, действуя в условиях весенней распутицы и сплошных туманов, с 13 по 29 марта выпол-

* Сборник материалов по составу войск фашистской Германии. Вып. пятый, стр. 52—53.

нили поставленную задачу — расчленили и разгромили гитлеровцев, занимавших Хейльсбергский укрепленный район. В ходе двухнедельных ожесточенных боев уничтожили более 93 тысяч и взяли в плен 46 448 немецких солдат и офицеров, захватили 605 танков и штурмовых орудий, 3559 полевых орудий, 1441 миномет, 128 самолетов*.

На очередь дня встала задача — разгромить кенигсбергскую группировку гитлеровцев.

В начале апреля в районе Кенигсберга и Земландского полуострова продолжала обороняться оперативная группа «Земланд», состоявшая из одиннадцати дивизий, одной бригады и нескольких отдельных пехотных и специальных полков и батальонов фольксштурма**. В Кенигсбергский гарнизон входили пять пехотных дивизий, несколько отдельных полков, крепостные, охранные и фольксштурмовские части, насчитывавшие свыше 130 000 солдат, до 4000 орудий и минометов, более 100 танков и штурмовых орудий. Авиационную поддержку осуществляли 170 самолетов, базировавшихся на аэродромы Земландского полуострова***.

Кроме внешнего оборонительного обвода, преодоленного нашими войсками еще во время январских боев, гитлеровцы создали вокруг Кенигсберга и внутри его три оборонительные позиции, насытив их долговременными сооружениями и противотанковыми препятствиями. Первая позиция, оборудованная в шести-восьми километрах от центра города, состояла из нескольких сплошных траншей, противотанкового рва, линии надолб, проволочных заграждений и минных полей. На ней находились полтора десятка старых фортов, в каждом из которых размещался солидный гарнизон. По окраинам города проходила вторая позиция, включавшая в себя прочные каменные здания, баррикады, железобетонные огневые точки. Третья позиция, опоясывавшая центральную часть Кенигсберга, включала в себя бастионы, рavelины, башни и ряд весьма прочных построек. В центре города находилась старинная цитадель, вмещавшая гарнизон в несколько тысяч человек. Гарнизон крепости был укомплектован наиболее стойкими приверженцами гитлеровского режима.

План разгрома кенигсбергской группировки состоял в том, чтобы мощными концентрированными ударами с севера и юга по сходящимся направлениям рассеять гарнизон Кенигсберга и штурмом овладеть городом. Чтобы сковать силы земландской группи-

* Архив МО СССР. Ф. 241, оп. 2593, д. 854, лл. 112—113.

** Сборник материалов по составу войск фашистской Германии. Вып. пятый, стр. 80—81.

*** Архив МО СССР. Ф. 241, оп. 2593, д. 988, лл. 202—207.

ровки врага, из района Кенигсберга планировался вспомогательный удар в западном направлении.

Для проведения операции по штурму Кенигсберга были привлечены 43-я армия под командованием генерала А. П. Белобородова, 50-я армия под командованием генерала Ф. П. Озерова, которые наносили удары с севера; 11-я гвардейская армия под командованием генерала К. Н. Галицкого, наносившая удар с юга в северном направлении; 39-я армия под командованием генерала И. И. Людникова, находясь северо-западнее Кенигсберга, ударом на юг должна была отсечь крепость от вражеских войск, расположенных на Земландском полуострове.

Основная роль при штурме города отводилась огню всех калибров артиллерии, включая огонь орудий сверхбольшой мощности, а также авиации, которые должны были как перед штурмом, так и во время его сопровождать штурмующие войска и полностью деморализовать обороняющегося противника.

Для этой цели распоряжением Ставки фронту были предоставлены дополнительные и наиболее мощные средства подавления из резерва Верховного Главнокомандования.

К началу штурма фронт имел 5000 орудий и минометов, причем 47 процентов из них составляли тяжелые орудия, орудия большой и особой мощности с калибром от 203 до 305 миллиметров. К обстрелу наиболее важных целей, а также для срыва эвакуации противником войск и техники по Кенигсбергскому морскому каналу были привлечены пять морских железнодорожных батарей, в которых имелись одиннадцать 130-мм и четыре 180-мм орудий, последние с дальностью стрельбы до 34 километров.

Для огневого содействия наступавшим на город наземным войскам в подчинение командиров стрелковых дивизий выделялись орудия крупных калибров — 152-мм, 203-мм и 160-мм минометы. Для разрушения особо прочных зданий, построек и инженерных сооружений создавались корпусные и дивизионные группы разрушения из артиллерии особой мощности и реактивной артиллерии. Штурмовые войсковые группы также до предела насыщались артиллерией с выделением в них до 70 процентов дивизионной артиллерии, а в ряде случаев им придавались и тяжелые орудия.

Для воздействия на противника с воздуха привлекались две воздушные армии 3-го Белорусского фронта, авиация Ленинградского, 2-го Белорусского фронтов, Краснознаменного Балтийского флота и тяжелые бомбардировщики 18-й воздушной армии под руководством Главного Маршала Авиации А. Е. Гованова. Всего было привлечено к действиям при штурме Кенигсберга около 2500 самолетов. Общее руководство действиями авиации осуществлял командующий Военно-Воздуш-

ными Силами Красной Армии Главный Маршал Авиации А. А. Новиков.

Подготовка к штурму Кенигсберга велась одновременно с ликвидацией хейльсбергской группировки противника. Непосредственную подготовку войск фронта, предусмотренных планом к участию в штурме города и входящих в состав Земландской группы, в этот период вело командование и штаб Земландской группы войск во главе с командующим группой генералом армии И. Х. Баграмяном, начальником штаба генерал-полковником В. В. Курасовым, командующим артиллерией генерал-полковником Н. М. Хлебниковым и членом Военного совета группы генерал-лейтенантом М. В. Рудаковым. Большую помощь командованию 3-го Белорусского фронта оказал руководящий состав бывшей Земландской группы войск фронта и в период самого штурма.

Перед началом штурма наша артиллерия и авиация в течение четырех дней разрушали долговременные оборонительные сооружения крепости. 6 апреля после мощной артиллерийской подготовки начался штурм Кенигсберга. Пехота и танки под прикрытием мощного огневого вала атаковали противника. Во второй половине дня начала действовать во всю мощь наша авиация. Советские воины, имевшие к тому времени немалый опыт боев за города, смело шли на штурм вражеской крепости.

Враг упорно сопротивлялся, перебрасывая к Кенигсбергу с Земландского полуострова резервные пехотные и противотанковые части. Однако это не могло остановить нашего продвижения вперед.

В течение первого дня боев советские войска, продвинувшись на 3—4 км, заняли и блокировали несколько фортов, очистили от противника до полутора десятков прилегающих к городу населенных пунктов, перерезали железную дорогу Кенигсберг — Пиллау. К вечеру фактически уже не существовало единой оборонительной системы Кенигсберга. Противник лихорадочно возводил новые укрепления, баррикадировал улицы, взрывал мосты. Гарнизону крепости было приказано удерживать город любой ценой. В ночь на 7 апреля гитлеровское командование пыталось наладить нарушенное управление, привести в порядок изрядно потрепанные части, не допустить дальнейшего продвижения наших войск.

С утра 7 апреля развернулись жаркие бои в пригородах, а затем и в самом Кенигсберге. Отчаявшийся враг предпринимал яростные контратаки, бросал в бой наскоро сколоченные отряды фольксштурма. Гитлеровцы проводили спешную перегруппировку войск, вводили в бой последние резервы. Но все попытки остановить штурмующих, терпели неудачи. Второй день борьбы за город явился решающим. Наши войска продвинулись еще на 3—4 кило-

метра, овладели тремя мощными фортами, заняли 130 кварталов города-крепости.

Большую роль в этих боях сыграли авиация и артиллерия, громившие врага, засевшего в укреплениях. Только за один день 7 апреля наша авиация произвела более 4700 самолето-вылетов и сбросила на вражеские укрепления свыше полутора тысяч тонн бомб.

Сражение не утихало ни днем, ни ночью. Под прикрытием темноты наши части атаковали заранее разведанные объекты. Дорогу открывали саперы. Одновременно бомбардировала противника и авиация, совершив в ночь на 8 апреля до 1800 самолето-вылетов. С грохотом рушились железобетонные укрепления, вспыхивали пожары. Но обреченный враг по-прежнему бешено сопротивлялся, переходил в контратаки.

Да разве можно было остановить победную поступь советского солдата! Сломив упорное сопротивление врага на внутреннем оборонительном обводе крепости, войска 43-й армии очистили от противника северо-западную часть города. Одновременно соединения 11-й гвардейской армии, наступая с юга, форсировали реку Прегель и, соединившись с передовыми частями 43-й армии, замкнули кольцо окружения. К исходу третьего дня штурм нами было занято до 300 кварталов крепости. Несмотря на безнадежность своего положения, гитлеровцы продолжали сопротивляться. У них оставалась последняя надежда — устоять в центре города.

С утра 9 апреля бои развернулись с новой силой. Фашисты еще раз были подвергнуты мощным ударам нашей артиллерии и авиации. 5000 орудий и минометов открыли сокрушительный огонь. Одновременно 1500 самолетов бомбили крепость. После такого мощного удара войска снова двинулись в наступление, дробя и уничтожая разрозненные группы врага. Гитлеровцы начали сдаваться в плен целыми подразделениями. К исходу четвертых суток непрерывных боев Кенигсберг пал.

Таким образом, благодаря исключительному военному искусству и боевому мастерству, опыту, беззаветной храбрости и преданности советских воинов, умелому использованию массированных ударов артиллерии и авиации для разрушения прочных оборонительных сооружений противника, фронт выполнил сложную задачу в предельно сжатые сроки. Начав штурм Кенигсберга 6 апреля, войска 3-го Белорусского фронта уже 9 апреля принудили врага капитулировать.

Вспоминается, как на допросе в штабе фронта комендант Кенигсберга генерал Ляш на вопрос о причинах падения крепости ответил: «Солдаты и офицеры крепости в первые два дня держались стойко, но русские превосходили нас силами и брали верх.

Они сумели скрытно сосредоточить такое количество артиллерии и самолетов, массированное применение которых разрушило укрепление крепости и деморализовало солдат и офицеров. Мы полностью потеряли управление войсками. Выходя из укреплений на улицу, чтобы связаться со штабами частей, мы не знали, куда идти, совершенно теряя ориентировку: так разрушенный, пылающий город изменил свой вид. Никак нельзя было предполагать, что такая крепость, как Кенигсберг, так быстро падет. Русское командование хорошо разработало и прекрасно осуществило эту операцию. Под Кенигсбергом мы потеряли всю стотысячную армию. Потеря Кенигсберга — это утрата крупнейшей крепости и немецкого оплота на востоке».

В ночь на 10 апреля 1945 года столица нашей Родины — Москва салютовала героям штурма Кенигсберга двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из 324 орудий, оповещая весь мир о доблести, отваге и мастерстве советских воинов. В боях за Кенигсберг они проявили стойкость, бесстрашие, массовый героизм. Во главе штурмующих групп шли коммунисты и комсомольцы.

За четыре дня штурма Кенигсберга около двухсот воинов совершили подвиги, за которые были удостоены звания Героя Советского Союза. Среди них — рядовые П. Е. Павлов, А. А. Людвиченко, В. П. Миронов, А. Н. Бордунов, сержанты — И. В. Кутурга, Н. М. Королев, И. Н. Федосов и Ф. С. Игнаткин, старшины — командир орудия А. Е. Черемухин, А. Т. Сучков и И. П. Чиликин, лейтенант И. П. Сидоров, парторг роты Г. Ф. Молочинский, командир батареи А. П. Шубин, помощник командира взвода С. А. Мельников, комсорг батальона А. М. Яналов, командир пулеметной роты Н. А. Катин, командиры стрелковых дивизий — генералы И. Д. Бурмаков, М. А. Пронин, командующий артиллерией 11-й гвардейской армии генерал П. С. Семенов, командиры корпусов — генералы М. Н. Заводовский, С. С. Гурьев и многие другие. Командующий 43-й армией генерал А. П. Белобородов был награжден второй медалью «Золотая Звезда». Десятки тысяч воинов были награждены орденами и медалями. Многие полки и дивизии были удостоены правительственных наград; 98 частей и соединений получили почетное наименование «Кенигсбергских».

После взятия Кенигсберга в Восточной Пруссии оставалась только земландская группировка врага, имевшая в своем составе восемь дивизий, в том числе одну танковую. Сосредоточив вдвое превосходящие силы, фронт наносил главный удар в центре, в общем направлении на Фишхаузен, с целью расчленения немецкой группировки и последующего уничтожения ее по частям. Наступление началось утром 13 апреля. В тот же день оборона про-

тивника была прорвана. Не выдержав решительного удара наших войск, гитлеровцы 14 апреля начали отход в район Фишхаузена. 17 апреля войска фронта после ожесточенного боя овладели этим городом и тем самым выполнили основную задачу по очищению от противника Земландского полуострова. 25 апреля войска 3-го Белорусского фронта при активном участии Балтийского флота овладели крепостью и портом Пиллау — последним опорным пунктом врага на Земландском полуострове.

Военно-политическое и историческое значение победы Советской Армии и Военно-Морского Флота в Восточной Пруссии исключительно велико.

Восточнопрусская операция, как и большинство других наших крупных наступательных операций периода Великой Отечественной войны, явилась безусловным показателем боевой мощи Советской Армии и ее высокого военного искусства.

Восточнопрусская операция дала нашим Вооруженным Силам новый богатый опыт борьбы с сильным врагом, опиравшимся при своем сопротивлении на отлично подготовленную и глубоко развитую в инженерном и огневом отношениях оборону на крайне выгодной для него местности. Советским войскам приходилось решать задачу окружения и ликвидации сильного противника, одновременно прижимая его к Балтийскому морю и его заливам в районе Кенигсберга. Такая обстановка вынуждала их прибегать в основном к фронтальным ударам и лишала возможности вести действия на окружение. Эта характерная особенность театра военных действий породила многие выгоды и трудности для той и другой стороны, с которыми неизбежно приходилось считаться при организации и осуществлении боевых действий наших войск.

Чтобы преодолеть сильную в инженерном и огневом отношениях систему обороны противника, советское командование привлекло мощную артиллерию и сильную бомбардировочную авиацию. Они сыграли ведущую роль в этой операции. Опыт их применения в подобных условиях во взаимодействии с наступающими войсками интересен и поучителен.

Окруженные группировки противника приходилось ликвидировать последовательно одну за другой, изыскивая каждый раз новые, наиболее целесообразные методы действий.

Нельзя не отметить и тот полезный опыт, который извлекли наземные войска и Балтийский военно-морской флот из постоянных совместных действий. Балтийский флот, блокируя побережье Восточной Пруссии, наносил удары по морским коммуникациям, важным для обслуживания окруженных вражеских сил. Особенно активную помощь флот оказал наземным войскам в борьбе за Кенигсберг и при овладении военно-морской базой Пиллау.

В Восточнопрусской операции советские войска проявили беззаветную преданность Родине, доблесть и героизм, боевое мастерство и искусство побеждать врага в самой сложной боевой обстановке. Огромное значение в поддержании высокого морального духа, развитии инициативы и смелости воинов имела непрерывная и хорошо организованная партийно-политическая работа. Партийные организации и политические органы широко пропагандировали среди солдат и офицеров героические подвиги воинов частей и подразделений, помогали командованию обобщать опыт проведенных боев и операций.

В результате высокое моральное состояние наших войск, опыт, разумная инициатива и отвага командиров и бойцов делали чудеса. Хорошее знание противника и его излюбленных методов помогало нашим войскам наиболее успешно вести боевые действия.

Подводя итоги Восточнопрусской операции, нужно отметить напряженный труд в неимоверно тяжелых условиях работников войскового, армейского и фронтового тыла.

Большое удаление района боевых действий от основных экономических центров страны, серьезные разрушения, причиненные врагом не только на захваченных нами железных дорогах, недостаток в вагонах и средствах тяги, неизбежность перегрузки всех эшелонов, направляемых в войска, требовали от работников тыла и железнодорожников предельной мобилизации сил и самоотверженности. И они с честью преодолели все трудности.

С началом Восточнопрусской операции перед железнодорожными войсками были поставлены три задачи: восстановить железнодорожный путь и все объекты на направлении Гумбиннен — Инстербург — Кенигсберг; перешить участок Шталлупенен — Гумбиннен на союзную колею, с организацией здесь перегрузочного района; срочно восстановить трофейный железнодорожный транспорт и организовать правильную и мобильную эксплуатацию его. Темпы выполнения этих работ играли для фронта особо важную роль.

Большое напряжение испытывали железнодорожные войска при подготовке фронта к штурму Кенигсберга, когда поток воинских эшелонов значительно возрос, а наличие западноевропейского подвижного состава оказалось явно недостаточным. Железнодорожные войска получили приказ в срочном порядке перешить на широкую колею весь железнодорожный путь до Кенигсберга. Благодаря самоотверженной работе всего личного состава железнодорожных войск эта задача была блестяще выполнена. Еще большую самоотверженность, силу воли и подлинный героизм проявил весь состав этих войск в ходе боев за Кенигсберг. На тре-

тый день после овладения городом — Кенигсберг принял первые железнодорожные эшелоны, пришедшие по союзной колее.

Выполняя задания партии и командования, личный состав соединения железнодорожных войск трудился под огнем врага, а иногда принимал непосредственное участие в отражении контратак противника. Всего в Восточной Пруссии железнодорожными войсками во время боевых действий на направлении 3-го Белорусского фронта было уложено, восстановлено и перешито 552,5 километра главных и станционных путей, восстановлено и введено в действие 64 моста и один тоннель, восстановлено 5 железнодорожных узлов и 6 пунктов водоснабжения. За самоотверженный, поистине героический труд и подвиг многие из воинов-железнодорожников, обслуживавших восточнопрусское направление, были награждены Советским правительством орденами и медалями, а железнодорожные части также получили наименование «Кенигсбергских».

Разгромив восточнопрусскую группировку гитлеровцев, Советская Армия ликвидировала опасный форпост германского милитаризма на востоке.

Решением Берлинской конференции руководителей союзных держав по антигитлеровской коалиции Кенигсберг и прилегающие к нему районы были переданы Советскому Союзу, а остальные области Восточной Пруссии вошли в состав Польской Народной Республики.

Западногерманские реваншисты мечтают о пересмотре границы мира по Одере и Нейсе. Они открыто выступают за возвращение им Восточной Пруссии и земель, расположенных восточнее Одера и Нейсе. Поощряемые империалистами США и Англии, бывшие гитлеровцы наглеют все больше и больше. Они рвутся к атомному оружию, требуют амнистии военным преступникам, проводят открытые военные сборища в городах Западной Германии. Эти действия направлены на обострение обстановки в Европе, на провокацию новой войны.

Однако давно прошли и никогда не вернуться те времена, когда германский милитаризм мог беспрепятственно осуществлять свои агрессивные замыслы. Народы мира бдительно следят за пронска-ми поджигателей войны.

Наш народ не забыл и никогда не забудет грозные события войны, светлые имена и образы героев! Они увековечены в живых сердцах поколений. Все честные люди земли, все, кто сам испытал войну и кто помнит о ней, все, кто знает, какой дорогой ценой досталась нам победа, понимают, что лучшим памятником героям кровопролитной борьбы с фашизмом будет мир и дружба между народами, свобода и счастье трудового человечества.

КРАХ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ

История Восточной Пруссии прошла путями войн. Сюда — на побережье Балтики — тянулись торговые пути из полуденных в полнощные края. Через Восточную Пруссию легли кратчайшие пути в Литву, на Польшу, к Руси — к земле славян.

В XIII веке недалёковидные правители Польши позвали рыцарей Ордена тевтонов — предков нынешних фашистов — на борьбу с населявшими этот край пруссами. Тевтоны осели в Восточной Пруссии. По берегам Вислы, на всех путях построили они монастыри и замки. Так вырос Торн (взявший наименование от польского слова «торы» — торный путь), так у речного брода (по-польски «бруд») через реку Дрвенца, на пути с юга к морю, возникла крепость Бродница, так укреплялись крестоносцы в Мариенбурге, в Мариенвердере, в десятках важных пунктов. Замки тевтонов, закрыв пути через Восточную Пруссию, командовали всем краем.

И вот Советская Армия в глубине Восточной Пруссии. Мы идем мимо развалин этих замков, видим разрушенные своды мрачных подземелий, замшелые серые стены из дикого камня, окна с решетками в глубоких нишах, бойницы под крышами. Мы переходим по шаткому мосту через ров, наполненный мутной водой, поднимаемся по узкой лестнице на верх уцелевшей башни. Отсюда, с семидесятиметровой высоты, на десятки километров окрест видны леса, поля и дороги и на темнеющем горизонте — пожары и зарницы стрельбы. Там не затихает бой.

Мы спускаемся с башни на монастырскую стену, протянувшуюся по берегу Вислы. Она неприступно высится над водой. Через ее бойницы видна широчайшая пойма реки, уходящий к горизонту западный берег, понтонные мосты, по которым сейчас нескончаемым потоком идут в Померанию советские войска.

За такими стенами отсиживались псы-рыцари, в такие мрачные монастыри-тюрьмы сгоняли они рабов, здесь крестоносцы прятались от народа, отсюда с крестом и молитвой, с огнем и мечом совершали они свои разбойничьи набеги.

Укрепившись в районах городов Кенигсберга и Мемеля, они

начали наступление уже не только на Литву, но и на Польшу. Этот «натиск на восток» («Дранг нах Остен») повели Орден тевтонов и Ливонский орден, осевший в Прибалтике. Их наступление угрожало русским землям и отрезало русских от берегов Балтийского моря.

Тогда поляки, литовцы и чехи, объединившись с русскими полками, выступили против немецких рыцарей. Более пяти веков тому назад, в 1410 году, произошла знаменитая битва под Грюнвальдом (у Танненберга). В этой битве славянские воины — русские и поляки — с помощью литовцев разбили предков нынешних фашистов и надолго остановили их движение на восток.

Шли века...

Крепло и развивалось Русское государство. Русская армия, руководимая Петром I, вывела Россию на Балтийское побережье, открыла ей путь в Европу. Без этого пути задыхалась экономика России, ограничивалось развитие страны, затруднены были ее связи с другими государствами.

Одновременно шло становление европейских государств, разгоралась борьба за колонии, за рынки сбыта, за расширение границ. Снова планы пресловутого «Дранг нах Остен» не дают покоя немцам в Пруссии и прежде всего их королю Фридриху II, идейному отцу современных фашистских захватчиков. В войне против России ищет он выход из сложного переплетения европейских дел. Фридрих II грозит занять Курляндию, отрезать России путь в Европу через Балтийское море. Он не желает допустить Русское государство к участию в европейских делах, хочет лишить его союзников, отбросить русских людей на восток, загнать их в Азию. Для этого Фридрих II собирает большую армию, ведет интриги против России в Швеции и Турции и, обвиняя своих противников в агрессии, как это впоследствии повторил Гитлер, развязывает тяжкую для народов кровопролитную Семилетнюю войну. Медленно, но настойчиво шли тогда русские войска на запад, взяли Мемель, вошли в Тильзит, овладели Инстербургом и двинулись на Кенигсберг.

Если с автомагистрали Инстербург — Кенигсберг (по которой прошли войска 3-го Белорусского фронта) свернуть влево, можно у города Велау найти деревушку Грос-Егерсдорф, где в 1757 году русские войска столкнулись с прусскими. «Неприятели дрогнули, — пишет современник и участник этого сражения Болотов, — подались назад, наши сели им на шею и не давали им времени ни минуты... Тогда прусская храбрость обратилась в трусость, и сем месте, недолго медля, обратились они назад и стали искать «спасения — в ретираде». Победные крики «Наши взя-

ли!» неслись по фронту». Кенигсберг был взят, его ключи отправлены в Санкт-Петербург.

В Семилетней войне русские наголову разбили прусские войска, вошли в Берлин и поставили государство Фридриха II на грань катастрофы. Спаслось прусское государство лишь благодаря Петру III. Этот голштинский выходец, преклонявшийся перед прусским королем, агент Фридриха II на русском троне, став царем, свел на нет победу русских войск.

Прошло еще полвека...

Восточная Пруссия — снова театр военных действий. На этот раз Наполеон, разбивший Австрию и Пруссию, сосредоточил здесь свои войска против России.

И вот мы на высоте у Прейс-Эйлау, где сейчас расположено старое городское кладбище. Здесь в сражении 27 января 1807 года был командный пункт Наполеона.

С высоты открывается отличный обзор на широчайшее поле юго-восточнее Прейс-Эйлау, на деревни Клайн-Заусгартен, Зерпаллен, Моллвиттен.

С этой высоты зимним туманным утром видел Наполеон свои войска перед Прейс-Эйлау, а сквозь мглу там, на склонах вдали, он разглядел очертание русских колонн.

Мгла в тот день, как это часто бывает в Восточной Пруссии, становилась все плотнее. Балтийские ветры принесли снеговые тучи, и участники свидетельствуют, что с началом сражения завертелась выюга. Французы появились внезапно из густой пелены снега. Они атаковали русских раз, другой, третий, но были отбиты. Тогда Наполеон ввел в сражение кавалерию. Знаменитый маршал Мюрат повел своих всадников. Они прорвались сквозь центр позиции, но в глубине столкнулись с кавалерией русских. На помощь Мюрату двинулся корпус Ожеро, но и он, попав под губительный огонь русских батарей, отхлынул назад. Не милясь с неудачей, император обрушил на левый фланг русской армии свой самый сильный корпус испытанного маршала Даву (этот корпус наступал тогда с юга, вдоль дороги, по которой мчатся теперь Т-34, мотопехота, санитарные машины, «виллисы» наших генералов). Корпус Даву, смяв фланг русских, приближался к их центру, и наступил момент, который определяет исход сражения. Надо было принимать решительные меры, но командующий войсками барон Беннигсен исчез с поля сражения, а заменивший его барон Остен-Сакен приказал генералам отступить. Тогда среди войск появился генерал Багратион и повел их в контратаку. На помощь Багратиону с правого фланга на левый повел резервы молодой талантливый генерал Каменский; по скату высоты, что

сейчас застроена бараками, помчались орудия конной артиллерии Ермолова.

Участникам боев знакомо это состояние тревожного напряжения, когда в кризисе боя идет собиравание всех сил для отпора врагу, когда солдаты совершают нечеловеческие усилия, сражаются самоотверженно, отрешившись от всего в мире, кроме боя, кроме стремления разбить неприятеля. Как близки нам воины тех далеких времен, воины, пролившие свою кровь на этих же холмах, где теперь снова прогремел и прокатился на запад бой, оставивший на вершинах холмов красные, увенчанные звездами обелиски на могилах красноармейцев. Как близко и дорого нам ощущение победы, наступающее после таких тяжелых боев.

Сражаясь в снежной пелене, русские тогда отбросили Даву и приблизились к кладбищу, где стоял Наполеон. Со старых деревьев на могилы, на голову Наполеона падали ветви, ссеченные русскими ядрами. Но он стоял, не веря своим глазам, не веря, что терпит неудачу. Один из русских батальонов прорвался на кладбище. Батальон пробивался вперед, пока последний гренадер не был зарублен в ста шагах от Наполеона. Русские наступали и в эту лощину за кладбищем, адъютанты старались увести Наполеона, чтобы спасти его от русских штыков. Рано наступившая зимняя ночь развела противников. Наполеону пришлось тогда отдать приказ ловить своих солдат, бежавших от русского наступления в Торн, в Познань и даже в Берлин.

Дыхание военной истории ощутимо повсюду на этой земле.

Вот Фридланд — город на реке Алле. Сюда вернувшийся после сражения Беннигсен привел войска. Он обрек их на поражение, поставив на позиции тылом к реке Алле. Наполеон, увидев русских, не поверил своим глазам: так немыслимо для боя стояли они. Убедившись в гибельном положении русской армии, Наполеон начал наступление.

Вот через эту мутную быстротекущую речку под ядрами французских батарей плыли русские солдаты. По илистому дну тащили они свои пушки и с ними поднимались на крутой, обрывистый берег, ныне усаженный дотами. По кривым и узким улицам отходили с боем русские полки. Здесь, прикрывая их отход, Багратион собрал Московский гренадерский полк и, обнажив шпагу, повел солдат в контратаку. Багратиону доложили, что обозы на мосту задерживают переправу и нужно сбросить их, чтобы скорее отойти. «На то мы и арьергард, чтоб не оставить неприятелю ни ломаного колеса», — ответил Багратион.

Все это не только исторические сравнения и литературные ассоциации — это прежде всего боевой опыт, который пришел к нам из далека минувших войн. И в дни Великой Отечественной войны

в полевой устав Красной Армии — важнейший документ руководства боем — было записано, что нам нужны такие арьергарды, какими были арьергарды Багратиона.

В Отечественной войне 1812 года русские разгромили великую армию Наполеона. А в январе 1813 года по этим же путям Восточной Пруссии, из Вильно в Германию, пошли правофланговые полки армии Кутузова, и после ночного штурма снова пал Кенигсберг.

Прошло еще столетие...

Над миром забушевал пожар первой мировой войны.

Восточная Пруссия снова стала театром военных действий.

1-я (Неманская) русская армия двигалась к Гумбиннену. Поспешно шло развертывание армии, плохо работал тыл. С первого дня преступно осуществлялось управление армией ее командующим генерал-адъютантом бароном Ренненкампом. И все же вначале была одержана победа. Ее одержали русские войска, солдаты и лучшая часть офицеров и генералов. Смелыми действиями они отбросили германские дивизии. Самоуверенность немцев сменилась паникой — 8-я немецкая армия генерала Притвица стала поспешно отступать к Висле. К вечеру 20 августа 1914 года в германском генштабе стало известно о поражении их 8-й армии у Гумбиннена и о движении 1-й русской армии на запад. В тот же час пришло донесение, что 2-я (Наревская) русская армия генерала Самсонова перешла южную границу Восточной Пруссии и движется на север. Восточной Пруссии грозило окружение, армии Притвица — катастрофа. Эти события потрясли Германию и отозвались на берегах Марны у Парижа.

Прусское юнкерство не могло смириться с потерей своей вотчины — Восточной Пруссии — и опасалось угрозы, созданной Берлину. Притвиц был отстранен. Из Франции, где назревал решающий успех германских войск, подходивших к Парижу, были отозваны на восток два пехотных корпуса и одна кавалерийская дивизия. Это помогло французам уйти от катастрофы.

Немцы пожертвовали интересами своих союзников-австрийцев. Они лишили их поддержки, и те были разбиты русскими в Галиции. Но все это не спасло бы положения немцев в Восточной Пруссии. Возможности победы русских уже определились, но наряду с ними сложились причины поражения, и вместо победы русской армии разыгралась ее незабываемая драма...

Жаркими летними днями, в духоте и пыли шли солдаты 2-й армии Самсонова, и командующий Северо-Западным фронтом генерал Жилинский торопил и подстегивал Самсонова. Ренненкампом доносил ставке, что немцы, преследуемые 1-й армией, бегут; командованию казалось, что Самсонов не успеет перехватить немцев. А

на самом деле Ренненкампф после гумбинненского успеха остановил 1-ю армию и дал немцам время спокойно отойти и привести в порядок свою 8-ю армию. Мало того, Ренненкампф повернул часть сил 1-й армии к Кенигсбергу. Он не только не шел на сближение с Самсоновым, но от него отдалялся. Между армиями ширился разрыв.

Гинденбург и Людендорф, назначенные руководить 8-й армией, констатируя свое проигрышное положение, видели спасение в неповоротливости русского командования. Мало того, радиостанции русских штабов передавали все приказы и донесения, не шифруя их. Гинденбург и Людендорф читали их одновременно с адресатами. Оперативные карты русских были открыты. Немцы увидели, что между русскими армиями большой разрыв, что их фланги обнажены. Потом стало известно, что Ренненкампф полностью потерял соприкосновение с 8-й немецкой армией, что Жилинский, командующий фронтом, толкает армию Самсонова на север, а командарм, растянув войска на непомерно широком фронте, теряет управление ими. Войска были лишены подвоза, измучены, не имели дневок, шли без хлеба и без снарядов.

В таких условиях Гинденбургу и Людендорфу нетрудно было принять решение — прикрыться небольшой частью сил от Ренненкампфа, а главными силами обрушиться на армию Самсонова.

Наши войска идут теперь по дорогам, по городам и деревням, где накапливались массы немецких войск, где они выходили на фланги армии Самсонова.

Это было бы видно Самсонову, имей он хорошую разведку. Но генерал шел, как слепой, и вел свою армию на гибель. Штаб фронта продолжал его дезориентировать, торопя и указывая, что немцы уходят из-под удара. Пройдены Найденбург, район Танненберга, взят Хохенштейн. 15-й корпус 2-й армии в упорном бою разбил 20-й немецкий корпус и преследовал противника. 13-й корпус успешно двигался вперед, но эти успехи вели к поражению, ибо фланги 15-го и 13-го центральных корпусов все более оголялись. Им бы давно пора остановиться, а они все наступают. Фланговые корпуса армии уже отеснены. Центральным теперь надо не только остановиться, но отходить назад, а Самсонов, потеряв общую ориентировку, стремится на север, под удары противника с фланга.

Теперь, как никогда раньше, необходимо наступать Ренненкампфу. Положение немцев выигрышное, но опасное, движение 1-й армии Ренненкампфа может не только спасти 2-ю армию Самсонова, но раздавить 8-ю немецкую армию, которая, повернувшись на юго-восток, против 2-й армии, подставила свой тыл и фланги ударам 1-й армии.

Людендорф позднее в своих воспоминаниях писал, что «огромная армия Ренненкампа висела, как грозная туча, на северо-востоке. Ему стоило только двинуться, и мы были бы разбиты».

Но туча не разразилась бурей. Барон Ренненкамф, генерал-адъютант царя Николая II, отличившийся при подавлении рабочих в 1905 году, предательски бездействовал в борьбе против немцев.

Германские корпуса безнаказанно обошли центральные корпуса армии Самсонова и вышли им в тыл.

Можно многое рассказать о героизме солдат и офицеров, обреченных на борьбу в гибельных условиях, об отдельных солдатах и отрядах, вырвавшихся из окружения, — они неповинны в поражении.

Восточная Пруссия в первой мировой войне уцелела. Осиное гнездо пруссачества, вотчина помещиков и кулаков, питомник генералитета германской армии снова стал одним из важнейших центров подготовки новой мировой войны, пропаганды человеконенавистнических и захватнических идей.

Сейчас мы видим, как стремилось пруссачество к новой мировой войне. Мы видим их города, помещичьи имения, заходим в домашние и городские библиотеки. Множество книг посвящено пруссачеству Фридриха II, сомнительным «победам» в войне 1914—1918 годов, бредням фашистских заправил и прежде всего самого маньяка Гитлера, возвестившего немцам, что он «начинает свое наступление там, где были остановлены тевтоны много веков тому назад». Портреты Фридриха, Гинденбурга, Гитлера висят рядом, их книги стоят вместе, их идея «Дранг нах Остен» пришла от тевтонов к эсэсовцам, и Восточная Пруссия являлась ее важнейшей базой, а Танненберг — важнейшим центром ее пропаганды.

Немцы помнили разгром тевтонов при Танненберге, и сражение с армией Самсонова называли «битвой при Танненберге», символизируя этим реванш за 1410 год. Людендорф писал, что, предлагая это название Гинденбургу, он делал «приятное немецкому сердцу».

Район Танненберга стал заповедником хищников, рассадником идей нападения на другие страны. Он покрыт могилами немцев, убитых в 1914 году, заставлен монументами, кричащими о доблести немецкой армии. Десятилетиями издавались и переиздавались фотоиллюстрации «Штаб Гинденбурга наблюдает за действиями войск». Мы видим на этом фото немецких генералов на склоне высоты у стереотрубы; мы нашли это место на поле боя, отмеченное памятником с выпренной надписью. Но мы знаем, что до последнего момента борьбы и Гинденбург, и его штаб сомневались в победе над обреченной армией Самсонова. Людендорф тогда доносил, что «дурной исход еще не исключен».

Севернее Танненберга, у города Хохенштейна, выстроили небывалых размеров каменное круглое здание, предназначенное быть усыпальницей немецких генералов. Немцы видели в этом стиле «колоссаль», в кажущейся простоте стен выражение мощи и строгости, а получилась не то огромных размеров тюрьма со сторожевыми башнями и камерами-нишами, не то сарай с башнями для силоса и нишами-стойлами. Огнеупорный кирпич плохой отделки придавал этому строению красно-серый, грязный цвет.

Здесь свозили со всей Германии мощи старых генералов и укладывали в ниши.

Здесь на церемониях похорон сошлись фельдмаршал Гинденбург и одержимый ефрейтор Гитлер. И когда фельдмаршал умер, его похоронили с невиданной помпезностью, ему поставили памятник, тоже «колоссаль», а Гитлер предстал перед немцами, потом в кино и на фото перед всем миром как прямой наследник танненбергской (весьма сомнительной) славы фельдмаршала Гинденбурга.

Здесь сошлись немецкие генералы и фашистские проходимцы. Здесь проповедовали планы покорения СССР и всего мира. Здесь фашисты вызывали к действию силы тотальной войны, которая привела Германию к поражению, какого она еще не знала в своей истории.

В Восточной Пруссии переплелись не только хищнические идеи тевтонов Фридриха II, кайзера Гогенцоллерна и Гитлера, но и причудливо переслоились системы укреплений: замки средневековья, крепости эпохи Семилетней войны, 70—80-х годов прошлого века, укрепленные районы истекших десятилетий и железобетонная и полевая оборона последних трех лет.

Мы прошли городами Кульм, Торо, Мариенбург, Мариенвердер и десятками других городов в центральной и приграничной части Восточной Пруссии. Они построены на высотах, осели, как осьминоги, как пауки, на берегах рек, на скрещеньях дорог.

Штурм этих городов труден. Города, как правило, командуют над окружающей местностью.

В ближнем уличном бою овладеть приходится каждым домом, улицей, кварталом. Это трудно и кровопролитно. Но еще трудней овладеть крепостями. Они построены 60—70 лет тому назад и состоят из цитаделей и фортов.

Мы стоим на гласисе* форта «Кениг Вильгельм», где находился наблюдательный пункт немецкого офицера, и отсюда стараемся оценить возможности обороны местности перед фортом. Глаз напрасно ищет скрытые подступы к форту. Далеко впереди про-

* Гласис — земляная насыпь перед наружным рвом.

странство, десятилетия тому назад расчищенное для обстрела и вновь очищенное в наши дни. Сейчас на скатах валов, на гласисах, на вынесенных вперед площадках, за рвами, недоступными для танков, установлены крупнокалиберные пулеметы и противотанковые орудия. В глубине форта на площадках, некогда подготовленных для орудий крепостной артиллерии, стоят тяжелые минометы реактивного действия. Форт и ныне отличное противотанковое сооружение.

Менялись эпохи военного искусства, менялось вооружение, и ныне немцы, модернизируя старые форты, сохранив их названия — «Фридрих дер Гроссе», «Кениг Вильгельм» и другие, стремились укрепить свою оборону.

В Восточной Пруссии множество городов, деревень, поместий и хуторов. Находясь на выгодных для обороны высотах, они своим взаиморасположением дают возможность создавать огневые мешки и наносить фланговые удары.

Дома в приграничных районах Восточной Пруссии, стены домов, окна и особенно подвалы строились с расчетом быстрого приспособления их для обороны. Тысячи военных поселенцев, расположившихся у границы Восточной Пруссии, готовили свои хозяйства к обороне. Правда, у немцев не оказалось сверхъестественных укреплений, не было валов многометровой высоты, подобных Китайской стене. Это была выдумка Геббельса, рассчитанная на испуг военных дилетантов. Но укрепления городов, крепостей, деревень, имений, сочетаясь с укреплениями долговременной полевой обороны, создали в Восточной Пруссии мощную преграду, на непреодолимость которой надеялись немцы.

Мы стоим на мосту в городе Дёйч-Эйлау. Вокруг города и на улицах масса укреплений, но наше внимание привлекает прежде всего маленький мост на перешейке двух больших озер посреди города. Мост подготовлен к взрыву не только фугасом, но и авиабомбой в одну тонну. Если бы немцы успели его взорвать, Дёйч-Эйлау стал бы недоступен для атаки танковым соединением, которое здесь наступало. Через озера, покрытые тонким льдом, танкисты не смогли бы пройти, им пришлось бы обходить десятки километров вправо и влево, но там сплошные леса и болота. Если бы танковое соединение совершило еще более широкий маневр в обход этих препятствий, оно подставило бы фланг под удар со стороны привислинских крепостей. Так взрыв маленького моста на этой местности может повести к крупной неудаче наступления.

Мы движемся дальше на север. На пути у города Мюлен протекает речушка. Дорога к ней идет между двух высот. Все это кажется незначительным условием для обороны и не бросается в глаза. Но подойдите ближе — широкая пойма реки заболочена,

берега реки укреплены. Надо строить мост длиной более километра или любой ценой захватить мост на шоссе, не дав немцам его уничтожить. Но если перейти на противоположный берег и всмотреться в хутор, расположенный неподалеку на высоте, у дороги, можно заметить маленький сарайчик. Сломайте запор, распахните ворота — и на вас глянет стальная амбразура огромного артиллерийского дота. Зайдите внутрь. Приборов наблюдения нет, но откройте затвор орудия, посмотрите через канал ствола, и вы увидите, что под огнем этого орудия находится долина реки, а главное — узкое длинное дефиле между высотами. Сюда же, в дот тянутся провода фугаса, заложенного под мостом. Наступающие танки могут подойти к мосту через дефиле, но мост взлетит на воздух перед головным танком. Орудие подожжет задний танк, и все они окажутся в западне. Если танки не пойдут колонной и выбросят вперед разведку, она будет остановлена и нужно будет вести затяжной бой. Озера, соединенные многочисленными реками и каналами, — это укрепления и естественные преграды, которыми Восточная Пруссия прикрыта, особенно с юга, со стороны Польши.

Угрозы с юга всегда опасался германский генеральный штаб. Еще до первой мировой войны немцы укрепили южную часть Восточной Пруссии. Немецкие генштабисты проводили здесь маневры, на которых разыгрывали тактику обороны Восточной Пруссии одновременно с востока и с юга. После первой мировой войны, когда образовался Данцигский коридор, были выстроены укрепления в Западной Пруссии фронтom на запад против Данцигского коридора. Во все времена укреплялся север Восточной Пруссии — Поморье. Так, укрепленная со всех сторон, Восточная Пруссия закрывала собой Померанию, нависая над Польшей. Мосты на Висле соединяли Восточную Пруссию с Померанией; некоторые из них были построены давно, некоторые строились до последнего момента, пока наши танкисты не прогнали немецких саперов. Наконец, нижнее течение Вислы от Данцигской бухты до Бромберга было прикрыто ожерельем крепостей и тет-де-понов, что превращало нижнее течение Вислы в исключительно сильный рубеж обороны.

Но все эти сооружения имели не только оборонительный характер. Громадные казармы и склады, ремонтные заводы и мастерские рассчитаны на размещение, снаряжение и питание войсковых масс, неизмеримо больших, чем это требовалось для обороны Восточной Пруссии. Железные дороги, особенно приграничные станции, их рельсовая сеть также показывают на подготовку сосредоточения здесь крупнейших войсковых масс. Автострада и сеть шоссе подготовлены были для маневра этих войск, сеть аэро-

дромов — для базирования масс авиации; порты в южном бассейне Балтийского моря готовились к обеспечению наступления морем.

Так в новых условиях Восточная Пруссия стала стратегическим плацдармом, еще более важным, чем раньше, плацдармом, от которого шли пути на восток — на Вильнюс—Минск, через «Смоленские ворота» к Москве, на север, через Прибалтику, к Ленинграду, на юг — на Варшаву.

Так под розовыми идилическими крышами из черепицы с гнездами аистов наверху плодились хищники, так жили они на каменных кладках средневековья, на железобетоне укреплений, на тупых традициях, культивировавшихся со времен средневековья до наших дней.

Фашисты подготовились к нападению на Польшу, и один из главных ударов нанесли ей из Восточной Пруссии.

На этих же обсаженных деревьями дорогах сосредоточились бронированные массы германской армии, чтобы в июньскую ночь 1941 года с огнем, грохотом, криком двинуться на Москву и Ленинград.

Немцам казалось, что они достигли своих вожделенных мечтаний. Уже в 1941 году германская печать пророчила Кенигсбергу роль нового центра «Великой Германии», которая будет простираться до Волги. Отсюда, из Восточной Пруссии, началась колонизация Польши. Отсюда пошли колонизаторы, собиравшиеся осесть на землях СССР. Сюда, в Восточную Пруссию, гитлеровцы согнали пленных со всех стран. В первые годы войны Германия стала страной рабовладельчества, Восточная Пруссия — важнейшим центром работорговли.

Перед нами проходят длинной чередой невольники помещичьих имений и пленники крупнейшего лагеря в районе Танненберга.

Полон горечи рассказ французского лейтенанта Пьера Бешара. Как он попал в плен? В его взводе были танки Рено, двигавшиеся со скоростью восемь километров в час. Всем танкистам было ясно, что на этих танках невозможно воевать, но генералы, предавшие Францию, напоминали, что эти танки в 1918 году победили германскую армию. Зловещее слово «предательство» проносилось среди танкистов Франции. Под бомбами Бешар отходил из-под Седана, потом с укреплений Мажино. Он блуждал по Лотарингии, бежал в Вогезы, там был схвачен и очутился в лагере у Танненберга. Сюда же попал сержант Жозеф Жермез, служивший в танковом полку у города Камбрэ. Не думали французы из Камбрэ, откуда началось в первой мировой войне первое в исто-

рии победоносное наступление танковых войск союзников, что через четверть века французские танкисты окажутся за колючей проволокой у Танненберга.

Английский солдат Томас Джордж пять суток дрался в окружении у Дюнкерка, был схвачен, и двадцать восемь суток его вели через всю Германию в Восточную Пруссию. Английский штурман А. Люкас сражался в Тобруке и у Бенгази. Он был взят в плен в море при высадке на берег в Греции. Из Италии пригнали его в Германию. В пути он пробовал бежать, был схвачен и в наказание сослан в лагерь, где содержались русские военнопленные. Содрогаясь, вспоминает Люкас этот подземный лагерь. Тысячи, десятки тысяч французов, англичан, поляков сидели в казематах крепостей у Вислы. Часть из них была расстреляна. Уцелевших пригнали к Танненбергу.

Самое тягостное воспоминание этих пленников связано с началом войны против СССР. Мимо лагеря у Танненберга мчались немецкие машины с надписью «Париж — Москва — Лондон». Немцы торжественно отмечали первые свои победы, заявляли, что Россия будет покорена в один месяц. «Нам казалось, что боши будут господами мира, — признается бывший учитель сержант Эрмо Ронс. — По их требованию, кроме двух миллионов пленных, из Франции пригнали в Германию еще миллион французских юношей. Казалось, нас ждало вечное порабощение».

Скорбна повесть девушек из нашей страны, которые сами себя называли невольницами. Они говорят о том, как преследовали их агенты врага, как они прятались от них в сараях, в погребах, в лесах, как немцы взяли заложниками их матерей, отцов и пригрозили смертью. Тогда пришлось идти в Германию. Долгие недели девушек везли в запертых вагонах для скота, пригнали в Данциг, потом в Восточную Пруссию на продажу в рабство.

На рынке разлучали сестер, подруг, землячек, чтобы одиночкам труднее было сопротивляться. Немцы на рынке спорили: каждый хотел получить самых молоденьких, даже подростков, они слабосильней, но их легче заставить покориться; старшие сильней, опытней, но строптивей. Чтобы не было спора, девушек разыгрывали в беспроигрышной лотерее, по десять марок за билет. Билет № 8 пал на документы пятнадцатилетней русской девочки Оли Онуфриевой. Довольный немец оглядел свой «выигрыш», взял документы Оли и поехал в фаэтоне. Оля бежала за ним двенадцать километров по раскаленному асфальту усовершенствованной немецкой дороги.

Невольницам не разрешали встречаться, запретили разговаривать. За стеной сарая у соседа-кулака умирал на соломе пленный красноармеец. Он попросил девушек спеть ему любимую пес-

ню. Девушки тихо пели, слезы катились из глаз, но немец-хозяин услышал песню и прогнал девушек из сарая.

Никогда не забудут девушки, как погиб пленный красноармеец Николай (фамилия его осталась неизвестна). Суд приговорил его к пожизненной каторге за незначительную провинность. Хозяин-немец, помещик, остался недоволен решением суда, обжаловал его в Берлин. Николая приговорили к смерти и на скотном дворе отрубили ему голову.

Перед нами в бараке военнопленных сидят только что освобожденные русские врачи Пушкарев, Гордеев, Ржаницын, фельдшеры Пенкин, Ракитин и многие другие. Взрослые мужчины, три года тому назад сильные, жизнерадостные, плачут. Человеческое сознание не вмещает того, что они рассказывают о лагере военнопленных у Танненберга, что пережили за долгие месяцы и годы. Им бросали дохлых лошадей и потешались над тем, как люди, обезумев от голода, ели падаль. Пленным не давали пить. Но среди двора была огромная лужа, края ее были пристреляны пулеметчиками со сторожевых вышек. Люди ради глотка воды забывали о смерти и тут же падали в лужу, скошенные пулеметными очередями. Непогибших от голода добывали холодом. Бараки не отапливались, пленные спали, согревая друг друга телами, ночью многие умирали, у живых не было сил подняться, они лежали рядом с трупами.

Гитлеровская Германия стала каторгой для народов, Восточная Пруссия — одним из самых мрачных ее застенков. Люди, согнанные сюда со всей Европы, видели сквозь колючую ограду мрачное кирпичное здание, в котором стоял огромный памятник Гинденбургу, стоял, точно каменный сторож концентрационного лагеря «Восточная Пруссия».

Вскоре после начала войны с Советским Союзом в имения, хутора и города Восточной Пруссии все чаще стали прибывать извещения: «В России отдал жизнь за фюрера ваш муж... (сын... брат...)».

Потом пронеслось над миром огненное, страшное для немцев слово — «Сталинград».

— И мы поняли, — говорит пленный француз Этьен, — что нас освободят русские. У нас не было ни радио, ни карты СССР, но известия о каждом городе, освобожденном русскими, проникали через колючую проволоку в лагерь.

Сообщения Чрезвычайной комиссии о зверствах и об ответственности гитлеровцев попадали в лагерь через новых пленных, их носили на груди, передавали из уст в уста, переписывали от руки и ночью листки вывешивали на стенах барачков. По тому, как остервенело срывали немцы эти листки, как лютовали в поисках

тех, кто их расклеивал, видно было, что палачи не только ненавидят советских людей, но и боятся их.

В имениях и хуторах немки прятали газеты от невольниц, прогоняли их от радиоприемников. Невольницы, видя, с какой трепетной немки читали газеты, как они притикали к радиоприемникам, понимали, что победа Красной Армии недалека.

Грозный вал наступления катился все ближе и ближе к границам Германии и раньше всего достиг границы Восточной Пруссии. Пруссаки все еще не верили, что советские войска придут в их звериное логово, они надеялись на свою армию, на укрепления, на секретное оружие, обещанное Геббельсом. Немцы шепотом передавали друг другу, что после «фау» № 1 (фергельтунг — возмездие) последуют «фау» № 2, 3, 4, 5, 6, и эта полдюжина «возмездий» обрушится не только на Лондон, но и на Москву.

На худой конец был детально, с немецкой аккуратностью, рассчитан план, как эвакуироваться из Восточной Пруссии, как уйти от гибели. Всем немцам было приказано подготовиться к отправке, они заготовили себе длинные фургоны, на каждый из них повесили опознавательную бирку с обозначением района, откуда следует фургон, и указанием фамилии его хозяина. Предполагалось, что все эти фургоны будут построены в колонны и, как на параде, в строю, каждый на своем месте, согласно бирке последуют в глубь Германии. Эсэсовцы запугивали население, с одной стороны, зверствами русских, с другой — угрозами своей расправы, если кто-либо из немцев не пожелает уйти вместе с отступающей армией.

Грозные силы войны стучались теперь в ворота Восточной Пруссии, где вынашивались идеи тотальной, истребительной войны, идеи порабощения народов и господства немецкой расы.

Пути Великой Отечественной войны, ставшие, как ни в одной войне раньше, путями истории, пересекли Восточную Пруссию.

Могучие Вооруженные Силы Советского государства сосредоточились к январю 1945 года у границ Германии. Гитлеровское командование не предвидело размаха их действий, не знало, когда они начнутся, но понимало, что наступление советских войск неизбежно, и готовилось его отразить.

Восточная Пруссия в стратегических планах гитлеровского командования занимала свое особое и своеобразное место. Анализ расположения немецких войск перед советским фронтом показывает, что крупнейшие группировки немецких дивизий находились на крайних флангах и на Восточнопрусском плацдарме — около сорока пехотных дивизий. Сосредоточивая мощную группировку против правого крыла нашей армии, гитлеровцы рассчитывали остановить ее на укреплениях Восточной Пруссии, тем самым прикрыть Померанию и обезопасить здесь пути к Берлину. Одновре-

менно они предполагали, что смогут с Восточнопруссского плацдарма, выгодно нависающего над Польшей, наносить удары на юг, во фланг нашим войскам, наступающим из района Варшавы на Берлин. Немцы считали, что чем глубже будут устремляться наши войска от Варшавы на берлинском направлении, тем уязвимее будет их правый фланг для ударов из Восточной Пруссии.

Советской Армии в операции на Восточнопрусском плацдарме необходимо было обеспечить успех удара от Варшавы на Берлин, не допустить переброски ни одной немецкой дивизии из Восточной Пруссии к Берлину; одновременно, уничтожив всю восточнопрусскую группировку гитлеровцев, занять Восточную Пруссию и прорваться в Померанию.

Предстояло фронтальным наступлением прорвать немецкие укрепления. Долгие недели перед наступлением все — от командующего фронтом до рядового бойца — готовились к прорыву. Днем и ночью, боем и наблюдением они изучали позицию врага, рекогносцировали местность.

Утро 13 января было позднее. После долгой ночи медленно светало. Тысячи орудий ударили раскаленным дробящим металлом по укреплениям врага. Дым артиллерийской стрельбы поплыл над передним краем. Вскоре капризные ветры Балтийского моря пригнали туман. Сливаясь с дымом, он становился все плотнее, опускаясь все ниже и вскоре закрыл землю. Генерал-полковник Крылов находился в 800 метрах от переднего края противника, в расположении батальона своей пехоты. Он видел, как она рядом с танками быстро и решительно поднялась в атаку и скрылась в тумане. Оттуда из мглы доносилась непрерывная стрельба пулеметов

ДОКУМЕНТЫ ТЕХ ДНЕЙ

Здание № 2, 1-й батальон, комната № 61.

*Господину генералу, командующему
3-м Белорусским фронтом*.*

*Унтер-офицеры и солдаты 1-го батальона
3-го здания пункта сбора репатриантов Гум-
биннена выражают Вам свою признательность
за то, что Вы их освободили из-под немецкого
сапога.*

*Отъезжая в свою дорогую страну, мы вы-
ражаем Вам свое пожелание дальнейших успе-
хов и окончательной победы Советской Рос-
сии.*

*Да здравствует Россия! Да здравствует
Франция!*

Да здравствуют объединенные нации!

*Подписи: Флеш Андри, Лабле Эмили-
ен, Трибо Эме, Папор Албер-
Ожанд Леон, Легалле Леон,
Гайанд Андри, Лемаршанс
Пьер, Рошето Эли, Пилон
Андре, Вильку Рене, Колин-
Раймонд, Мулен Жан, Фла-
жо Франсуа, Видра Люсьен,
Альбер Жельмен, Жоани Ам-
бруз, Боннэ Морис, Буске-
Эми, Тольяд Элизе, Жильбер-
Люсьен, Муэн Жан, Комт-
Фернанд.*

** Архив МО СССР. Опись 2656, дело 204
лист 344.*

и автоматов и глухие мягкие удары танковых пушек, звук которых скрадывали башни. Потом по радио в блиндаж генерала начали поступать донесения наших танкистов: «видимость 500 метров», «видимость 300 метров», «видимость 200 метров» и, наконец, «веддем огонь в упор».

В тумане невозможны были действия нашей авиации. Она не могла появиться над полем боя и оказать помощь бросившейся в атаку пехоте. Все задачи разрушения укреплений, подавления и уничтожения техники и живой силы врага легли на артиллерию. Она вела массированный огонь по пристрелянным заранее объектам, но видимость все ухудшалась, и артиллерия лишилась наблюдения.

Наступление развернулось в невыгодных для 3-го Белорусского фронта условиях. Прервать начавшееся наступление обычно трудно, но возможно. Сейчас нельзя было этого делать, потому что далеко от Восточной Пруссии, на юге Польши, у Сандомира, уже сражались войска маршала Конева. Со дня на день должны были перейти в наступление войска маршалов Рокоссовского и Жукова, гигантское стратегическое наступление развертывалось на всем советско-германском фронте от Балтики до Будапешта, и войска генерала армии Черняховского даже в ухудшившихся условиях выполняли свой долг.

В первые дни сказалась мощь немецких укреплений и особенно их массовость. Борьба за траншеи, за группы дотов, за населенные пункты, имения, хутора, отдельные дома и каменные сараи потребовала своеобразной тактики. Надо было децентрализовать силы, что усложняло управление ими и без того трудное в сплошном тумане. Штабы дивизий максимально приблизились к войскам. Решающую роль стали играть мелкие комбинированные штурмовые группы. В тумане наши бойцы и офицеры стремительно сближались с врагом, прорывались через пристрелянные рубежи, и на гигантском поле сражения шумел кровавый рукопашный бой.

В первый день войска овладели только тремя траншеями, продвинулись всего на полтора километра. Во второй день войска усилили натиск, но немцы ввели в бой танки и десятки раз бросались в контратаки. Их удары отразили полки наших тяжелых танков, самоходных орудий и бригады истребительной противотанковой артиллерии. Наша пехота, прикрытая ими, не только не дрогнула, не остановилась, а продолжала наступление; она продвинулась на два с половиной километра. Третий день продолжалось наступление при непрерывных контратаках врага, четвертый день продолжался героический штурм; войска генерал-полковника Крылова преодолели десятую, двадцатую, тридцатую, сорок первую траншею.

В прорыве современной обороны важен не только самый факт продвижения вперед, но и темп, которым оно совершается, темп, определяющий характер и успех операции. Прорыв с «прогрызанием», как он ни труден, бывает неизбежен; важно, чтобы он совершился возможно быстрее.

Чтобы этого добиться, в наступление было двинуто танковое соединение генерала Бурдейного, но противник еще имел танки и артиллерию, и наши танкисты несли потери. За пять дней боев пройдено двадцать километров.

В другой операции эти двадцать километров означали бы прорыв всей тактической глубины обороны и выход на оперативный простор. Но в том-то и дело, что здесь, на кенигсбергском направлении, за тактической зоной, не было оперативного простора. Преодолев одну полосу сопротивления, пройдя сорок первую траншею, надо было начинать все сначала. Укрепления тянулись до Кенигсберга и далее до Вислы, а в районе Кенигсберга еще усиливались.

В глубоком раздумье сидел над картой генерал армии Черняховский, его военное чутье и опыт подсказывали, что в сражении кажущаяся иногда безвыходность положения обманчива. Если наступление не дало решительных результатов там, где их ожидали, это еще не значит, что затраченные усилия пропали даром. Тяжкие удары войск 3-го Белорусского фронта не могли не потрясти даже такую оборону, как немецкая оборона в Восточной Пруссии. Эти удары вели к успеху, но для его развития надо было найти новые пути. Действительно, армия генерал-полковника Крылова, вклинившись на двадцать километров в расположение противника, обнажила его фланг севернее полосы своего наступления. Генерал Людников, командовавший армией правее войск Крылова, доложил, что сопротивление противника слабеет. Напрашивалось решение развить наступление на новом направлении. Это означало сильное изменение плана операции. Танковые соединения Буткова и Бурдейного должны были теперь наступать не на запад, а сна-

ДОКУМЕНТЫ ТЕХ ДНЕЙ

Французские солдаты, комната № 116/2 здание № 2.

Господину коменданту сборного пункта репатриантов.*

Оставляя сборный пункт репатриантов чтобы вернуться во Францию, мои товарищи по комнате № 116 поручили мне послать Красной Армии их самую искреннюю благодарность.

Они, которые в течение 5 лет были под гитлеровским сапогом, никогда не забудут, что только Красная Армия их освободила.

Мы выражаем наше самое страстное желание, чтобы между обоими великими странами всегда существовало согласие.

Да здравствует Россия!

Да здравствует Франция!

Подписи: Шампаньск, Анжильбод, Костен, Ляфон, Ролен, Анри, Едмонд, Аликс и еще 12 подписей.

** Архив МО СССР. Описание 2656, дело 204, лист 347.*

чала на север, и уже в глубине обороны противника повернуть на направление главного удара, вдоль Кенигсбергского шоссе. Сумеют ли танкисты в этой крайне насыщенной обороне добыть себе свободу маневра или им придется также шаг за шагом преодолевать укрепления?

Танкисты должны были решить успех, и командующий фронтом, сам в недавнем прошлом танкист, поставил им трудную, ответственную задачу. Соединение генерала Буткова развернулось и смело устремилось на север. Танкисты ударом во фланг смяли немецкие войска и, не задерживаясь, резко повернули на юго-запад. Они обошли сильнейшие очаги немецкой обороны, прорвались в первый же день наступления на сорок километров в глубину, форсировали реку Инстер и вышли западнее Инстербурга. В ту же ночь генерал Бурдейный вывел свои танки из боевых порядков пехоты, оторвался от противника и, совершив тяжелый ночной марш, устремился за соединением Буткова.

Бои пехоты еще шли под Гумбинненом, а танкисты были уже западнее Инстербурга. Танкисты перерезали дорогу на Кенигсберг и нанесли удары, от которых затрепала немецкая оборона. Пал Гумбиннен, вслед за ним Инстербург. Танкисты добыли и вернули наступлению необходимый темп и сокрушительный характер боев на окружение и уничтожение врага. Развивая успех, танковые соединения Буткова и Бурдейного вместе с подошедшей пехотой устремились дальше на Кенигсберг.

Как ни велик был успех 3-го Белорусского фронта, он еще не означал победы в Восточной Пруссии. Крепость Кенигсберг и укрепленный район вокруг нее могли еще долго сопротивляться.

Вслед за войсками 3-го Белорусского фронта с плацдармов на реке Нарев севернее Варшавы, в направлении Пшасныш—Цеханув и Млава, перешли в наступление войска 2-го Белорусского фронта.

Здесь, как и на участке 3-го Белорусского фронта, враг оказывал упорное сопротивление. На каждом километре шла ожесточенная борьба, но, разрушая укрепления врага артиллерией, уничтожая его в ближнем бою огнем автоматов, громя артиллерийские позиции танками, обходя сильно укрепленные объекты, войска маршала Рокоссовского прорвали немецкую оборону. В прорыв были введены танковые соединения генералов Панова, Фирсовича, Попова и Вольского. Были взяты Пшасныш, Цеханув, Млава и Млавский укрепленный район. Отсюда часть сил маршала Рокоссовского продолжала наступление на запад, крупные силы устремились на северо-запад и потом все круче на север, к южной гра

нице Восточной Пруссии. Они стремительно двигались на север теми же полями, которыми тридцать лет тому назад шла армия Самсонова.

История вообще, и военная в особенности, не терпит упрощенных сравнений. Ни один современный бой не похож на другой. Тем более каждая операция прошлых войн, имея некоторые черты, приложимые к современным операциям, имеет еще больше черт, отличающих ее от современной операции.

Действия войск маршала Рокоссовского развернулись на Танненберг, но они несравнимы с действиями войск армии Самсонова, потому что проводились в исторически иной обстановке, во исполнение совершенно иного, чем в 1914 году, стратегического плана. С точки зрения оперативной, действия этих войск несравнимы потому, что тогда вся территория от Варшавы до южной границы Восточной Пруссии находилась у России. Ныне, чтобы достичь южной границы Восточной Пруссии, надо было выиграть крупнейшие сражения на реке Нарев, севернее Варшавы, на Мазовецкой равнине.

Разгромив войска противника на Мазовецкой равнине, овладев Млавой, войска 2-го Белорусского фронта обеспечили себе подход к южной границе Восточной Пруссии. Но это было только началом борьбы за решение поставленных задач. От Мазурских озер и болот до Вислы, вдоль всей границы, на пути войск 2-го Белорусского фронта были сильнейшие укрепления на местности, которая считалась недоступной для действий крупных танковых масс. У немецкого командования был, несомненно, детально разработанный план обороны Восточной Пруссии. Немецкий военный историк Гренер писал: «Едва ли нашелся хотя бы один офицер генерального штаба, который в мирное время не занимался бы подробно проблемой военной обороны Восточной Пруссии».

Подходя к границе Восточной Пруссии, войска Рокоссовского уже выиграли темп операции. Танковые и механизированные соединения стали обгонять свои пехотные части, устремляясь все быстрее вперед. Они оказались на фланге всей восточнопрусской группировки противника и угрожали ее тылам. Мы теперь точно знаем, что все штабы немецких корпусов, противостоявших войскам 2-го Белорусского фронта, бежали уже на третий день наступления. На четвертый день бежал штаб немецкой армии. Стремительность, направленность, внезапность ударов принесли успех. Наши танкисты захватывали сильнейшие укрепления, не дав противнику занять их своими резервами; они захватывали мосты, не дав возможности противнику их взорвать.

Танкисты генерала Фирсовича совершали ночные марши при свете прожекторов. Это вводило немцев в заблуждение, а танки-

сты, освещая их позиции, сближались и били по врагу. Они подошли к обводу мариенбургских укреплений, не встретив сопротивления, поймали полицейского и заставили его указать проход через укрепления.

Кавалерийские части 2-го Белорусского фронта под командованием генерала Осликовского ворвались в Алленштейн. Захватив железнодорожную станцию, они заставили немецкого диспетчера продолжать прием поездов и приняли из Кенигсберга 22 эшелона с немцами, спешившими укрыться в безопасное место от наступления 3-го Белорусского фронта.

Рокоссовский выбил из рук немецкого командования в Восточной Пруссии управление войсками. Летчик сбитого немецкого разведывательного самолета показал, что он был послан командованием искать свои войска. Через час был сбит второй разведывательный самолет, летевший с заданием — установить, где проходит передний край своей же обороны. Немецкие генералы уже не знали, где их войска, где линия боев. Все перемешалось. На фронте только одного соединения были взяты пленные четырнадцать разных дивизий.

Некоторое время еще действовал немецкий план обороны Восточной Пруссии с юга. Наши летчики донесли, что колонны глубиной в пятьдесят километров движутся из центра Восточной Пруссии на юг. Но было уже поздно. Пыталась атаковать наши части танковая дивизия «Великая Германия», но во встречном бою наши новейшие танки «ИС» подожгли и подбили тридцать восемь «тигров» и «пантер» и отбросили немецких танкистов на север. Переброска немецких резервов на юг лишь облегчила продвижение войск 3-го Белорусского фронта и не остановила войска 2-го Белорусского фронта. Крупные силы маршала Рокоссовского уже развернулись на Мазовецкой равнине, обошли залитые в 1914 году кровью русских солдат и проклятые ими Мазурские болота и неудержимо двигались на Оберландскую возвышенность на север — к берегам Балтики.

5-я гвардейская танковая армия генерала Вольского подходила к Найденбургу. Может быть, танкисты тогда и не вспомнили, что в Найденбурге некогда был штаб 2-й армии Самсонова, что впереди исторический Танненберг. Руководившие боями генералы Вольский и Гришин отдали по радио танкистам лаконичный приказ: «Овладеть Найденбургом, Танненбергом, Остероде».

Там, где некогда армия Самсонова дралась и погибала без патронов, без хлеба, теперь наносили сокрушительный удар немцам могучие соединения лучших в мире танков, самоходных орудий, гвардейских минометов. По тем полям, где увязали в песке русские солдаты, промчалась на бронетранспортерах, на автомашинах мо-

топехота. Там, где войска Самсонова шли без конных обозов, теперь действовали машины, моторы которых, вместе взятые, обладали мощностью в полмиллиона лошадиных сил. Ими управляли советские бойцы. Там, где когда-то царским войскам не хватало снарядов, одно только советское стрелковое соединение за короткое время обрушило на голову врага столько снарядов, что если бы их погрузить на автомашины, колонна машин была бы длиной в четыреста километров. Это наступала Советская Армия.

Немцы не выдержали удара взаимодействующих в одном соединении сильнейших боевых средств, и потому бои были скоротечные. Найденбург пытался сопротивляться нашей атаке с юга, но был сбит с востока, с запада и атакован с севера. Бой еще шел на улицах Найденбурга, а генерал Сахно уже выбросил сильный передовой отряд на Танненберг. В ночь, совершив марш, танкисты передового отряда завязали бой. Непроницаемый туман скрыл сближение, и бой стал ближним, в упор. Через час после начала боя полковник Омелистый передал в штаб генералу Сидоровичу боевое донесение о том, что «части, преодолевая упорное сопротивление противника, в 7.00 21/1 1945 г. подошли к Танненбергу. Ударом с юго-востока, с северо-запада и с юга, сломив сопротивление противника, нанеся ему большие потери, в 8.00 овладели Танненбергом». На этом историческом поле танкисты завоевали своим бригадам имя «Танненбергских».

Вот они холмистые поля у Танненберга. В утренней дымке выступают темные пятна лесов, скрывающих многочисленные озера и болота. В прогалинах между лесами видна чешуя черепичных крыш. Серое небо бесформенными тучами низко висит над черными скелетами придорожных деревьев. Мы идем по улице этой старой небольшой деревни, под именем которой дважды вошли в историю кровавые сражения. Сколько раз в военной академии мы видели ее на картах, сколько раз в тихих аудиториях на лекциях профессоров и на экзаменах незримо и беззвучно двигались вокруг нее войска. Ныне въев и в третий раз поля Танненберга стали ареной исторических боев.

Сейчас над каменными зданиями деревни воцарилась мертвенная тишина. Ночной бой прокатился далеко на запад. Еще свежи следы атаки наших танков на развороченной земле, разбитой технике врага, раздробленных повозках его обозов. Над всем этим низко стелется дым догорающих домов. Деревни и поля вокруг стали огромным кладбищем. Трупы фашистских офицеров и солдат раскиданы по улицам и холмам. Они лежат у памятника немцам, убитым в 1914 году, ими полно кладбище на окраине деревни. Кладбище находилось на высоте, служившей немцам опорным пунктом, и потому подверглось артиллерийской обработке. Общая

солдатская могила времен 1914 года разрыта, разворочена снарядом, и кости, черепа, ислевшие солдатские ботинки валяются на дне огромной ямы. Здесь же лежат укрывшиеся от обстрела и убитые сегодня ночью фашистские солдаты. Безусые арийцы в мундирах с орлом и свастикой на груди напрасно искали спасения от смерти в могиле, среди костей своих отцов. В страхе прижимаясь к ним, глядя в черные пустые глазницы черепов, прокляли они тот день, когда началась война.

Недалеко от Танненберга, на высоте, обсаженной декоративными кустами, стоит камень с надписью, извещающей, что здесь в августе 1914 года находился командный пункт Гинденбурга и Людендорфа. Это они вкпе с фашистами раздували новую войну, это они оставили своим ученикам, генералам и молодому поколению немцев, призыв к наступлению на славян, это они мечтали о тотальной истребительной войне, о новой славе Танненберга. Они получили войну на истребление и пришли к бесславию. У Танненберга, среди безмолвия могил, шевелятся страницы древней истории и встают картины битв первой мировой войны. На этом широчайшем поле уже раскрыты страницы еще не писаной истории, свершившейся в наши дни. Немцы мечтали о победах, но сюда, в Восточную Пруссию, не они вернулись с победой, а пришли наши армии.

Судьбе войны было выгодно, чтобы именно там, где тридцать лет назад не сошлись, а разомкнулись усилия русских армий, атаковавших Восточную Пруссию с востока и юга, ныне сомкнулись гибельные для врага усилия фронтов Советской Армии.

В день, когда войска 3-го Белорусского фронта овладели Инстербургом и прорвались глубоко с востока к Кенигсбергу, войска 2-го Белорусского фронта овладели городом Алленштейном и устремились к Эльбингу. Захвачены были основные узлы коммуникации. Парализован был маневр врага. Сжимались стальные тиски охвата восточнопрусской группировки. Возможность окружения всей Восточной Пруссии стала реально близкой. В эти же дни к Берлину и к Померании, обходя Нижнюю Вислу, неудержимо шли войска 1-го Белорусского фронта, надежно прикрытые ст ударов из Восточной Пруссии.

Молнией пронеслась над Восточной Пруссией весть о том, что русские прорвались. Гаулейтеры приказали немцам подготовиться к эвакуации. Приказано было уходить всем. Население предупредили, что сигнал к выезду будет дан по радио. Там, где не было радиоприемников, установили связь с помощью велосипедистов и конников. Немцы уложили вещи в фургоны и не отходили от радио, но оно молчало.

Весть о приближении русских проникла в лагерь военноплен-

ных. Она принесла звериный страх тюремщикам, радость и тревогу заключенным. Пленные ждали освобождения и боялись смерти накануне приближавшегося часа спасения. Им было известно, что перед приходом наших войск охрана лагеря или отходящие части СС всегда расстреливают пленных на месте или угоняют в глубь Германии, а это тоже означало смерть. Изможденные люди знали, что у них не хватит сил дойти, что их добьют по дороге или они умрут на морозе. Пленные вспоминали страшные картины расстрелов в Славуте, в Сувалках, в Умани, в Белостоке. Вспоминали, как тысячные колонны пленных, угнанные из лагеря, не доходили до другого, а исчезали навеки в придорожном лесу. Нервы людей были напряжены до предела.

Проходил день за днем, близилась к концу неделя. Пленные в лагере не знали, что творится на фронте, ждали свободы или смерти.

И вдруг пленные, пригнанные рыть траншеи, услышали отдаленный гул. В воздухе было тихо. Но гулом была полна земля. Он нарастал с каждым часом, как нарастает отдаленный гул океанского шквала, и наши люди приникли всем телом к земле, спрашивая у нее, откуда идет этот гул, далеко ли от них бушует сражение. Весть об этом разнеслась по лагерю, и, таясь от охраны, поодиночке и группами пленные спускались в траншеи: они искали участки, где яснее звучал гул борьбы, гул освобождения. К вечеру едва уловимый слухом, как вздохи отдаленной бури, возник в воздухе шум артиллерийской канонады. Он то усиливался, то пропадал, и сердца людей то бились в радостной тревоге, то замирали в тоске. Люди вытягивали шеи, поднимались тайком на чердаки барачных и в самозабвении прислушивались. Вскоре пленные увидели, как высоко-высоко в поднебесье прошли наши тяжелые бомбардировщики. Они быстро исчезли, а к вечеру вдалеке, по горизонту, поднялось зарево пожаров.

Среди ночи охранники лагеря подняли всех военнопленных. Криком, ударами прикладов, штыками они выгнали их из барачных, построили в колонны, чтобы гнать на запад, за Вислу. «Все... Конеч... Не дождался свободы». Над лагерем носился ветер, он гудел в колючей проволоке, сметал с крыш падающий снег. Впереди ждала гибель от штыка конвоира, смерть в снегу придорожной канавы.

И вдруг, как молнии сквозь пелену снегопада, во тьме пронеслись зарницы взрывов, сыграла «катюша». Грохот стрельбы стал слышен совсем близко, рядом, но не там, на востоке, откуда все ждали, а на юго-западе, позади лагеря. Это танкисты 2-го Белорусского фронта, совершая ночные марши, с боями прорываясь к морю, окружали Восточную Пруссию. В панике заметались охран-

ники и в страхе бежали из лагеря. Вместе с ними мимо лагеря бежали с фронта немецкие части.

В ту же ночь страшный взрыв потряс окрестность. Тяжелые обломки камней падали, проламывая крыши бараков. Взорванный немцами, взлетел на воздух памятник Гинденбургу. Каменный страж концентрационного лагеря и всей тюрьмы «Восточная Пруссия» рассыпался и валялся в прахе.

Далеко в поле, за лагерем, появился огромный танк. Чей это танк — никто не знал. Никто из пленных никогда не видел такой грозной машины с непомерно длинным орудием; он мало походил на танки, которые красноармейцы видели в 1941—1942 годах. Но вот танк развернулся, и тысячи пленных увидели в утреннем свете на башне советскую звезду.

Люди рванулись к колючей проволоке, они кидали поверх нее шинели, чтобы перелезть. Стена была высока, но порыв людей необъятен, — подбегали все новые и новые сотни и тысячи, толпа прорвала колючую стену и кинулась навстречу танку. Пленные кричали, кидали в воздух рваные шапки, больные ползли по снегу, обнимались, плакали. Тысячи изможденных людей окружили танк. «Нам некогда, товарищи, нас ждут другие, такие же, как вы!» — прокричал командир танка и умчался на север, к морю.

Лагерь у Танненберга покидали десятки тысяч пленных: русские, французы, англичане, поляки, чехи, американцы, сербы. Они покидали лагерь холода, смерти. Они проходили, стуча колодками деревянных башмаков по каменным плитам взорванного памятника Гинденбургу.

В дни, когда танкисты генерала Вольского и пехотинцы генералов Федюнинского и Гусева стремились с юга на север к Эльбину, к Данцигской бухте, туда же с востока бежали немецкие дивизии. Было ясно, что восточнопрусская группировка противника терпит поражение, что Восточная Пруссия будет занята нашими войсками, но фашистское командование все еще пыталось уйти от катастрофы, сохранить за собой полосу вдоль моря, по которой проходит автострада Кенигсберг—Эльбинг. Здесь окончательно решалось: либо войска 2-го Белорусского фронта выйдут к морю, отсекут пути из Восточной Пруссии, либо немцам удастся удержать сообщение с Померанией и Данцигом, откуда уже торопились резервы Гитлера, отряды морской пехоты, и тогда борьба примет затяжной характер.

Более недели танкисты генералов Вольского, Сахно, Малахова, полковника Михайлова не досыпали и не отдыхали. Почти все эти дни пурга — частый гость балтийских просторов — заметала до-

роги. По сугробам шли только танки, автотранспорт отставал, горючее, снаряды подвозили, пробиваясь через снежные заносы, порой продвигаясь по 5—6 километров в час. На пути к морю перед танкистами вставали не только враги, но и природа и собственная нечеловеческая усталость. Все преодолевая, охваченные неудержимым порывом — вперед, к морю, танкисты с боями перехватывали одну колонну гитлеровцев за другой.

Спустя десять суток после первых ударов на реке Нарев войска Рокоссовского прорвались к берегу Балтийского моря. Советские танкисты ворвались первыми в логово фашистского зверя и изнутри заперли Восточную Пруссию.

Немцы теперь уже не могли проскочить раньше нас за Вислу и стремились пробиться силой. Они свели вместе четыре пехотные дивизии, одну танковую, назвали эту группу первым эшелонном прорыва, подготовили к удару последующие эшелоны и перешли в наступление на запад, на Эльбинг. Соединение генерала Вольского в это время штурмовало Эльбинг, наступая фронтом на запад. Немцы грозили, ударив в тыл танкистам, прорваться к гарнизону Эльбинга. Танкисты приняли бой с перевернутым фронтом. Часть их, руководимая генералами Заевым, Малаховым, полковником Поколовым, штурмовала Эльбинг, другая часть под руководством генералов Синенко, Сахо сражалась фронтом на восток. Танковое соединение одновременно стало и молотом и наковальней. День за днем шла ожесточенная борьба. Пятнадцать суток танкисты ни на один день не выходили из боя. Усилились метель и мороз. Люди цепенели от холода и усталости. А фашистские полки вал за валом накатывались на танковый барьер. Ночами и в метель они проникали в глубину наших боевых порядков, добираясь иногда до штабов. Казалось, вот-вот прорвутся немцы и уйдут в Померанию. Но день за днем их цепи разбивались о наш стальной волнорез.

Войска 2-го Белорусского фронта отбрасывали противника на восток, войска 3-го Белорусского фронта наносили ему удары с востока. Те, кто спасся под Кенигсбергом, были уничтожены или взяты в плен перед Эльбингом.

Нашими войсками были пленены не только бежавшие солдаты-одиночки, но и сопротивляющиеся полки. На пехоту генерала Федюнинского и танкистов генерала Фирсовича натолкнулась немецкая пехотная дивизия и была разбита. Командир 391-го полка этой дивизии Ганс Клаузен сидит на допросе перед генералом Федюнинским. Допрос идет в кабинете прусского помещика. На Ганса Клаузена смотрят с портретов Фридрих II, Гинденбург и Гитлер.

Пленный полковник еще полон самоуверенности. Он заявляет, что попал в плен случайно, что его полк еще боеспособен и прорвется на Эльбинг. Генерал Федюнинский приказывает построить

весь немецкий 391-й полк, включая артиллерию и обозы, и предлагает командиру полка самому вести своих людей в тыловой лагерь для пленных. Немецкий полковник никнет головой и отказывается предстать перед строем своего полка.

Войска 2-го Белорусского фронта, частью сил завершив окружение, пресекли попытки противника прорваться за Вислу, одновременно крупными силами форсировали эту реку, вошли в Померанию и снова прорвались к морю у Кезлина, завершив окружение новой крупной группировки противника у Данцига. Этими действиями было еще надежней обеспечено окружение восточнопрусской группировки. Прорваться ей было уже некуда. Удрав из «кенигсбергского котла», она попала бы в «данцигский». Некоторое время эти «котлы» благодаря косе еще сообщались между собой, но вскоре сокрушительным ударом войска 2-го Белорусского фронта овладели Данцигом. Теперь между кенигсбергской группировкой противника и ближайшей территорией, еще занятой немецкими войсками за Одером, оказалось пространство в сотни километров.

В разгаре сражений за Восточную Пруссию войны 3-го Белорусского фронта и вся Советская Армия потеряли одного из самых молодых выдающихся своих полководцев — генерала армии Ивана Даниловича Черняховского.

Он был сражен осколком тяжелого снаряда, поразившим сердце. Вся жизнь генерала и его смерть на поле брани служили воинам примером, звали их на новые подвиги в боях с фашизмом.

Здесь неподалеку, за Неманом, у границы Восточной Пруссии и Советской Литвы, 22 июня 1941 года встретил войну командир 28-й танковой дивизии полковник Черняховский. Отсюда, из Восточной Пруссии, вторглась тогда в Советскую Прибалтику и двинулась к Ленинграду группа армий «Север». С ее танковыми дивизиями столкнулась дивизия Черняховского, и в первых же боях танкисты проявили героизм и самоотверженность.

Но 28-я дивизия была обойдена с флангов, отрезана от тылов и от штаба механизированного корпуса и вынуждена была отходить.

В неравных, порой гибельных боях испытал молодой полковник всю горечь неудач и потерь, не раз выводил из окружений свои подразделения, но большая часть танков сгорела в боях или осталась подбитой на пути отхода.

С последними танками Черняховский прикрывал отступление наших войск через Ригу, а за ней танкисты дрались уже в пешем строю.

С пулеметами, вынутыми из танковых амбразур, с винтовками и пистолетами подразделения 28-й танковой дивизии обороняли до последнего патрона древний Новгород и покинули город, когда он был охвачен пожарами, когда под массивной бомбежкой рушился памятник тысячелетия России.

Трудно описать, что пережил полковник Черняховский, оставшийся с уцелевшими бойцами без танков, без патронов на берегу озера Ильмень, в то время как немецкие танковые дивизии рвались дальше на север, к Ленинграду.

Но эти бои начала войны не сломили, а закалили советских воинов.

28-я танковая дивизия, став стрелковой, продолжала зимой 1942 года бои в глубоких снегах близ озера Селигер.

Летом 1942 года Черняховский, уже в звании генерал-майора, командуя танковым корпусом, участвовал в обороне Воронежа и там же был назначен командующим армией. Его армия освободила зимой 1943 года Курск и после боев на Курской дуге развила стремительное наступление к Днепру. Днепр был форсирован с ходу, и на западном берегу завязались тяжелые бои за плацдармы. Осень 1943 года и зима 1944 года прошли в напряженных боях на Правобережной Украине. Армия Черняховского в составе войск 1-го Украинского фронта отражала опасный контрудар противника на Киев, затем участвовала в грандиозном контр наступлении от Киева до Тернополя.

В сражениях Великой Отечественной войны развилось и окрепло военное дарование Черняховского, и тридцатилетнего командира назначили командующим 3-м Белорусским фронтом.

Войска фронта участвовали летом 1944 года в разгроме группы армий «Центр» в Белоруссии и первыми ворвались в Восточную Пруссию.

Советский полководец привел воинов туда, откуда три года тому назад двинулись на его Родину бронированные полчища гитлеровских войск.

Он погиб, выполнив героическую роль полководца до конца.

В командование 3-м Белорусским фронтом вступил Маршал Советского Союза А. М. Василевский.

Опыт Великой Отечественной войны учит, что операция уничтожения окруженного врага требует искусства и больших усилий. Перед маршалом Василевским, руководившим операциями в Восточной Пруссии, задача была тем более трудной потому, что окруженная группировка насчитывала десятки дивизий, опиралась на города и укрепления, на крепость Кенигсберг.

Полное уничтожение окруженной восточнопрусской группировки было завершено в три этапа.

Сначала были отсечены все войска, находившиеся юго-западнее Кенигсберга, и прижаты к заливу Фришес-Хафф. Опираясь концами в залив, шаг за шагом сжималась огненная подкова наших войск. На каждом шагу немцы отчаянно сопротивлялись. Они пытались увезти через залив свои штабы и офицерский состав и, чтобы выиграть время, гнали солдат в контратаки.

Это были дни полной распутицы. Наши войска наступали по глубокой грязи, форсировали болота, разлившиеся реки и приблизились к заливу. Наша артиллерия и авиация создали на берегу кромешный ад. Спасая свои шкуры, фашистские офицеры ночью взорвали прибрежную дамбу. Воды залива затопили местность, еще занятую немецкими войсками. Тысячи немцев, особенно раненых, утонули, тысячи добрались до наших войск и подняли руки. Наши танки, обойдя район затопления, прорвались к берегу, били отсюда по баржам и пароходам, на которых немцы пытались переправиться на косу и в Кенигсберг; баржи и пароходы горели. В грандиозном побоище на берегу залива с 13 по 29 марта были убиты тысячи и взято в плен свыше 50 тысяч немцев, захвачено 605 танков и самоходных орудий и свыше 3500 полевых орудий.

Последовал второй этап уничтожения противника в Восточной Пруссии. Войска 3-го Белорусского фронта перегруппировались для штурма Кенигсберга. У гарнизона крепости было достаточно времени, чтобы подготовиться к обороне. К сильнейшим крепостным сооружениям до последнего дня прибавлялись новые. Их строили десятки тысяч пленных, саперы и фольксштурмисты. Фашисты заявили населению, что сделают укрепления неприступными. Гаулейтер Восточной Пруссии пресловутый Эрих Кох приказал построить новый аэродром в черте самого города.

Всесторонняя подготовка наших войск предшествовала штурму крепости Кенигсберг. Укрепления вокруг были разведаны с воздуха, изучены по планам, путем наблюдения и по опросам жителей и пленных.

Войска использовали для тренировки уже захваченные противотанковые рвы, доты и траншеи. Был построен точный макет Кенигсберга, и командиры, от генералов до лейтенантов, изучали улицы, форты, все крупные объекты штурма. Войска осваивали тактику уличных боев. Они были разделены на штурмовые батальоны, роты, группы, в которые входили пехота, танки, артиллерия, саперы.

Одновременно шла грандиозная подготовка сокрушения в це-

лом всей обороны Кенигсберга ударами артиллерии и авиации. Тысячи орудий и самолетов сосредоточились под Кенигсбергом. Войска ждали ясной погоды. Наконец она установилась. Солнце и ветер просушили землю, прогнали тучи, очистили землю и воздух для небывалой в природе страшной грозы.

Войска 3-го Белорусского фронта перешли в наступление. Танкисты рассекали оборону вдоль улиц и площадей. Пехота и артиллерия, уничтожая немцев, очищали улицу за улицей, квартал за кварталом. Штурмовые батальоны пробивались в глубь города, смело оставляли за собой еще сопротивлявшиеся форты и сильные очаги обороны, которыми овладевали последующие эшелоны. На третьи сутки генерал Галицкий и генерал Белобородов по телефону договорились прекратить артиллерийско-минометный огонь, потому что их войска, наступавшие с юга и северо-запада, сблизились настолько, что могли поразить друг друга. Последние очаги немецкой обороны были взяты в рукопашном бою.

Историки подробно расскажут о классическом штурме Кенигсберга. Они оценят решающую роль нашей артиллерии и авиации, в чьих ударах проявилась поистине космическая сила.

Мы знаем разрушение городов и капитуляцию немецких гарнизонов, когда неделями длилась борьба и день за днем в бою разрушались дома, уничтожался враг.

У Кенигсберга невиданная даже в условиях современной войны разрушительная сила тысяч орудий, тысяч самолетов была собрана воедино и обрушилась на гитлеровцев в сжатые до предела сроки, и потому ее действие было подобно стихии, напоминало землетрясение.

Воздействие этих сил было невыносимо для врага: все гибнет, рушится, спасения нет ни в щелях, ни в подвалах, ни в железобетонных бункерах. Немцев обуяло безумие. Многие сошли с ума в буквальном смысле. В этом горящем пекле, в дыму, в пыли, в раскаленной духоте, у дьявольских костров горящих зданий наши бойцы атаковали гитлеровцев, и они стали сдаваться в плен тысячами.

Весь Кенигсберг был объят пламенем. Днем горы дымных облаков, толкаемые взрывами с земли, громоздились к небу, скрывали солнце, ночью пламя озаряло небосклон...

Гарнизон во главе с комендантом и подчиненным ему генералитетом капитулировал. И вот они предстали на допросе: дравшийся против нас с первого дня войны, увешанный железными крестами командир дивизии генерал-майор Хенле, инспектор всех оборонительных работ в Восточной Пруссии генерал-лейтенант Микош (инженер-сапер по образованию, он командовал танковой дивизией и потому полагал, что сочетание знаний сапера и танки-

ста поможет ему построить оборону, недоступную не только для пехоты, но и для танков) и, наконец, сам комендант Кенигсберга генерал Ляш, судьба которого отражает судьбу Восточной Пруссии.

Безусым лейтенантом тридцать с лишним лет назад участвовал Отто Ляш в составе 1-й кавалерийской дивизии в битве у Танненберга. Все три десятилетия готовился Ляш к новой войне. Он достиг поста командующего восточнопруссским военным округом. Он жил здесь же, в прусском городке Морунгене. Свою семью, свою вотчину он собирался защищать, как только мог. Ляш воевал под Ленинградом, успел бежать из-под Львова и был назначен как испытанный в боях командир, отлично знающий Восточнопруссский театр военных действий, комендантом Кенигсберга.

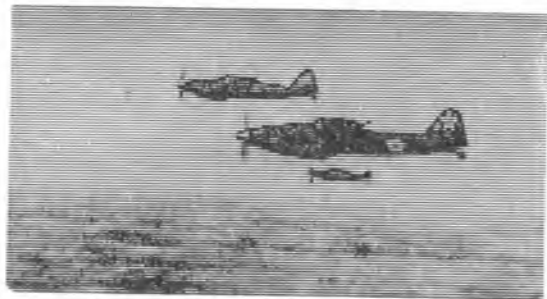
Генерал-майор Хенле показывает, что фронт его дивизии был прорван северо-восточнее Кенигсберга. Неудачу обороны он объясняет тем, что опоздал контратаковать русских. Генерал-лейтенант Микош винит во всем гаулейтеров, которые вторгались в его функции. Генерал Ляш подтверждает, что в первый же день боя была прервана связь между Кенигсбергом и Земландским полуостровом, где находился штаб армии, которому Ляш подчинен. Связь прервалась между дивизиями в Кенигсберге, и он не мог руководить боем.

Убоги объяснения пленных генералов, не понявших природы и меры вещей! Прижатые военными аргументами советского генерала, ведущего допрос, они соглашаются, что контратаки не спасли бы дивизию Хенле, что укреплений у Микоша было достаточно, что если бы у генерала Ляша и не нарушилась связь со штабом армии, ничто бы не изменилось, войска Земландского полуострова бессильны были хоть чем-нибудь помочь Кенигсбергу. И под конец они согласились, что удара Красной Армии нельзя было предотвратить, против него нельзя было устоять. Они теперь поняли, что Восточная Пруссия и вся гитлеровская Германия были в этой войне обречены на поражение.

1945 год

ОТ НЕМАНА

ДО ПИЛЛАУ

ПРОРЫВ УКРЕПЛЕННОГО ФРОНТА

Войска 39-й армии, которой я командовал, освободив значительную территорию братской Литовской республики и вторгшись в пределы Восточной Пруссии, занимали рубеж Шарен — Шилленен — река Неман протяженностью около 50 километров. С конца октября началась подготовка к предстоящему наступлению.

После ноябрьских праздников командующий фронтом генерал армии И. Д. Черняховский и член Военного совета В. Е. Макаров побывали в войсках армии. Они беседовали с солдатами и офицерами, а на командном пункте заслушали мой доклад о состоянии и нуждах войск армии. Одним из главных вопросов в докладе был вопрос о пополнении частей личным составом.

«Ваша просьба дать людей законна, — говорил генерал Черняховский. — Но вы должны понять: людей у нас очень мало. На многое не рассчитывайте».

Я доложил, что мы изыскиваем внутренние ресурсы и стараемся взять все, что только можно, из штабов и тылов, чтобы довести основной организм войск — роту — хотя бы до средней укомплектованности. В заключение генерал Черняховский сказал: «Надо серьезно, детально готовиться к предстоящим боям. Это мое основное указание. О содержании и времени проведения предстоящей операции мне еще ничего не известно».

В середине ноября, через несколько дней после возвращения из ставки, генерал Черняховский вызвал командующих армиями с начальниками штабов в штаб фронта. Он ознакомил нас в общих чертах с планом операции. В плане предусматривалось сильным ударом прорвать оборону противника на участке Вильтаутен — Пилькаллен — Шталлупенен; стремительно наступая на запад, разгромить тильзитско-

инстербургскую группировку и развивать в дальнейшем успех в общем направлении на Велау, Кенигсберг.

39-й армии была поставлена задача нанести стремительный удар левым флангом в общем направлении на Пилькаллен — Тильзит и во взаимодействии с войсками 5-й армии (командующий генерал-полковник Н. И. Крылов) разгромить тильзитскую группировку противника. Ближайшая задача армии состояла в том, чтобы силами 5-го гвардейского и 94-го стрелковых корпусов прорвать оборону противника на участке Вильтаутен — Шарен и к исходу пятого дня операции овладеть Тильзитом. 113-й стрелковый корпус должен был нанести удар из-за правого фланга ударной группы армии в направлении на Лазденен.

Сосед слева — 5-я армия наносила параллельный удар в общем направлении на Грос-Скайсгиррен, она должна была окружить и уничтожить тильзитскую группировку противника и в дальнейшем развивать успех на Гольдбах.

С утра второго дня операции планировалось ввести в прорыв 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус генерала А. С. Бурдейного, а с утра четвертого дня операции произвести развертывание 11-й гвардейской армии на реке Инстер и ввести в бой во взаимодействии с ней 1-й танковый корпус.

Замысел наступательной операции предусматривал прорыв обороны противника тремя армиями, сосредоточившими свои главные силы в полосе шириной 24 километра. Из этих трех армий основной удар наносила 5-я армия. Она должна была не только осуществить прорыв, но и обеспечить во взаимодействии с 28-й армией ввод в сражение сильного второго эшелона фронта — 11-й гвардейской армии и двух танковых корпусов.

Но в ходе наступления обстановка вынудила внести в план операции значительные изменения.

В течение декабря и первых дней января в армии велась напряженная работа по подготовке к наступлению.

Организуя боевую подготовку, мы в первую очередь отрабатывали вопросы повышения темпов наступления, ибо важно было не давать противнику закрепляться при отходе на последующих рубежах. Планировалось продвигаться не менее 16—18 километров в сутки, ведя наступление не только днем, но и ночью.

Днем наступление должны были вести главные силы дивизий, а на ночь следовало выделять сильные отряды от полков 1-го эшелона. Выделенные для ночных действий части еще днем должны были четко продумать все детали организации ночного боя. Людям надо было дать возможность хорошо отдохнуть днем.

Наличие артиллерии в армиях позволяло создать на участках прорыва следующую ее плотность: в 39-й армии — 150, а в 5-й армии — 220 орудий и минометов на 1 километр фронта.

На мой доклад командующему фронтом, что характер обороны противника требует увеличить плотность артиллерии и на участке прорыва 39-й армии, генерал Черняховский сказал: «Артиллерии во фронте нет, чтобы увеличить плотность артиллерии вашей армии. Надо использовать вероятный успех 5-й армии, принять меры к повышению действенности огня, лучше разведывать цели и тщательнее готовить данные для стрельбы. Надеюсь, вы решите задачи теми средствами, которые вам даны».

Партийно-политическая работа в этой операции имела свои особенности. Первая из них заключалась в том, что личный состав надо было готовить к боям на территории противника. Но самое главное — требовалось мобилизовать войска на разгром врага, который будет особенно яростно сопротивляться на своей территории. Все политорганы и партийные организации развернули большую пропагандистскую работу в этом направлении. Уже за несколько дней до наступления чувствовалось, что личный состав знает свои задачи и горит желанием разгромить врага и принести советскому народу долгожданную победу. Партийно-политическая работа оказала огромное влияние на повышение морального духа и наступательного порыва войск.

К исходу 12 января подготовка к операции была закончена. Несмотря на все меры по обеспечению скрытности подготовки, противник выявил время начала нашего наступления. В полосе 5-го гвардейского и 94-го стрелковых корпусов за два часа до начала артиллерийской подготовки он произвел артиллерийскую контрподготовку. Но она была слабой, непродолжительной и неэффективной.

Ровно в 9.00 на левом фланге участка прорыва фронта послышались залпы «катюш», а вслед за ними и сильная канонада в полосе 28-й армии. Через несколько минут артиллерийская подготовка началась и у соседа слева — в 5-й армии, затем, приняв дублирующий сигнал, открыла огонь артиллерия 94-го стрелкового, а через несколько секунд и 5-го гвардейского корпусов 39-й армии; артиллеристы начали огневую подготовку по сигналу залпов РС. Сильный туман не позволял управлять огнем, сопровождать танки и пехоту в период атаки. 5-й гвардейский корпус овладел только первой траншеей, 94-й стрелковый корпус продвинулся примерно на два километра.

14 января погода улучшилась, но незначительно. Авиация по-прежнему не могла действовать. Противник сосредоточил значительное количество артиллерии в полосе прорыва армии и пытался огнем и контратаками задержать наступление наших войск. 113-й и 5-й гвардейский стрелковые корпуса 14 января дважды атаковали врага, но безрезультатно. Поэтому я принял решение: учитывая, что части 94-го корпуса имеют некоторый успех, а Пилькаллен перед 5-м гвардейским корпусом представляет сильный узел обороны, нанести главный удар 94-м корпусом и прорвать оборону южнее Пилькаллена.

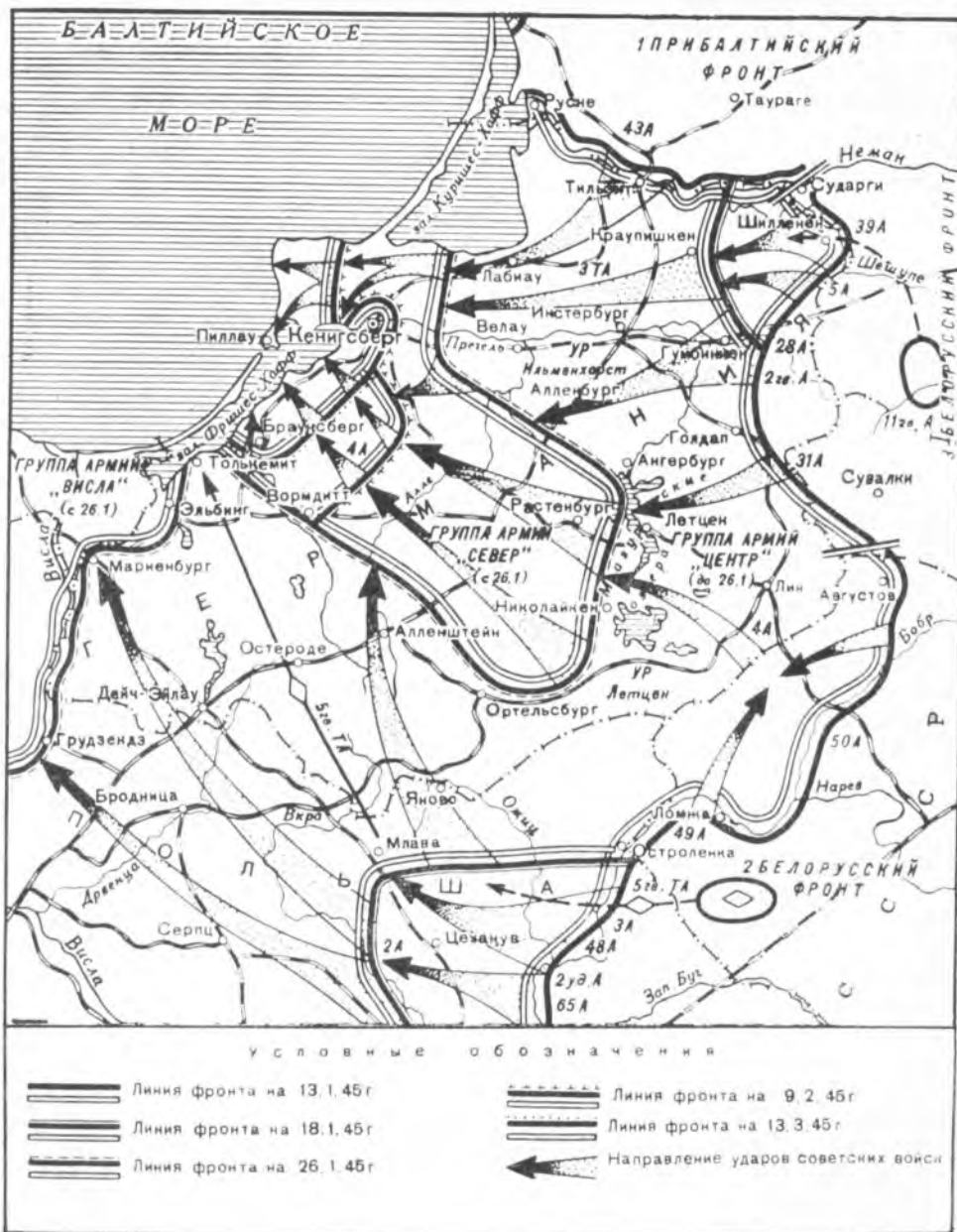

Схема Восточнопрусской операции

Для этого в ночь на 15 января была выведена из боя 358-я стрелковая дивизия и на ее место поставлена свежая 221-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора В. Н. Кушнеренко, 28-я гвардейская танковая бригада, 35-й танковый полк и 350-й тяжелый самоходный артиллерийский полк. Части действовали на узком участке прорыва в 2,5 километра.

Танки и самоходные установки под общим руководством командующего бронетанковыми и механизированными войсками армии полковника А. В. Цынченко получили задачу: при поддержке артиллерии и дивизии штурмовой авиации стремительно ринуться вперед, выйти в район Хенскишкен и обеспечить выход пехоты на этот рубеж.

О принятом решении я доложил командующему фронтом, и после некоторых уточнений оно было утверждено. Вся ночь на 15 января была посвящена организации боя и перегруппировке войск.

Атаку назначили на 10 часов 15 января с учетом обязательного действия бомбардировочной авиации. Хотя для атаки все было готово, утро 15 января не порадовало нас: сильный мокрый снег с густой дымкой исключал действия авиации и успешное взаимодействие танков, артиллерии и штурмовой авиации. Пришлось изменить приказ. Атаку назначили на 15.30, штурмовая авиация к этому времени должна была появиться над полем боя. Поскольку светлого времени было мало, мы рассчитывали на развитие успеха в ночных действиях. Командующий фронтом утвердил решение.

После сильного авиационного налета и короткой, но мощной артиллерийской подготовки войска 5-го гвардейского и 94-го стрелковых корпусов в 15.30 перешли в атаку. Танки устремились вперед и быстро оторвались от пехоты. Из стрелковых дивизий умело наступали 124-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора Панченко и 221-я стрелковая под командованием генерал-майора Кушнеренко.

За ночь с 15 на 16 января части 94-го и 5-го гвардейского стрелковых корпусов продвинулись на 6—7 километров, овладели на левом фланге Хенскишкеном, в центре — Пилькалленом.

16 января противник оказывал сильное огневое сопротивление и 16 раз переходил в контратаки пехотой и танками. Сильная пурга исключила действия авиации и затруднила ведение артиллерийского огня. По всем признакам, противник прилагал большие усилия, чтобы остановить наше наступление. Однако брешь, пробитая в боевых порядках противника на стыке двух армейских корпусов, заставила его в ночь с 16 на 17 января начать отвод южнонеманской группировки (9-й армейский корпус) в западном направлении на Рагнит — Тильзит. Ночью с 16 на 17 января на правом фланге 113-го стрелкового корпуса был захвачен пленный, который показал, что немецкое командование начнет отвод своих войск на запад в случае продолжения сильных атак русских.

17 января войска 5-го гвардейского стрелкового и 94-го стрелкового корпусов сломали ожесточенное сопротивление противника, начали более успешно наступать и за сутки продвинулись на 5—12 километров.

Противник начал отходить на инстербургский рубеж, однако на левом фланге гитлеровцы оказывали сильное сопротивление, вероятно, чтобы обеспечить отвод войск с участка южнее реки Неман.

Командующий фронтом, учитывая благоприятную обстановку, решил использовать успех 39-й армии и ввел в полосу нашей армии 1-й танковый корпус под командованием генерал-майора В. В. Буткова.

Перед общевойсковыми соединениями армии командующий поставил задачу преодолеть инстербургский рубеж и выйти на линию Ленгветен — Краупишкен.

Для усиления ее правого фланга армии намечалось подчинить 54-й стрелковый корпус.

18 января ко мне на наблюдательный пункт в районе Хенскишкена прибыли командир 1-го танкового корпуса генерал В. В. Бутков и командир штурмовой авиационной дивизии генерал-майор авиации С. Д. Прутков. Утро и первая половина дня были солнечными, морозными — это предвещало удачу в использовании артиллерии и авиации.

В 9.00 18 января после короткого, но мощного артиллерийского налета войска армии перешли в наступление. А в 10 часов 30 минут начал наступление танковый корпус. Сопровождаемые сильным огнем артиллерии и штурмовой авиации, танки на широком фронте прошли через боевые порядки стрелковых дивизий и устремились вперед, уничтожая на своем пути отдельные группы противника. Не располагая на этом направлении сильными резервами, враг пытался небольшими отрядами задержать продвижение наших танков, бросал в бой авиацию, самоходные орудия, однако он уже не мог остановить стремительного продвижения наших войск. Танковый корпус к вечеру форсировал реку Инстер, преодолел инстербургский рубеж и к 21 часу вышел в район

ДОКУМЕНТЫ ТЕХ ДНЕЙ

Смерть немецким оккупантам!

ВПЕРЕД, НА ШТУРМ КЕНИГСБЕРГА!

Товарищи красноармейцы, сержанты, офицеры и генералы!

Выполняя приказ Верховного Главнокомандования, войска нашего фронта закончили ликвидацию окруженной восточнопрусской группы немецких войск юго-западнее Кенигсберга.

В боях с 13 по 29 марта немцы потеряли здесь 80 тысяч солдат и офицеров убитыми и свыше 50 тысяч пленными. Нами захвачено: самолетов — 128, танков и самоходных орудий — 605, полевых орудий — свыше 3500, минометов — 1440, пулеметов — 6447, бронетранспортеров — 586, радиостанций — 247, автомашин — 35 060, тракторов и тягачей — 474, паровозов — 232, железнодорожных вагонов — 7673, складов с боеприпасами, вооруже-

Ленгветен — Марунен. Используя его успех, армия также ускорила свое продвижение и, пройдя с активными боями на главном направлении до 20 километров, вышла к реке Инстер. Но задача дня полностью не была решена. Необходимо было форсировать Инстер и овладеть довольно сильным инстербургским рубежом. Некоторые командиры дивизий не оценили значение этого рубежа и остановили полки, не организовав ночные действия по овладению им. Чтобы активизировать 124-ю и 221-ю стрелковые дивизии, в 94-й корпус выехал член Военного совета армии генерал-майор В. Р. Бойко.

С утра 19 января 54-й стрелковый корпус, переданный в состав армии, был введен в бой и начал преследование противника по южному берегу реки Неман в направлении Рагнита.

19 января армия решила две большие задачи. Два стрелковых корпуса (54-й — генерала Ксенофонтова и 113-й — генерала Олешева) разгромили группировку противника южнее реки Неман и овладели Тильзитом. 5-й гвардейский и 94-й стрелковые корпуса совместно с 43-й армией преодолели инстербургский рубеж, продвинулись на 30—35 километров и вышли к шоссе на дороге Тильзит — Кенигсберг, обеспечив совместно с 5-й армией успешный ввод второго эшелона фронта — 11-й гвардейской армии и 2-го Тацинского танкового корпуса.

Таким образом, к исходу 19 января немецкая оборона в Восточной Пруссии к северу от Гумбиннена была полностью прорвана. Армия во взаимодействии с 1-м танковым корпусом сильным ударом в общем направлении на Жиллен полностью разгромила тильзитскую группировку противника и, развивая свое наступление на запад и юго-запад, нависла с севера тяжелым молотом над инстербургско-гумбинненской группировкой противника, продолжавшей еще сопротивляться.

Тильзитская операция нашей армии планировалась на 5 суток. Выполнена она была за 7 суток. Но по результатам она имела большее значение во фронтовой операции, нежели ей придавалось Командую-

нием, продовольствием и другим военным имуществом — 313.

Восточнопрусская группа немецких войск юго-западнее Кенигсберга ликвидирована вами, доблестные воины, храбрые патриоты нашей Родины.

Вы получили за это благодарность и Москва от имени Родины салютовала вам, победителям.

Перед нашим фронтом остался теперь последний оплот восточно-

прусской реакции и ее разбойничий центр — город Кенигсберг.

Разгромленные в боях юго-западнее Кенигсберга фашистские хищники с остатками разбитых дивизий укрылись в стенах кенигсбергской крепости. Они думают этим отсрочить час своей неминуемой гибели.

Перед вами, славные воины 3-го Белорусского фронта, Родина поставила задачу сокрушить остатки немецко-фашистских войск, прижатые к морю и укрывшиеся в Кенигсберге.

щий фронтом в ходе операции изменил направление главного удара фронта.

Первоначально 11-я гвардейская армия имела задачу наступать во втором эшелоне фронта за боевыми порядками 5-й и 28-й армий; к исходу четвертого дня операции развернуться на рубеже Гайджен, Россталь, а затем во взаимодействии с 1-м танковым корпусом нанести стремительный удар в направлении Велау; частью сил совместно с 28-й армией к исходу пятого дня овладеть Инстербургом.

2-му гвардейскому Тацинскому танковому корпусу сначала ставилась задача с утра второго дня операции с выходом пехоты 5-й армии на рубеж Куссен, Бракупенен войти в прорыв на участке Куссен, Радшен; стремительно развивать наступление в направлении Краупишкен, Меляукен и к исходу четвертого дня главными силами овладеть крупными узлами шоссейных дорог Грос-Скайсгиррен и Меляукен.

В связи с успешным развитием операции в полосе нашей армии командующий фронтом принял новое решение, изменив не только план ввода в бой 2-го эшелона фронта, но и задачи 39-й, 5-й и 28-й армий. 1-й и 2-й гвардейский Тацинский танковые корпуса тоже получили новые задачи.

Генерал армии И. Д. Черняховский смело изменил задачи войскам фронта при преодолении тактической зоны, и они добились блестящих успехов в разгроме восточнопрусской группировки противника.

26 января генерал армии И. Д. Черняховский приехал на ВПУ армии в Жилленберг (4 километра западнее Гольдбаха).

— 39-я армия так быстро шагает, что ее трудно догнать, — вылезая из машины и обращаясь ко мне, сказал И. Д. Черняховский.

— Не всегда быстро, бывают и задержки, товарищ командующий. Вот на реке Дейме задержались двое суток — можно было бы продвигаться и быстрее.

Побеседовав с членом Военного совета, начальником штаба и дру-

Вы у стен Кенигсберга. Здесь, в этом городе, фашистские разбойники торговали кровью и слезами наших жен и матерей, детей и подростков, десятками тысяч продавали их с молотка в рабство прусским помещикам.

В этом городе — змеином питомнике — гитлеровские бандиты выращивали свои кадры шпионов и диверсантов, крепостников и мародеров, грабителей и детоубийц — этих профессиональных погромщи-

ков, этих средневековых мракобесов.

Вы пришли сюда как победители, как мстители и судьи над немецкими извергами за все их бесчисленные злодеяния.

Товарищи! Вы идете на штурм Кенигсберга в то время, когда наша героическая Красная Армия всюду громит врага. Красная Армия вышла на австрийскую границу. Красная Армия успешно бьет врага на территории Чехословакии, в Силезии и Северной Померании. Красной Ар-

гими генералами и офицерами штаба армии и пожелав нам дальнейших успехов, И. Д. Черняховский в приподнятом настроении уехал.

Войска нашей армии за 14 дней упорных боев во взаимодействии с соседними армиями разгромили тильзитскую группировку немцев и овладели крупными узлами сопротивления: Пилькаллен, Рагнит, Тильзит, Жиллен, Грос-Скайсгиррен, Меляукен, Тапиау, инстербургским оборонительным рубежом и рубежом долговременной обороны на западном берегу реки Дейме.

После взятия линии Дейме перед стремительно наступавшими войсками оказался Земландский полуостров. Предстояло прорвать сплошной лабиринт сильнейших укреплений, преграждавших пути во всех направлениях. Гарнизоны оборонительных линий и мощных узлов сопротивления могли взаимодействовать между собой и вести бой самостоятельно.

27 января войска армии своим правым флангом подошли к оборонительному рубежу Кранц — Кенигсберг, который прикрывал столицу Восточной Пруссии с севера, а также закрывал доступ в глубину Земландского полуострова.

Учитывая сложившуюся обстановку, я принял решение нанести сильный удар тремя корпусами на правом фланге армии севернее Кенигсберга. Корпуса ударной группировки имели задачу прорвать при сильной артиллерийской поддержке оборонительный рубеж Кранц—Кенигсберг, выйти к берегу Кенигсбергского морского канала и завершить окружение Кенигсберга.

Командиру 13-го гвардейского стрелкового корпуса было отдано боевое распоряжение: 27 января с ходу уничтожить противостоящего противника, решительными действиями в направлении Меттетена во взаимодействии с 1-м танковым и 113-м стрелковым корпусами отрезать все выходы из города на запад и северо-запад, выйти к устью реки Прегель и окружить кенигсбергскую группировку противника.

мией взяты крупные военно-морские порты — Гдыня и Данциг. Бои идут под Штеттином и на подступах к Берлину.

Армии наших союзников провали «линию Зигфрида», форсировали реки Рейн, Майн и ведут бои во Франкфурте-на-Майне. Авангарды танковых соединений союзников ведут бои у города Линден, в двухстах милях от Берлина, у границ Саксонии, под Нюрнбергом.

«Полная победа над немцами

теперь уже близка. Но победа никогда не приходит сама, — она добывается в тяжелых боях и в упорном труде».

Под страхом неминуемой расплаты за свои злодеяния гитлеровские бандиты, как обреченные, яростно сопротивляются.

Они забыли о том, как их предки были разгромлены русскими войсками и 24 января 1758 года, в свой национальный немецкий праздник, — день рождения Фридриха Велико-

Правее 5-й гвардейский стрелковый корпус должен был овладеть рубежом Радникен, Даммелькайм северо-западнее Кенигсберга.

В результате решительных действий части 5-го и 13-го гвардейских корпусов успешно прорвали оборонительный рубеж Кранц — Кенигсберг, в то время как остальные соединения встретили сильное сопротивление на линии фортов Кенигсберга и незначительно продвинулись вперед.

29 и 30 января войска армии на правом фланге продолжали успешное наступление. Особенно больших результатов в эти дни добился 13-й гвардейский стрелковый корпус генерала Лопатина. В ночь с 29 на 30 января он, умело организовав ночные действия, с боем прошел 12 километров, закончил отсечение Кенигсберга от земландской группировки и лишил его связи с военно-морской базой Пиллау.

Среди большого количества трофеев захвачено 53 самолета, из них более 50 процентов совершенно исправных. В 5-м корпусе умело и успешно сражалась 91-я гвардейская дивизия под командованием В. И. Кожанова.

В ночь на 31 января 13-й гвардейский стрелковый корпус вышел на северный берег Кенигсбергского морского канала, повернул одну дивизию в сторону Кенигсберга, а две другие продолжали наступление на запад в направлении на Фишхаузен. 5-му гвардейскому корпусу была поставлена задача выйти к берегу Балтийского моря. 91-я гвардейская стрелковая дивизия 3 февраля вышла на берег Балтийского моря.

Таким образом, за 16 дней войска 39-й армии во взаимодействии с 5-й армией прорвали оборону противника севернее Гумбиннена, обеспечили ввод в сражение 1-го танкового, 2-го гвардейского Тацинского танкового корпусов и 11-й гвардейской армии, совместно с ними разгромили тильзитскую группировку противника, окружили Кенигсберг и находившийся в нем гарнизон.

го — на площадях Кенигсберга при-
сагали победившим русским войскам.

Выполняя боевой приказ Родины, мы приумножим славу и героизм наших предков. Мы не допустим, чтобы эти последние вояки Восточной Пруссии, засевшие в Кенигсберге, мозолили нам глаза.

Вперед, товарищи, на штурм Кенигсберга!

Смелее атакуйте вражеские форты, выкуривайте немцев огнем и гранатой из бетонных нор, ломай-

те сопротивление врага, жгите его танки и самоходки, уничтожайте его живую силу.

Родина дала нам все для победы. Нас поддерживают тысячи самолетов, нам расчищают путь тысячи первоклассных орудий.

Используем наше замечательное оружие на всю его мощь!

Смерть немецким захватчикам!

Военный совет и политуправление
3-го Белорусского фронта.

Апрель 1945 г.

ОПЕРАЦИЯ «ЗЕМЛАНД»

Ко второй половине февраля 1945 года оборонявшиеся в Восточной Пруссии войска группы немецко-фашистских армий «Север» были прижаты к побережью Балтийского моря и рассечены на две группировки. Войска 4-й немецкой армии, насчитывавшие свыше 150 тысяч солдат и офицеров, с упорством обреченных удерживали Хейльсбергский укрепленный район юго-западнее Кенигсберга. Войска одиннадцати дивизий 3-й танковой армии закрепились на Земландском полуострове и в районе Кенигсбергской крепости. Против первой группировки вели боевые действия войска 3-го Белорусского фронта, против второй — 1-го Прибалтийского фронта.

После гибели генерала армии И. Д. Черняховского войска 3-го Белорусского фронта возглавил Маршал Советского Союза А. М. Василевский — представитель Ставки Верховного Главнокомандования.

Для одновременной ликвидации мощной восточнопрусской группировки немецко-фашистских войск, занимавшей труднопреодолимые укрепленные районы, 3-й Белорусский и 1-й Прибалтийский фронты не располагали к тому времени достаточными силами и средствами. Учитывая это, Ставка Верховного Главнокомандования принимает решение: уничтожить вражескую группировку по частям.

Для лучшего использования сил и средств и централизации управления боевыми действиями наших войск 1-й Прибалтийский фронт был преобразован в Земландскую группу войск, которая также была подчинена маршалу Василевскому.

В конце февраля он поручил мне подготовить так называемую операцию «Земланд» — штурм Кенигсберга и разгром всей земландской группировки немецко-фашистских войск. Ставка одобрила это решение и назначила готовность наших войск к штурму Кенигсберга на 28 марта. Таким образом, на подготовку столь трудной операции у нас оставалось не более месяца.

Не теряя ни одного дня, штаб Земландской группы войск во главе со старым моим боевым соратником генерал-полковником В. В. Курасовым четко спланировал всю работу по подготовке штурма. За оставшееся время требовалось более тщательно разведать характер обороны и группировку войск противника, в чрезвычайно стесненных усло-

виях местности осуществить значительную, весьма сложную перегруппировку и сосредоточение войск и всестороннюю их подготовку для участия в предстоявшем штурме. Требовалось также скрупулезно подготовить артиллерийское и авиационное наступление, согласовать четкое взаимодействие сил сухопутных войск, авиации и военно-морского флота, особо тщательно организовать взаимодействие всех родов войск внутри общевойсковых армий, ибо штурм такой крепости, как Кенигсберг, во многом отличался от обычного наступления.

Активно и широко проведенная разведка дала нам исчерпывающие сведения как о силах противника, так и о характере его обороны. Были тщательно изучены все имевшиеся документы о характере местности и укреплений в районе Кенигсберга, дополнены новыми разведывательными данными.

Проводилось наземное наблюдение и аэрофотосъемка, с помощью которой были обнаружены и изучены многие ненаблюдаемые цели. Очень ценные сведения добыли разведчики-саперы, а также группы разведчиков, засылавшиеся в тыл врага начальником разведки фронта генерал-майором А. А. Хлебовым.

О характере обороны Кенигсбергского крепостного района читатель найдет в этом сборнике достаточно полные сведения, поэтому мы не станем анализировать ее систему. Мне хочется вспомнить лишь об одном характерном эпизоде. Когда мы знакомились на местности с первой линией обороны, то мне бросилось в глаза обилие красивых холмов, покрытых могучими вековыми деревьями. Когда я обратил на них внимание начальника инженерных войск генерал-лейтенанта В. В. Косарева, он с досадой заметил:

— Под такими вот «рощицами» скрыты трехэтажные мощные форты. Каждый из них представляет собой огромное шестиугольное сооружение площадью 360×200 метров, окруженное 20-метровым противотанковым рвом, 7-метровая глубина которого наполовину заполнена водой... Нелегко будет, — с тяжелым вздохом продолжал наш инженер, — выкурить из такого сооружения вражеский гарнизон — усиленный батальон, укрывающийся под трехметровым слоем кирпича и железобетона, покрытого трех-четырёхметровым слоем земли. Причем, все подступы к форту простираются многослойным артиллерийским и пулеметным огнем.

Как выяснилось в дальнейшем, это еще было не все. Промежутки между фортами были заполнены железобетонными дотами, бункерами, прочными каменными зданиями, подготовленными к обороне. Все заводские и крупные административные здания города были хорошо подготовлены к круговой обороне, а улицы и площади города перекрыты железобетонными многообразными огневыми точками, замаскированными танками, самоходными орудиями. Вся оборона, начиная с

первой позиции и кончая центром, была густо напичкана сложной системой противопехотных и противотанковых препятствий. Проволочные заграждения, минные поля, фугасы, противотанковые ежи, рвы, ловушки — все это сочеталось одно с другим и надежно прикрывалось многослойным огнем. Для удержания всех этих бесчисленных мощных укреплений крепости гитлеровское командование располагало более чем 130-тысячным гарнизоном. Почти столько же, сколько имели мы для проведения штурма. Впервые, пожалуй, в истории современных войн штурм такой могучей крепости осуществлялся почти равными силами.

Нельзя не вспомнить и такой факт: большинство частей, составлявших гарнизон крепости, было укомплектовано в основном коренными жителями города и прилегающих к нему районов Восточной Пруссии, что в значительной мере повышало устойчивость обороны.

Враги находились, так сказать, в своем собственном «логове». А в таких случаях даже волк дерзко бросается на охотника.

Ясно представив себе всю трудность предстоявшей задачи, мы с исключительной тщательностью разрабатывали план операции и готовили войска к штурму крепости. Никогда и никакую наступательную операцию мы столь тщательно еще не готовили.

Продуманы были самые мельчайшие детали штурма. Именно скрупулезность подготовки штурма, помноженная на всеокрушающий героический порыв советских воинов, обеспечила успех при овладении столь сильной крепостью.

План штурма был одобрен маршалом А. М. Василевским.

Зная из опыта, что бой в крупном городе обычно распадается на серию отдельных, часто изолированных атак, исход которых зависит от самостоятельных, решительных и инициативных действий небольших подразделений, усиленных артиллерией, танками, самоходными орудиями и огнеметами, мы создали во всех стрелковых дивизиях сильные по своему составу штурмовые отряды и группы.

Неоценимую услугу готовившимся к штурму командирам оказали офицеры оперативного управления, возглавляемые генерал-майором Ф. Н. Бобковым. Вместе с офицерами разведки и топографической службы они за короткий срок подготовили два точных и весьма детальных макета всей системы обороны Кенигсберга, по которым командиры изучали план предстоявшего штурма каждый в полосе наступления своей армии, соединения и части. Вот почему в ходе штурма все командиры так легко ориентировались в укреплениях противника.

Огромную работу по подготовке артиллерийского обеспечения штурма проделал весьма опытный и энергичный начальник артиллерии фронта Герой Советского Союза генерал-полковник Н. М. Хлебников со своим штабом. Подготовка артиллерийских групп различного назначения, огромного количества орудий для разрушения (во взаимодействии

с дальней авиацией) мощных оборонительных сооружений противника и подавления всей системы артиллерийско-минометного огня и живой силы обороняющихся, а также многие другие сложные задачи легли на его плечи. Генерал-полковник Н. М. Хлебников отлично справился с ними.

Не меньше забот выпало на долю наших инженерных войск и их начальника генерал-лейтенанта В. В. Косарева. Свыше половины инженерно-саперных войск вошло в состав штурмовых отрядов и групп, а остальная часть была использована для создания специальных групп разведки, отрядов заграждения, восстановления дорог, мостов. Колоссальную работу проделали саперы для инженерной подготовки исходных позиций наших войск. Кроме того, они заранее заготовили огромное количество разборных мостов большой грузоподъемности, обеспечивших преодоление танками и артиллерией многочисленных каналов и рвов. Много сделали для подготовки штурма Кенигсберга мой заместитель по бронетанковым войскам генерал-лейтенант Скорняков и начальник химической службы генерал-майор Власов. Танкисты вместе с подразделениями огнеметчиков и дымовиков сыграли немаловажную роль в обеспечении успеха штурма фортов и других укреплений.

Исключительную оперативность, высокую организованность и настойчивость проявили и офицеры службы тыла, возглавляемые моим заместителем по тылу генерал-лейтенантом Андреевым. Почти с самого начала подготовки к штурму начались непрерывные дожди. Дороги, даже имевшие твердое покрытие, настолько были разбиты, что передвигаться по ним на машинах было чрезвычайно трудно. Это тоже немало осложнило деятельность не только войск, но и, в первую очередь, средств подвоза и эвакуации.

Не вызывает сомнения, что наши войска в сравнительно короткий срок не смогли бы так тщательно и быстро подготовиться к штурму и столь блестяще осуществить его, если бы всю деятельность войск не пронизывала целеустремленная партийно-политическая работа, направлявшаяся членом Военного совета Земландской группы войск генерал-лейтенантом М. В. Рудаковым. Политработники организовали широкий обмен опытом участников боевых действий в крупных городах. Большую помощь оказала и армейская печать. На ее страницах публиковались статьи, рисунки, освещавшие тактику боев в укрепленном городе, преодоления глубоких рвов, водных преград. Воодушевляющее воздействие оказывали многочисленные листовки, прославлявшие героев предыдущих боев. Партийные и комсомольские собрания призывали коммунистов и комсомольцев быть в ходе штурма впереди.

Настроение бойцов и командиров хорошо выразил на митинге солдат 264-го стрелкового полка Верин: «Мы скоро идем в бой, товарищи! — горячо заявил он. — Перед нами Кенигсберг — гнездо фашистских раз-

бойников в Восточной Пруссии. Взять Кенигсберг нам приказала Родина. Я обещаю и призываю всех с честью выполнить приказ — не щадя своей жизни, бить гитлеровцев. Фашистские грабители и детоубийцы, засевшие в змеином гнезде — Кенигсберге, будут уничтожены».

— Кенигсберг — сильная крепость. Но и эта крепость не спасет фашистов, — вторили ему сержанты Макаров и Лунев.

Воодушевление бойцов и командиров накануне штурма было настолько велико, что многие раненые обратились с настойчивыми просьбами к командованию досрочно выпустить их из госпиталей. Старые воины Сергей Иванович Акимов и Александр Алексеевич Новокрещенов, имевшие на своем счету немало уничтоженных фашистов, обратились к командованию с письмом. «В настоящее время, — писали они, — мы работаем в госпитале 2544. Признаны негодными к строю и зачислены в штат госпиталя. Горю непреодолимой ненавистью к этим проклятым фашистам и желая ускорить час победы, мы просим Военный совет направить нас в 91-ю Духовщинскую Краснознаменную ордена Суворова дивизию, к полковнику Кожанову, под командованием которого мы хотим сражаться. Пусть мы нездоровы, не стопроцентные строевики, но руки и ноги пока у нас есть, оружие мы можем держать в руках, а также владеть им».

К началу апреля, когда завершился полный разгром хейльсбергской группировки, армии Земландской группы войск 3-го Белорусского фронта были уже полностью готовы к штурму: дивизии первого эшелона и вся артиллерия развернулись в своих полосах для предстоявшего штурма.

1 апреля мы должны были начать предварительную авиационную подготовку, а артиллерия — огневую разведку и вскрытие фортов и дотов (этот термин означает снятие с железобетона земляного покрытия). Генерал-полковник Хлебников, глубоко огорченный, во второй половине дня доложил мне, что действия артиллерии не дают должного эффекта из-за низкой облачности, густого тумана и дождя. Такая погода держалась до 5 апреля. Бомбардировочная авиация фактически так и не смогла начать удары. Лишь легким самолетам ПО-2 удалось произвести 766 вылетов в ночное время. Однако бомбы, которые могли поднять наши «ночные бомбардировщики», были по существу безвредны для мощных сооружений Кенигсбергской крепости.

Дня за два до начала штурма Маршал Советского Союза А. М. Василевский прибыл в район к северо-востоку от Кенигсберга и расположился на командном пункте Земландской группы войск. Внимательно ознакомившись с деталями плана предстоящего штурма, он выразил удовлетворение и, объявив решение Ставки Верховного Главнокомандования о выводе управления Земландской группы в резерв, буквально

но накануне штурма крепости принял руководство войсками непосредственно на себя.

С разрешения маршала я убыл на направление главного удара, на командно-наблюдательный пункт, расположенный к северо-западу от Кенигсберга в районе Фухсберга, откуда с группой штаба мог помочь командующему в руководстве войсками.

КРАХ ПРУССКОЙ ТВЕРДЫНИ

5 апреля дожди прекратились. Маршал Василевский распорядился: в ночь на 6 апреля начать разведку боем.

В 3 часа ночи 6 апреля наши разведывательные батальоны начали атаку. Мы с волнением ждали результатов разведки боем. Что покажет она? Не попытался ли враг перехитрить нас: скрытно отвести войска с первой линии в глубь обороны и вынудить нас бесцельно выпустить огромное количество боеприпасов по пустому месту?

Внезапная и яростная атака разведывательных батальонов буквально ошеломила врага.

Он не сразу пришел в себя и лишь к утру опомнился и предпринял ожесточенные контратаки, пытаясь отбросить назад ворвавшиеся на первую позицию батальоны. Утро принесло первую радость — разведка оказалась успешной: противник упорно удерживает первый рубеж, а наши войска значительно улучшили свои исходные позиции для атаки.

ДОКУМЕНТЫ ТЕХ ДНЕЙ

Смерть немецким оккупантам!

ПАМЯТКА ГВАРДЕЙЦУ ШТУРМОВОЙ ГРУППЫ

Штурмовая группа — наиболее гибкая, маневренная и грозная сила в бою за крупный населенный пункт.

ГВАРДЕЕЦ!

При штурме немецкого города Кенигсберга, действуя в составе штурмовой группы, помни:

1. Штурмовая группа первой врывается в укрепление врага. Ее удар — внезапный и дерзкий.

2. Тебе предстоит вести ожесто-

ченный ближний бой. Твое оружие: автомат, граната, нож и лопата.

3. Исходное положение для атаки занимай как можно ближе к противнику. Герои Сталинграда занимали его в 30 метрах от вражеских позиций.

4. Подходи к противнику траншеями, двигайся ползком, укрывайся в развалинах и воронках.

5. Готовься к атаке скрытно, без шума. Оружие держи наготове: автомат на шее, гранаты под рукой.

6. При штурме дорога каждая секунда. Всеми средствами добивайся внезапности удара. Незаметно пробирайся у стен домов, прыгай в окна, по трубам и лестницам за-

В 9 часов утра 6 апреля до Фухсберга с юга донесся гул артиллерийской канонады. Это заговорили крупные калибры артиллерии 11-й гвардейской армии. Через час в «концерт» включилась артиллерия 39-й, 43-й и 50-й армий. Земля задрожала от гула тысяч орудий, минометов, «катюш». Сразу же вражеская оборона скрылась в облаках разрывов. И хотя в этот день из-за плохой видимости наши самолеты почти не появлялись в воздухе, картина боя была потрясающей.

Как показали первые пленные, огонь советской артиллерии оказал ошеломляющее воздействие на гарнизон Кенигсберга. Некоторые гитлеровцы, не выдержав ужасной канонады, сошли с ума.

В 12 часов во всех армиях пошли в атаку штурмовые отряды и танки прорыва. Мы с нетерпением ждали ее результатов. Наконец, первая ласточка победы — соединения и части первого эшелона штурмовавших армий ворвались в расположение врага. Уже блокирован ряд фортов. Однако враг оказывал ожесточенное огневое сопротивление. Около двух дивизионов вражеской артиллерии обрушили свой огонь на район Фухсберга. Вокруг нашего командно-наблюдательного пункта поднялся невообразимый грохот, все заволочло дымом. Мощный снаряд разорвался совсем рядом. Все померкло вокруг. На меня обрушилась выбитая взрывной волной оконная рама. К счастью, отделался легкими ушибами. Командующему 43-й армией генерал-полковнику А. П. Белобородову, находившемуся рядом, тоже «повезло».

Мы перебрались в другое помещение. Можно было представить, что творилось в это время за первой линией вражеской обороны. Отовсюду поступали донесения о героизме наступавших. Мне никогда не доводилось наблюдать столь массовое нежелание раненых покинуть поле боя.

бирайся на чердаки. Появляйся там, где враг тебя не ожидает.

7. Врывайся в дом вдвоем — ты и граната. Граната впереди, ты за ней. Следующая граната уже готова. В доме много комнат, коридоров, перекрытий, успевай поворачиваться! В каждый темный угол — гранату! Бегом вперед! По потолку очередь из автомата, снова вперед! Другая комната — гранату! Поворот — еще граната! Коридоры прочесывай из автомата.

8. Противник тоже будет драться. Не страшно! Инициатива в твоих руках. Штурмуй злее, беспощаднее! Больше гранат, больше автоматных очередей на голову захватчиков.

9. Всячески ослепляй врага. Стремись бить его из темноты.

10. Захватывай средний и верхний этажи первым делом. Оттуда бей по немецким резервам.

11. Очистил дом — не задерживайся в нем. Пробирайся к следующей огневой точке врага. Штурмуй упорно, без усталости!

12. Каждый гвардеец должен уметь штурмовать! Нет таких крепостей, которые могли бы устоять перед могучим натиском гвардии.

Вперед, воины, на штурм Кенигсберга!

Смерть немецким захватчикам!

Политотдел армии.

Они покидали его только на носилках. Разведчик 107-й гаубичной артиллерийской бригады Тукмаков, раненный в лицо, заявил: «Во мне еще достаточно сил, чтобы продолжать выполнять боевой приказ и никуда я с поля боя не уйду». Другой разведчик, Матусевич, пробрался к передней линии войск врага и оттуда корректировал огонь. Он был ранен, но уйти отказался. Ворвавшиеся на вражеские позиции бойцы нашли героя умирающим от потери крови.

Коммунисты и комсомольцы показывали пример. Только в 70-м артиллерийском полку из 105 особо отличившихся воинов 71 — были коммунистами и комсомольцами.

К исходу первого дня штурма наши войска почти без поддержки авиации сломали сопротивление врага на первом оборонительном рубеже. Они заняли два вражеских форта и три блокировали, выбили гитлеровцев из 15 пригородных поселков, вступили на окраины Кенигсберга и в упорных уличных боях овладели 102 кварталами. Судьба Кенигсберга была предreshена.

На следующий день враг бросил в контратаки все свои резервы. Только на участке 90-го стрелкового корпуса 43-й армии гитлеровцы предприняли 14 контратак. Но вступившая в этот день в сражение наша авиация окончательно определила исход штурма.

Воодушевление наступающих росло с каждым часом. Пехотинцы, саперы, артиллеристы, танкисты, связисты — воины всех родов войск — словно состязались в самоотверженности и бесстрашии. Помнится, когда управление огнем артиллерии 107-й бригады нарушилось из-за повреждения связи, ее восстановление было поручено сержанту Перестрону. Под ожесточенным огнем противника он исправил два порыва, а когда приступил к последнему, в бок и руку впились осколки вражеской мины. Теряя силы, сержант схватил слабеющей рукой оборванные концы провода и зажал их зубами. Связь была восстановлена, и артиллерия заговорила с новой силой. Связисты нашли героя мертвым, в зубах у него были накрепко стиснуты концы провода.

Во второй день пали еще несколько вражеских фортов. Слава о новых героях разнеслась по рядам войск. Беспрецедентный подвиг совершила разведывательная саперная группа лейтенанта Родителява. Бойцы группы проникли глубоко в тыл врага и в неравной схватке захватили 15 зенитных орудий вместе с их расчетами.

Особых успехов в этот день достигли соединения 16-го гвардейского стрелкового корпуса генерала С. С. Гурьева и 36-го гвардейского стрелкового корпуса Героя Советского Союза генерала П. К. Кошевого.

Враг был разгромлен и на втором оборонительном рубеже, а его основные резервы — обескровлены. В ночь на 8 апреля комендант Кенигсберга генерал Ляш запросил у вышестоящего командования разрешения оставить Кенигсберг. Ему было в этом отказано.

Бои не прекращались. Ночью гвардейцы генералов П. К. Кошевого и С. С. Гурьева форсировали реку Прегель и захватили плацдарм на ее северном берегу. Под огнем противника переправились на другой берег штурмовые отряды 46-го гвардейского стрелкового полка и минометчики капитана Киреева из дивизии генерала Пронина. К утру вся 16-я гвардейская стрелковая дивизия была уже на противоположном берегу. Воины овладели вагоностроительным заводом, и в 14 часов 30 минут в районе нынешнего кинотеатра «Победа» дивизия соединилась с частями 43-й армии, наступавшей с северо-запада. Остатки Кенигсбергского гарнизона были прочно зажаты в кольцо и отрезаны от Земландского полуострова.

Фашистское командование разрешило Ляшу в ночь на 9 апреля вывести свои войска из окружения, прорвав кольцо войск 43-й и 11-й гвардейской армий. Навстречу удару из Кенигсберга с Земландского полуострова наносила удар сильная группа фашистских войск, в том числе 5-я танковая дивизия. Однако врагу не удалось прорвать кольцо наших войск. Они отбили все атаки врага. Лишь на отдельных направлениях, пользуясь темнотой, незначительные отряды врага просочились в расположение наших войск, но там они и нашли себе могилу.

Один такой отряд, численностью в 500 человек, прорвался на огневые позиции 12-го минометного полка. На его пути оказался 18-летний связист, старший сержант Евсеев. Окруженный врагами, он вступил в неравный поединок. На крики «Русс, сдавайся!», сержант отвечал яростным огнем. Он сражался до последнего патрона, а когда они кончились, бросился в гущу врагов с гранатой. К месту схватки подоспел отряд минометчиков во главе с заместителем командира 12-го минометного полка подполковником Зубцом. В рукопашной схватке минометчики уничтожили около 400 фашистов, а остальных захватили в плен.

Стремясь избежать бесцельных жертв, Маршал Советского Союза А. М. Василевский обратился к окруженным с предложением сложить оружие. Однако фашистское командование решило сопротивляться. Поэтому утром 9 апреля бои возобновились с новой силой. На центр города, где сконцентрировались окруженные войска противника, была обрушена вся мощь артиллерийского огня и авиационных ударов. А в это время через реку Прегель в центре города переправились соединения 8-го гвардейского корпуса. Первой высадилась группа гвардейцев: Вешкин, Горобец, Лазарев, Ткаченко, Шайдеревский и Шиндрат.

Против горстки храбрецов был брошен батальон фашистов, но герои не отступили. Они приняли бой и сражались до последнего патрона. Когда наши части прорвались к месту неравного боя, они нашли тела героев, окруженные десятками убитых ими фашистов. У одного из героев обнаружили записку: «Здесь дрались гвардейцы и погибли за Родину, за братьев, сестер и отцов. Дрались, но не сдались врагу...»

Переправившиеся через реку полки и дивизии 8-го гвардейского стрелкового корпуса к 19 часам соединились с частями 50-й армии генерал-лейтенанта Ф. П. Озерова, наступавшими с севера. К вечеру 9 апреля все важнейшие объекты города находились в руках советских войск, пал и сильно укрепленный Королевский замок.

В ночь на 10 апреля появились первые колонны капитулировавших фашистов Кенигсбергского гарнизона.

Победа! Весть о ней мгновенно облетела боевые порядки штурмовавших войск, и они с удвоенным энтузиазмом продолжали преследовать те части противника, которые пытались ускользнуть на Земландский полуостров.

Впервые в истории современных войн всего за четыре дня войска, штурмовавшие равного себе по численности врага, засевшего в крупном, сильно укрепленном городе, завершили штурм победой.

За период штурма было уничтожено около 42 тысяч и захвачено в плен около 92 тысяч фашистских вояк, в том числе 1800 офицеров и генералов. Среди огромных трофеев насчитывалось свыше 3,5 тысячи орудий и минометов, 128 самолетов, 89 танков и штурмовых орудий, свыше 17 тысяч автомашин, тягачей и тракторов, огромное количество различных складов и другое имущество.

Правительство высоко оценило подвиг воинов, блестяще осуществивших штурм последнего оплота врага в Восточной Пруссии. Большому количеству генералов, офицеров, сержантов и рядовых солдат за героизм, проявленный в ходе штурма города, было присвоено звание Героя Советского Союза, а еще больше награждено орденами и медалями Советского Союза.

Дважды Герой Советского Союза,
генерал-полковник авиации
Т. Т. ХРЮКИН

СОВЕТСКАЯ АВИАЦИЯ НАД ВОСТОЧНОЙ ПРУССИЕЙ

Воздушная обстановка к началу Восточнопрусской операции была сложной. Фашистская авиация насчитывала до 670 самолетов, в том числе 145 бомбардировщиков, 250 истребителей, 160 штурмовиков, 35 разведчиков. Основная группировка была сосредоточена на Кениг-

сбергском аэроузле в 125 километрах от линии фронта. Около 110 зенитных батарей располагалось на гумбинненском направлении.

Усилия советского авиационного командования в этих условиях были направлены к тому, чтобы обеспечить превосходство и господство нашей авиации в воздухе.

Главные силы авиации должны были в тесном взаимодействии с пехотой, артиллерией и танками ударной группы облегчить прорыв обороны и обеспечить развитие успеха. Авиация имела также задачу уничтожать резервы противника, подходящие к участку прорыва, отражать танковые контрудары и не давать врагу занимать промежуточные рубежи. Особое значение получало взаимодействие воздушных сил с нашими танковыми соединениями, которые вводились в прорыв.

В периоды сосредоточения, прорыва и наступления авиация должна была прикрывать наземные войска и уничтожать вражескую технику на земле и в воздухе, а также громить неприятельские штабы, нарушать управление войсками. Помимо того, авиация должна была вести днем и ночью непрерывную разведку, вскрывая перегруппировку вражеских сил, готовившихся к нанесению контрударов. На бомбардировочную авиацию возложили разрушение опорных пунктов противника в полосе главного удара.

Удар с воздуха наносился на фронте шириной в 27 километров. На этот участок в первый день операции планировался бомбовый удар авиации, сила которого определялась в 1757 тонн. Но и здесь бомбовые удары распределялись неравномерно. Основная масса огня — 927 тонн — предназначалась на участок шириной 9 километров, перед фронтом ударной армии. Войска, находившиеся на флангах прорыва, получали значительно меньшую поддержку авиации.

Бомбовые удары на участке прорыва были рассчитаны на поражение всей тактической глубины обороны противника. С этой целью перед штурмовой авиацией была поставлена задача действовать двумя группами: первая, наиболее сильная (75% штурмовой авиации), должна была сопровождать наступающую пехоту, вторая — подавлять огонь артиллерии, не допускать смены артпозиций и подхода резервов, а также препятствовать отходу пехоты противника. Эти группы мы условно называли соответственно — первым и вторым «эшелонами».

Все соединения штурмовой авиации фронта закреплялись за определенными наземными армиями, с которыми они разработали подробные плановые таблицы взаимодействия. План тактического взаимодействия был также выработан и для бомбардировочных соединений, поддерживавших наземные войска в период прорыва обороны.

Прикрепление авиационных соединений к определенным армиям и, следовательно, к конкретным, заранее изученным участкам театра во-

енных действий позволяло эффективнее использовать ВВС. Вместе с тем управление авиации носило централизованный характер. Поэтому в динамике развития боя те или иные авиационные соединения свободно могли быть перенацелены для действий по более важным объектам, не-сжиданно выявившимся в конкретной боевой обстановке.

Авиационное наступление планировалось начать в ночь накануне атаки наземных войск непрерывными эшелонированными ударами ночной бомбардировочной авиации (ПО-2, ИЛ-4, Б-3) по Гумбиннену, Каттенау, Вальтеркемену и другим основным опорным пунктам противника.

С 9 часов 15 минут в действие вступала артиллерия, причем к концу артподготовки удары бомбардировочной авиации должны были непрерывно нарастать.

Наибольшее напряжение в действиях военно-воздушных сил фронта было рассчитано на первые два дня операции, когда предстоял прорыв обороны противника на тактическую глубину.

Планирование деятельности авиации производилось с таким расчетом, чтобы обеспечить наибольшую эффективность действий разных видов авиации. Так, штурмовики предназначались для сопровождения пехоты и танков в тесном с ними огневом взаимодействии и для борьбы с танками и огневыми средствами противника. Бомбардировщики должны были наносить удары по скоплениям резервов и опорным пунктам. Истребители обеспечивали господство в воздухе, сопровождали штурмовиков и бомбардировщиков.

В ночь на 13 января 1945 года самолеты ПО-2 уничтожали вражеские батареи и живую силу на направлении главного удара, производили демонстративную бомбардировку войск в других районах. Одиночные экипажи бомбардировщиков, летая в районе переднего края, шумом своих моторов маскировали выдвижение наших танков на исходные позиции и попутно вели бомбометание.

В первой половине дня 13 января сильный туман и низкая облачность исключили возможность действий воздушных сил. Не благоприятствовала погода работе авиации и во второй половине дня, когда авиаразведкой было вскрыто скопление танков противника численностью до двух танковых дивизий, изготовившихся к контрудару и сосредоточенных в 1—2 километрах от линии боевого соприкосновения. Несмотря на сложную метеобстановку, штурмовики немедленно приступили к атаке вражеских танков. Ударами штурмовиков были выведены из строя 42 танка и подавлен огонь 18 батарей полевой артиллерии. Одно из штурмовых авиасоединений, выполняя задачу второго эшелона, действовало в 4—6 километрах впереди наших наступающих

частей, имея задачей не допустить выдвижения резервов врага. К концу дня эти штурмовики уничтожили до 18 танков и подавили огонь 25 минбатарей. При содействии «ильюшиных» армия прорыва отразила 10 контратак врага силой до 80 танков.

В этот день авиация противника, помимо ведения разведки, группами от 25 до 28 ФВ-190 пыталась бомбардировать наши боевые порядки. Наши истребители провели 29 воздушных боев, в которых сбили 25 немецких самолетов, и успешно отразили налеты врага.

На третий день наступления авиация активно действовала только во второй половине дня, когда погода улучшилась. В этот день 119 самолетов ПЕ-2 и «бостон» нанесли удар по опорным пунктам Тутшен и Жиллен, где противник пытался остановить наступление наших войск. Бомбардировщики сбросили на эти пункты довольно солидный груз бомб, что помогло войскам вскоре овладеть ими. В этот вечер над полем боя последовательно и непрерывно действовали группы наших ИЛ-2. За день было уничтожено и повреждено до 20 танков и подавлен огонь свыше 70 батарей. При этом авиация фронта оказала серьезную помощь не только армии прорыва, но и поддерживавшим ее на флангах наземным соединениям.

В ночь накануне четвертого дня наступления развернулись бомбардировочные действия одиночных экипажей ПО-2, направленные на участок, где днем должно было быть введено в прорыв наше танковое соединение. Утром бомбовые удары «петляковых» облегчили занятие нашими войсками крупного опорного пункта Айменишкен.

Для ударов по ближнему тылу противника использовались самолеты ЯК-9, экипажи которых были специально подготовлены для бомбардировочных действий. За один день 16 января эти самолеты уничтожили 186 автомашин, 5 танков и 5 автоцистерн.

В эти решающие дни наступления авиация фронта использовалась массированно на узком участке фронта прорыва, что во многом содействовало прорыву всей тактической глубины второго оборонительного рубежа противника. Войска фронта 16 января взломали сильно укрепленный гумбинненский рубеж на глубину до 4 километров и полностью овладели Пилькалленом.

Из боевых действий авиации, проведенных в сложных метеорологических условиях, особого внимания заслуживает обеспечение переправы нашего эшелона развития успеха через реку Инстер 19 января 1945 года. Эта задача была решена несколькими группами по 30—40 истребителей, непосредственно прикрывавших район переправы. Одновременно другие истребители блокировали близлежащие аэродромы, а два подразделения штурмовиков бомбардировали резервы противника, подходившие к району переправы.

Значительную роль авиация сыграла и 20 января при овладении од-

ним из основных опорных пунктов восточнопрусской обороны — городом Гумбинненом. В районе переднего края на подступах к этому пункту расположились командир штурмового авиасоединения и два наводчика, управлявшие штурмовиками, находившимися над полем боя. Руководство бомбардировщиками осуществлял со своего КП командующий авиацией. Бомбардировщики подходили к цели группами по 2—3 девятки и сбрасывали бомбы с горизонтального полета с одного захода. Мощные удары бомбардировщиков парализовали огневые средства противника, и спустя полтора часа после начала атаки наша пехота уже вела бои на улицах города. Тем временем авиация преследовала отходившего на запад противника.

К исходу 22 января были подведены итоги боевым действиям авиации за десять дней наступления.

По мере дальнейшего развития боевых действий наземных войск наши воздушные силы были нацелены на содействие выводу наших частей к оборонительному обводу Кенигсберга, а в последующем — и на овладение мощным кенигсбергским укрепленным районом.

В ходе операции по разгрому остатков восточнопрусской группировки в районе Кенигсберга основные действия авиации заключались в сосредоточенных ударах по скоплениям резервов и приборужным опорным пунктам, прикрывавшим непосредственные подступы к Кенигсбергу. Особенно существенной являлась задача по разрушению портовых сооружений и уничтожению военных и транспортных судов в морском порту Пиллау, обеспечивавшем снабжение кенигсбергской группировки противника.

ДОКУМЕНТЫ ТЕХ ДНЕЙ

П Р И К А З ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАН- ДУЮЩЕГО

командующему войсками
3-го Белорусского фронта
генералу армии **ЧЕРНЯХОВСКОМУ**,
начальнику штаба фронта
генерал-полковнику **ПОКРОВСКОМУ**

Войска 3-го БЕЛОРУССКОГО фронта, перейдя в наступление, при поддержке массированных ударов артиллерии и авиации прорвали долговременную глубоко эшелонированную оборону немцев в Восточной Пруссии и, преодолевая упорное

сопротивление противника, за пять дней наступательных боев продвинулись вперед до 45 километров, расширив прорыв до 60 километров по фронту.

В ходе наступления войска фронта штурмом овладели укрепленными городами ПИЛЬКАЛЛЕН, РАГНИТ и сильными опорными пунктами обороны немцев ШИЛЛЕНЕН, ЛАЗДЕНЕН, КУССЕН, НАУЙЕНИНГКЕН, ЛЕНГВЕТЕН, КРАУПИШКЕН, БРАКУПЕНЕН, а также с боями заняли более 600 других населенных пунктов.

В боях при прорыве обороны немцев отличились войска генерал-лейтенанта ЛЮДНИКОВА, генерал-полковника КРЫЛОВА, генерал-майора РОГАЧЕВСКОГО, генерал-майо-

Окруженный с трех сторон противник в течение января—марта оказывал упорное сопротивление атакам наземных войск.

Но это не дало немцам желаемых результатов, и наши войска, вплотную придвинувшись к Кенигсбергу, 6 апреля повели наступление на город.

Боевым действиям авиации в этот период чрезвычайно препятствовали крайне неблагоприятные метеоусловия. В первый день наступления — 6 апреля — частичное улучшение погоды позволило только со второй половины дня ввести в действие главным образом штурмовую авиацию. Атакующие части поддерживались бомбардировочно-штурмовыми ударами ИЛ-2, выполнявшими задачу непосредственного сопровождения пехоты. Каждое соединение действовало на определенном направлении, поддерживая одни и те же наземные части.

В отличие от действий при прорыве глубоко эшелонированной обороны, в Кенигсбергской операции штурмовики действовали в одном эшелоне. Удары групп выполнялись с обязательным целенаправлением авианаводчиками, находившимися в боевых порядках наступавших частей и имевшими подвижные радиостанции. Основными целями штурмовиков являлись огневые точки, артиллерийские позиции, танки, самоходные орудия и живая сила.

Бомбардировочные удары этого дня были направлены главным образом на северо-западную окраину Кенигсберга и его железнодорожный узел.

Второй день наступления был характерен наращиванием ударов нашей авиации с целью ускорения продвижения наземных войск, действо-

ра СИМИНОВСКОГО, генерал-майора ПРИХОДЬКО, генерал-майора АЛЕКСАНДРОВА, генерал-майора ПЕРЕКРЕСТОВА, генерал-майора ВЕЙКИНА, генерал-майора КАЗАРЦЕВА, генерал-майора БАТИЦКОГО, генерал-майора ОЛЕШЕВА, генерал-лейтенанта БЕЗУГЛОГО, генерал-майора ИВАНОВА, генерал-майора КУЗНЕЦОВА, генерал-майора ДАНИЛОВА, генерал-майора ДОНЕЦ, генерал-майора ЛАСКИНА, генерал-майора КАЗАРЯН, генерал-майора ГЛАДЫШЕВА, генерал-майора КУШНАРЕНКО, генерал-майора ПАПЧЕНКО, полковника ЗАРЕЦКОГО, полковника БИБИКОВА, полковника КОЖАНОВА, генерал-майора ВЛАДЫЧАНСКОГО, генерал-майора

СЫЧЕВА; артиллеристы генерал-полковника артиллерии БАРСУКОВА, генерал-лейтенанта артиллерии НИЛОВСКОГО, генерал-майора артиллерии МАКАШУТИНА, генерал-майора артиллерии ФЕДОРОВА, генерал-майора артиллерии ПЕТРОПАВЛОВСКОГО, генерал-лейтенанта артиллерии ДЕРЕШ, генерал-лейтенанта артиллерии САЛИЧКО, полковника КУЗНЕЦОВА, генерал-майора артиллерии ПОПОВА, генерал-майора артиллерии ЯКОВЛЕВА, генерал-майора артиллерии КОРСАНОВА, генерал-майора артиллерии КОЛОТИЛОВА, полковника СТРУЕВА, полковника ПОПОВА, полковника СЕДОВА, полковника ЗАСЕКИНА, полковника АЛЕШКИНА, подполковника КОТЛЯ-

вавших северо-западнее Кенигсберга. Перед ними была поставлена задача — выйти на реку Прегель и отрезать кенигсбергский гарнизон от войск земландской группировки. На данное направление было нацелено два штурмовых соединения. Одновременно штурмовики поддерживали войска, наступавшие на город с юга, а также действовали по аэродрому противника и по порту Пиллау.

В этот же день впервые в условиях светлого времени суток по Кенигсбергу были нанесены удары самолетами дальнебомбардировочной авиации. Это необычное по времени применение дальнебомбардировочной авиации требовало принятия специальных мер, которые обеспечили бы дневные действия большой массы тяжелых самолетов без потерь от истребительной авиации противника. Решение этой задачи увенчалось полным успехом. Тщательно организованное прикрытие наших бомбардировщиков истребителями над полем боя, сочетавшееся с проведением непрерывной блокировки вражеских аэродромов и одновременным нанесением по ним бомбардировочных и штурмовых ударов, — все эти меры полностью вывели немецкую авиацию с неба над полем сражения, и бомбардировщики получили беспрепятственную возможность бомбить город. В течение 1 часа 10 минут на Кенигсберг сбросили бомбы 516 тяжелых бомбардировщиков. Советская авиация полностью господствовала в воздухе.

За 7 апреля в результате действий фронтовой и бомбардировочной авиации на Кенигсберг было сброшено более 1000 тонн бомб.

Движение по городу стало невозможным. В этой обстановке противник потерял управление частями и не мог маневрировать резервами. Наши наземные войска, использовав этот момент, ворвались с севера

РЕВСКОГО; танкисты генерал-полковника танковых войск РОДИНА, генерал-лейтенанта танковых войск БУТКОВА, генерал-лейтенанта танковых войск БУРДЕЙНОГО, полковника ЦИНЧЕНКО, полковника СЕМЕНЮКА, полковника БАБЕНКО, подполковника ШМАКОВА, подполковника БУРМИСТРОВА, подполковника СУРНИНА, подполковника ХАЛИЕВА, полковника СОММЕР, полковника ЛОСИКА, полковника КЛИНФЕЛЬД, подполковника ШАНИНА, полковника ПРОКОПЕНКО; летчики генерал-майора авиации БЕЛОВА, генерал-лейтенанта авиации УШАКОВА, генерал-майора авиации АНДРЕЕВА, генерал-майора авиации ЗАХАРОВА,

полковника ПРУТКОВА, полковника ЗИМИНА, полковника ХАТМИНСКОГО, подполковника ЗАКЛЕПА, генерал-майора авиации ШЕВЧЕНКО, полковника ШИНКАРЕНКО, полковника ЧУЧЕВА, генерал-майора авиации НЕЧИПОРЕНКО, полковника АНДРЕЕВА, генерал-майора авиации МОЛОКОВА, подполковника РОДИНА, майора ДЕЛЬФИНО; саперы генерал-лейтенанта инженерных войск БАРАНОВА, полковника ЛЕЙМАНА, генерал-майора инженерных войск ГНЕДОВСКОГО, генерал-майора инженерных войск ЖИРОВА, подполковника ПОПЛАВСКОГО, полковника ЛУКАШЕНКО, полковника ПАРХОМЧУКА, генерал-майора инженерных

и юга в город и завязали бои на его окраинах. Одновременно наша авиация наносила удары по земландской группировке войск, упорно пытавшейся поддержать осажденный в городе гарнизон или хотя бы обеспечить его эвакуацию. Эффективный сосредоточенный бомбардировочный удар был нанесен нами также по порту Пиллау. В ночь на 8 апреля по району сосредоточения земландской группы противника ночными бомбардировщиками было произведено около 2000 самолетобомбардировок.

Днем же 8 апреля эффективные действия штурмовой авиации помогли нашим войскам выйти к реке Прегель и тем самым полностью отрезать кенигсбергский гарнизон от земландской группировки.

Кенигсберг был охвачен многочисленными пожарами, и дым от них закрывал цели, намеченные для поражения нашей авиацией. Тем самым создавалась исключительно тяжелая обстановка для действий штурмовиков, которая, однако, успешно преодолевалась. Чтобы просматривать цели и корректировать действия авиации, авианаводчики забирались на чердаки высоких зданий, мачты высоковольтных электролиний и т. д. Нацеливание штурмовиков должно было быть очень точным, дабы не поразить свои войска, штурмовавшие городские районы. Бомбардировочные удары в этот день были нанесены по окружающей части гарнизона в центральных и северо-западных районах города.

В течение дня и ночи мощные бомбардировочные удары наносились также по порту Пиллау, через который направлялся основной поток эвакуации противника, и по северному побережью залива Фришес-Хафф. Для обеспечения безопасности действий нашей авиации в течение дня

войск ПОШЕХОНЦЕВА, полковника АНТОНОВА, полковника СОКОЛОВА; связисты генерал-лейтенанта войск связи БУРОВА, полковника ПРИХОДАЙ, генерал-майора войск связи СОРОКИНА, полковника ПЛОТКИНА, подполковника КАСЬЯНОВА, подполковника КУЛТАШЕВА, полковника ЮРКОВЕЦКОГО.

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях при прорыве обороны немцев, представить к награждению орденами.

Сегодня, 19 января, в 21 час столица нашей Родины МОСКВА от имени Родины салютует доблестным войскам 3-го Белорусского фронта,

прорвавшим оборону немцев в Восточной Пруссии, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия **ОБЪЯВЛЯЮ БЛАГОДАРНОСТЬ** руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях при прорыве обороны немцев.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

19 января 1945 года. № 231.

наносились бомбардировочные и штурмовые удары по всем аэродромам противника.

Таким образом, при содействии авиации наземные войска полностью завершили окружение остатков кенигсбергского гарнизона противника и заняли значительную часть города.

В ночь на 9 апреля противник предпринял безуспешную отчаянную попытку прорваться из кольца окружения навстречу 5-й танковой дивизии земландской группировки, контратаковавшей наши войска с запада. Ночные соединения штурмовиков и бомбардировщиков помогли нашим наземным войскам парализовать эти попытки врага.

В результате ударов наземных войск, поддержанных авиацией, планы противника были сорваны. В ночь с 9 на 10 апреля остатки гарнизона крепости и города Кенигсберг капитулировали.

За время с 6 по 9 апреля 1945 года советской авиацией было произведено 13 900 самолето-вылетов, сброшено 4456 тонн бомб.

«Вестник воздушного флота».
№ 11, 1945 г.

Герой Советского Союза,
генерал армии
К. Н. ГАЛИЦКИЙ

НАШУ ПОБЕДУ КОВАЛ НАРОД

За предшествующий штурму Кенигсберга период немецко-фашистское командование стремилось максимально укрепить оборону города и крепости. Взятый в плен комендант Кенигсберга генерал пехоты Ляш говорил: «Германское командование считало Кенигсберг мощной крепостью, обеспечивавшей сохранение нашего плацдарма в Восточной Пруссии. Мы должны были сковать значительно большие силы русских, чем те, которыми располагали сами, и этим лишить возможности русское командование использовать эти войска на других оперативных направлениях. Обороне Кенигсберга придавалось исключительно большое значение. Сохранение Кенигсберга было вопросом престижа Германии, поэтому для обороны Кенигсберга были выделены крупные силы».

В связи с этим Ляш на совещании офицерского состава заверил, что «крепость Кенигсберг падет лишь после падения Берлина». А окружной руководитель национал-социалистской партии Вагнер тогда сказал, что «Кенигсберг будет так же стоек в обороне, как Ленинград и Севастополь». Гитлер приказал во что бы то ни стало удержать город, как последний оплот в Восточной Пруссии, сражаясь до последнего солдата.

Для штурма города и крепости во второй половине марта было сосредоточено 4 армии, около 5 тысяч орудий и минометов, более 500 танков и самоходных орудий и свыше 2000 самолетов.

Ставка Верховного Главнокомандования возложила руководство всеми боевыми действиями по штурму города и крепости Кенигсберг на командующего войсками 3-го Белорусского фронта Маршала Советского Союза А. М. Василевского. Маршал А. М. Василевский принял решение наступать на Кенигсберг одновременно с севера и юга. С севера наступали на город три армии, из которых главный удар наносила 43-я армия под командованием генерал-лейтенанта А. П. Белобородова. С юга наступала одна армия — 11-я гвардейская под моим командованием. 11-я гвардейская армия получила следующую боевую задачу: прорвать глубоко эшелонированную оборону противника и овладеть южной частью города и крепости Кенигсберг, форсировать реку Прегель, после чего атаковать и уничтожить врага в центральной части города.

Главный удар было намечено нанести в общем направлении на Зюд-Парк и район главного почтамта и телеграфа в центре города. Это позволяло нам рассечь главную группировку противника на две части и таким путем нарушить устойчивость обороны на всем фронте южного сектора крепости, подойти непосредственно к южной окраине города, овладеть рекой Прегель, а затем, используя рубеж реки, уничтожить противника по частям.

Это направление было в центре полосы наступления, где уже в конце января была частично прорвана первая позиция обороны крепости и войсками армии взят форт № 9, что нарушило огневое взаимодействие между фортами № 8 и 10 и между узлами обороны в глубине.

Избирая направление главного удара, мы исходили из необходимости оперативного и тактического взаимодействия с 43-й армией, наступавшей с северо-запада, навстречу 11-й гвардейской.

Главный удар 11-я гвардейская армия наносила соединениями 16-го гвардейского корпуса, которым командовал генерал-майор С. С. Гурьев, во взаимодействии с ударными группировками 8-го и 36-го гвардейских корпусов под командованием генерал-лейтенанта М. Н. Заводовского и Героя Советского Союза генерал-лейтенанта П. К. Кошевого.

Для штурма Кенигсберга в первый эшелон армии было выделено шесть стрелковых дивизий и во второй — 3 дивизии. Сосредоточено около 1600 орудий, 200 танков и запланировано на 1-й день боя 1100 самолето-вылетов.

3 апреля на наблюдательный пункт армии, который располагался на переднем крае в форту № 9, прибыл Маршал Советского Союза А. М. Василевский. Здесь на местности ему доложили план овладения южной частью города Кенигсберг, оперативное построение войск взаимодействия при штурме, а также подготовительные мероприятия по форсированию реки Прегель.

Вслушав доклад и уточнив задачу армий на местности, командующий фронтом утвердил решение и план операции, но предложил внести в план некоторые изменения и уточнения, которые он здесь же высказал.

Затем мы отправились по ходам сообщения на передний край в траншеи 1-й Московско-Минской гвардейской дивизии. Здесь Маршал Советского Союза Василевский проверил ход подготовки к штурму частей дивизии, уточнил у офицеров знание противника, беседовал с солдатами о предстоящем штурме. Во время подготовки к штурму в войсках армии была проведена большая партийно-политическая работа. Во всех партийных организациях частей и подразделений было создано прочное ядро из коммунистов и комсомольцев. Были проведены специальные партийные и комсомольские собрания, посвященные передовой роли коммунистов и комсомольцев в бою. Там же разбирались приемы и способы действий в таком сложном бою, как бой в городе, говорилось о большом значении инициативы и внезапности.

Перед фронтом нашей армии противник из 130-тысячного гарнизона располагал сорока тысячами солдат и офицеров, имевшими свыше 700 орудий и минометов и 42 танков и штурмовых орудий. Оборона противника в полосе наступления 11-й гвардейской армии состояла из трех основных, двух промежуточных и ряда отсечных позиций. Первая позиция общим протяжением более 20 км проходила в 6—8 км от центра города по линии Адель Нойендорф, Зелигенфельд, фольварк Нойфорверк, Грос-Каршау, Вартен, Хайде Маулен. Позиция прикрывалась противотанковым рвом шириною 6—8 метров и глубиною 3 метра и противотанковыми надолбами. Вследствие весенней распутицы этот ров был наполнен водой, что делало его недоступным не только для танков, но и для пехоты. На первой позиции противник занимал четыре форта и 58 долговременных огневых точек.

Вторая позиция проходила по южной окраине пригорода, а третья — в самом городе (1,5—2 км от центра) по старой городской черте. Все вместе взятое представляло собою мощный оборонительный рубеж, усиленный штурмовыми орудиями и танками. Ближайшие населенные пункты, прикрывавшие южные подступы к городу: Вартен, Понарт, Шен-

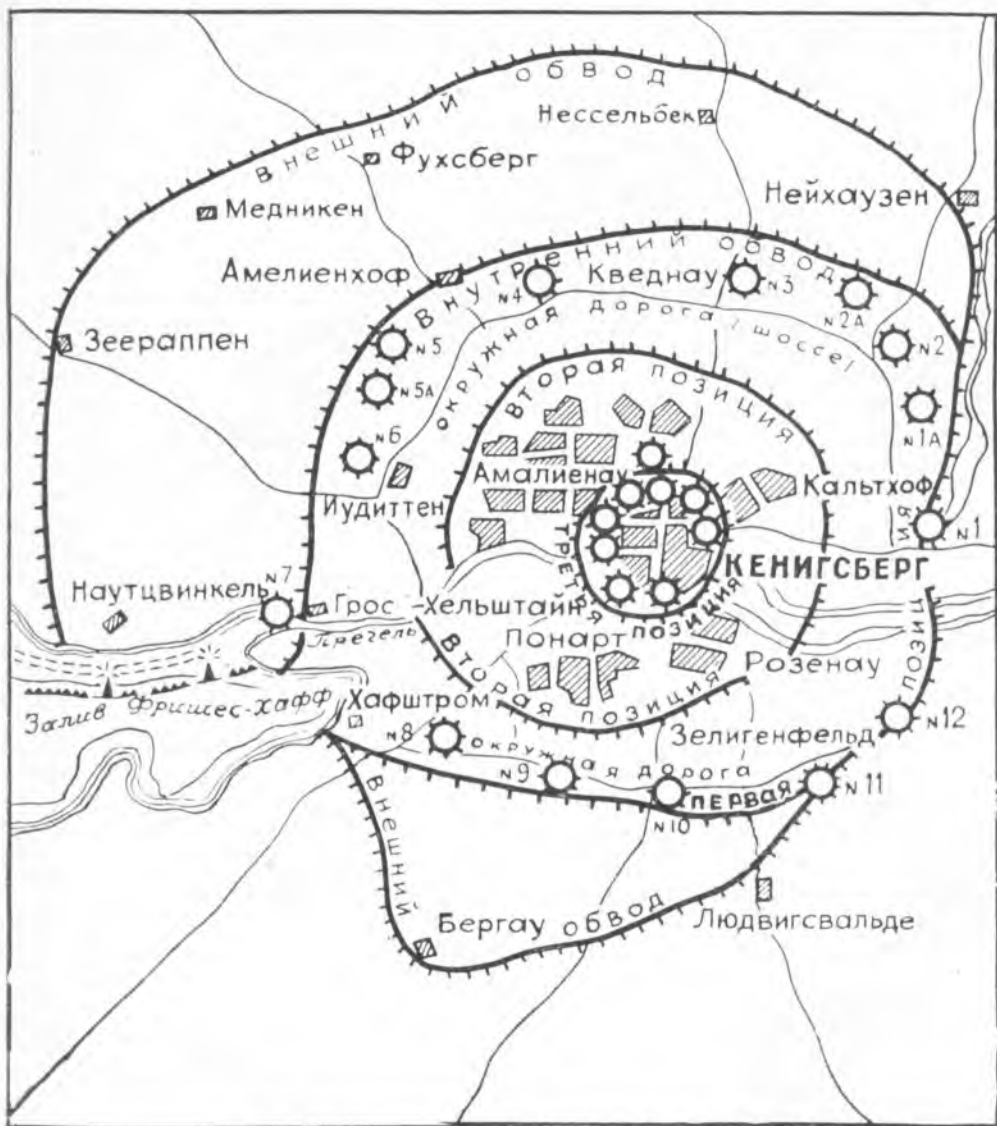

Схема оборонительных сооружений Кенигсберга

флисс, Зелигенфельд и другие, были приспособлены к круговой обороне и превращены в мощные опорные пункты, с широко развитой системой полевых укреплений и инженерных заграждений и насыщенные большим количеством огневых средств.

Все улицы были забаррикадированы, здания превращены в опорные пункты, вооруженные пулеметами и орудиями. На перекрестках улиц были построены многочисленные железобетонные огневые точки, установлены танки и штурмовые орудия, противотанковые ежи и надолбы.

Оценивая обстановку, мы понимали, что оборона врага по характеру укреплений и наличию войск была достаточно сильной, глубоко эшелонированной, заблаговременно подготовленной, усиленной большим количеством инженерных заграждений и искусственных препятствий. Ровная, болотистая и открытая местность хорошо просматривалась и простреливалась. Река Беек в результате весеннего половодья была также серьезным препятствием для пехоты и танков. Такая оборона могла быть преодолена только в результате решительного удара с нескольких направлений при участии больших сил войск и боевой техники, имеющих глубокое построение боевых порядков соединений и частей.

6 апреля ровно в 9 часов артиллерия армии в составе более 1600 орудий и минометов начала трехчасовую артиллерийскую подготовку атаки. Огонь нашей артиллерии был настолько плотен, что оборона противника по всему фронту прорыва была покрыта сплошной стеной разрывов снарядов. В воздух летели земля и камни, исковерканные обломки боевой техники. Орудия большой и особой мощности разрушали на флангах форты № 8 и 10.

А в это время во всех частях и подразделениях, в зависимости от обстановки, проводились накоротке беседы, партийные собрания, воодушевлявшие воинов на штурм. Листовка Военного совета армии призывала: «Боевые друзья, гвардейцы! На штурм Кенигсберга! Во имя полной победы над врагом Родина приказывает нам разрубить последний укрепленный узел Восточной Пруссии, сокрушить крепость Кенигсберг и завершить разгром восточнопрусской группировки гитлеровских войск».

К концу мощной артиллерийской подготовки гвардейцы-пехотинцы дивизий первого эшелона почти вплотную подошли к объектам штурма. Стрелковые роты старших лейтенантов Гладких и Шлепова до окончания артиллерийской подготовки поднялись в атаку, достигли траншей противника и навязали бой ошеломленному врагу.

С первым сигналом: «На штурм!» в цепи бойцов уже звучали голоса коммунистов-агитаторов: «Вперед, за Родину!», «На штурм Кенигсберга!» Комсорг 7-й стрелковой роты 97-го полка 31-й гвардейской дивизии гвардии старший сержант Телебаев первым поднялся в атаку

и с возгласом: «За нашу партию, за Советскую Родину, за наш великий народ, вперед, гвардейцы!» — повел за собой взвод. Бойцы быстро продвигались вперед и через несколько минут ворвались в траншею противника. Телебаев в этом бою был ранен, но с поля боя не ушел.

В 12 часов пехота и танки под прикрытием мощного артиллерийского огня начали штурм укреплений первой позиции. Наиболее успешно атака развивалась в центре наступления армии на направлении главного удара. В то же время на флангах армии атака проходила менее успешно. Части 83-й и 16-й дивизий были встречены сильным артиллерийским и пулеметным огнем из первой траншеи и со стороны фортов № 10 и 8.

Преодолевая упорное сопротивление врага, ударная группировка в составе 26-й, 1-й и 31-й дивизий за 3—4 часа боя продвинулась на 3 километра. В это время 26-я дивизия вела бой за пригород Розенау. Противник стремился задержать наступление дивизии сильным артиллерийско-минометным огнем. Тогда командир корпуса генерал-лейтенант М. Н. Заводовский вызвал штурмовую авиацию. На выполнение задачи вылетели две шестерки самолетов под командованием дважды Героя Советского Союза гвардии майора Гареева и Героя Советского Союза гвардии майора Степанищева. Штурмовики разрушили узел сопротивления, уничтожили артиллерийские батареи и живую силу противника, тем самым дали возможность частям дивизии успешно продолжать наступление.

Следующий укрепленный пункт в глубине — Нассер Гартен — атаковали части 18-й дивизии под командованием генерала Г. И. Карижского. Штурмовые отряды ворвались в южные кварталы и овладели ими. Но в центре поселка завязался упорный уличный бой. Коммунисты, как всегда, были впереди. В 10-й штурмовой группе 58-го полка наступил момент броска в атаку. Первым поднялся коммунист, агитатор Бикбулатов. Все бойцы услышали его голос: «Вперед, гвардейцы! Нам нет преград!» Одним броском вся группа ворвалась в укрепленный квартал поселка. Действуя решительно, гвардейцы захватывали дом за домом.

В ожесточенной схватке с врагом отличились гвардейцы Шишуков, Демчук и Барков. Они подбили танк, ворвались в дом и взяли в плен 20 фашистов.

В это же время 1-й стрелковый батальон 252-го полка под командованием капитана Федорова штурмовал форт № 10. Но артиллерийско-пулеметный огонь препятствовал продвижению нашей пехоты. Убедившись, что форт взять с фронта невозможно, капитан Федоров произвел перегруппировку, бросив главные силы батальона в обход форта с запада. Предварительно парторг 1-й стрелковой роты рядовой Зорин собрал коммунистов и поставил перед ними задачу первыми подняться

в атаку с лозунгами: «За партию!», «За Родину!», «Вперед, на врага!», увлечь за собой бойцов и занять форт.

Преодолев внешний ров, подразделения батальона ворвались на территорию форта в северной его части. В рукопашном бою сопротивление врага было подавлено. Оставшиеся защитники форта, более 100 человек во главе с комендантом майором Махт, сдались в плен.

Парторг роты Зорин водрузил над фортом флаг Победы.

За день боя войска армии прорвали оборону противника на 4 километра в глубину, овладели 20 укрепленными пунктами, захватили 43 квартала в южной части города.

Боевые действия на всех участках фронта армии характеризовались ожесточенным сопротивлением противника.

В ночь на 7 апреля и весь этот день шли упорные бои в южной части города. Усилились удары по врагу с воздуха. Ровно в 2 часа дня к городу подошли тяжелые бомбардировщики 18-й воздушной армии под командованием Главного маршала авиации А. Е. Голованова. В течение 45 минут непрерывным потоком более 500 тяжелых бомбардировщиков наносили удар по городу и крепости. За это время ими было сброшено около 4 тысяч бомб. Город скрылся в дыму. Черный столб поднимался в высоту более чем на 1500 метров.

Боевые действия войск армии в течение второго дня штурма привели почти к полному разгрому частей противника, оборонявшихся в южном секторе города, и прорыву второй позиции врага на всем фронте. Наши части продвинулись на 3,5 километра, взяли 3 форта, 7 железобетонных убежищ, 7 дотов, 45 укрепленных опорных пунктов, сортировочную железнодорожную станцию и более 10 различных заводов.

ДОКУМЕНТЫ ТЕХ ДНЕЙ

П Р И К А З ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

командующему войсками
3-го Белорусского фронта
генералу армии **ЧЕРНЯХОВСКОМУ**,
начальнику штаба фронта
генерал-полковнику **ПОКРОВСКОМУ**

Войска 3-го БЕЛОРУССКОГО фронта сегодня, 20 января, штурмом овладели городами Восточной Пруссии — ТИЛЬЗИТ, ГРОС-СКАЙСГИРРЕН, АУЛОВЕНЕН, ЖИЛЛЕН и КАУКЕМЕН — важными узлами коммуникаций и сильными опорными

пунктами обороны немцев на кенигсбергском направлении.

В боях за овладение городами ТИЛЬЗИТ, ГРОС-СКАЙСГИРРЕН, АУЛОВЕНЕН, ЖИЛЛЕН и КАУКЕМЕН отличились войска генерал-лейтенанта ЛЮДНИКОВА, генерал-лейтенанта БЕЛОБОРОДОВА, генерал-майора СИМИНОВСКОГО, генерал-майора МАСЛЕННИКОВА, генерал-лейтенанта КСЕНОФОНТОВА, генерал-лейтенанта МИССАН, генерал-майора ОЛЕШЕВА, полковника ЧЕРЕПАНОВА, генерал-майора ЛУЦКЕВИЧА, полковника ВАСИЛЕНКО, полковника БАСАНЕЦ, генерал-майора УСАЧЕВА, полковника БЛИНОВА; артиллеристы генерал-лейтенанта артилле-

Войска армии очистили от противника до 100 кварталов в южной части города. Сложившаяся обстановка требовала продолжения наступательных действий на всем фронте с целью форсирования реки Прегель и уничтожения противника в центральной части города.

Одной из первых к реке подошла 16-я гвардейская дивизия под командованием генерал-майора М. А. Пронина.

Под прикрытием ночной темноты два штурмовых отряда 49-го полка и отряд 46-го полка на плотках начали переправу.

Первыми переплыли на северный берег взвод коммуниста гвардии лейтенанта Леонова и бойцы Брыков и Абашев во главе с парторгом роты Третьяковым.

Переправа проходила под сильным артиллерийским и минометным огнем. В районах высадки завязался упорный бой. Противник отеснил подразделения штурмового отряда 49-го полка на южный берег. Тогда командир дивизии, использовав захваченный штурмовым отрядом 46-го полка плацдарм, на амфибиях усилил темп форсирования, наращивая удар в этом направлении. Помогла авиация. Три шестерки штурмовиков ИЛ-2 под командованием гвардии майора Коровина и капитанов Пятери и Асадчих точно накрыли бомбами 8 реактивных установок врага, пушечным огнем прижали противника к земле. В это время дивизия успешно форсировала реку. В ту же ночь в центре построения армии части 11-й гвардейской дивизии под командованием генерал-майора Н. Г. Цыганова и 18-й гвардейской дивизии под командованием генерала Г. И. Карижского под ожесточенным огнем противника смелым броском тоже форсировали реку и стали развивать наступление на центр города.

рии ДЕРЕШ, генерал-майора артиллерии ЩЕГЛОВА, полковника ЛУКЬЯНОВА, полковника КИРДЯНОВА, полковника НОВОДРАНОВА; танкисты генерал-лейтенанта танковых войск БУТКОВА, генерал-лейтенанта танковых войск БУРДЕЙНОГО, полковника ЦИНЧЕНКО, полковника ПЕТРОВСКОГО, подполковника ХАЛИЕВА, полковника СОММЕР, полковника КУЗНЕЦОВА, подполковника КОВАЛЕВА, подполковника МИРОНОВА, полковника ЛУШПА, подполковника ДРОБЫША, подполковника СУДАКОВА; летчики генерал-майора авиации ЗАХАРОВА, полковника ПРУТКОВА, генерал-майора авиации НЕЧИПОРЕНКО, полковника ЧУ-

ЧЕВА, генерал-майора авиации ШЕВЧЕНКО, полковника ХАТМИНСКОГО, полковника ЗИМИНА, подполковника ЗАКЛЕПА, полковника ШИНКАРЕНКО, генерал-майора авиации МОЛОКОВА, полковника АНДРЕЕВА, полковника ЕГОРОВА, подполковника ЗОЛОЧЕВСКОГО; саперы генерал-майора инженерных войск КОЛМАКОВА, генерал-майора инженерных войск ГНЕДОВСКОГО, полковника КОРОТКОВА, полковника ПАРХОМЧУКА; связисты полковника ЗАХАРОВА, генерал-майора войск связи СОРОКИНА, подполковника ЦЫЛБОВА.

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наибо-

8 апреля соединения армии, форсировав реку Прегель, продвинулись еще на 2—3 километра на север, стремясь на западной окраине выйти на соединение с частями 43-й армии, которая успешно штурмовала укрепления северо-западной части города.

В 14 часов части 16-й гвардейской дивизии нашей армии и части 24-й гвардейской дивизии 43-й армии, соединившись в районе Амалиенау, завершили блокирование кенигсбергского гарнизона с запада. Наши войска сомкнули кольцо окружения вокруг центральной части города и, увеличивая силу удара с запада, отбрасывали врага к центру. Однако это еще не было победой, так как современные средства фортификации делают оборону города чрезвычайно устойчивой. Поэтому совместно с 43-й армией мы немедленно приступили к расчленению и уничтожению вражеского гарнизона.

Комендант крепости генерал Ляш так охарактеризовал создавшееся положение:

«На третий день штурма русские в отдельных местах прорвались к центру города, где находился и я со своим штабом. В результате обстрела артиллерии, минометов и налетов бомбардировочной авиации возникли большие пожары. Город был разрушен, убежища повреждены. Внутренний транспорт перестал работать. Прекратился подвоз боеприпасов. Радио и телеграфная связь прерваны. Войска понесли большие потери.

Моральное состояние войск ухудшалось с каждым часом. Чем больше сокращался фронт, тем тяжелее становилось положение в городе. Запасы продовольствия и боеприпасов были уничтожены. Разрушения в городе настолько были велики, что невозможно было не только передвигаться, но и даже ориентироваться».

Командующий войсками 4-й немецкой армии генерал Мюллер во избежание полного уничтожения кенигсбергского гарнизона отдал приказ

лее отличившиеся в боях за овладение городами ТИЛЬЗИТ, ГРОС-СКАЙСГИРРЕН, АУЛОВЕНЕН, ЖИЛЛЕН и КАУКЕМЕН, представить к присвоению наименования «ТИЛЬЗИТСКИХ» и к награждению орденами.

Сегодня, 20 января, в 22 часа столица нашей Родины МОСКВА от имени Родины салютует доблестным войскам 3-го Белорусского фронта, овладевшим городом ТИЛЬЗИТ и другими поименованными городами, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия
ОБЪЯВЛЯЮ БЛАГОДАРНОСТЬ руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за овладение ТИЛЬЗИТ и другими названными городами.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

20 января 1945 года. № 235.

окруженной группировке оставить город и ночью прорываться на запад с использованием всех имеющихся сил. Для выручки встречный удар с Земландского полуострова наносила 5-я танковая дивизия и некоторые части двух пехотных дивизий. Однако этот прорыв потерпел полную неудачу, и наши части совместно с частями 43-й армии разгромили обе группировки.

В ночь с 8 на 9 апреля на всем фронте армии продолжались упорные бои.

Последний день штурма был самым напряженным. Враг продолжал яростно сопротивляться. Засевшие в укрепленных домах и кварталах группы фашистов оказывали упорное огневое сопротивление. В 13 часов 9 апреля 1-я гвардейская дивизия под командованием полковника П. Ф. Толстикова начала наступление на Королевский замок. Прославленной в боях Московской дивизии было поручено овладеть резиденцией прусских королей. Замок защищали специальные офицерские отряды 69-й пехотной дивизии противника. Штурмовые отряды 1-й гвардейской дивизии при поддержке орудий прямой наводки, танков, прикрываясь дымами, прорвались через проломы в стенах во внутренние помещения замка. Более трех часов длился бой в помещениях, этажах и отдельных строениях. К 19 часам штурмовавшие полностью овладели замком. В это же время части дивизии очистили от врага здание главного почтамта и главного телеграфа.

Во второй половине дня в руках противника оставалась только небольшая часть города. Враг лишился своих укреплений. Все расположение его простреливалось нашим артиллерийско-минометным огнем, а с воздуха врага расстреливали штурмовики. Но в окруженных районах оставалось еще до 40 тысяч войск, которые сопротивлялись с отчаянием обреченных. Судьба гарнизона определялась несколькими часами. Непрекращающееся наступление войск фронта, мощные удары артиллерии и авиации, громадные потери противника коренным образом повлияли на дальнейшее поведение коменданта крепости и ее гарнизона. В 6 часов вечера в расположение 27-го полка 11-й гвардейской дивизии, которой командовал генерал Н. Г. Цыганов, прибыли 2 немецких офицера: полковник Хефке и подполковник Кервин для переговоров о прекращении боевых действий. Командир дивизии доложил об этом мне. Обменявшись мнениями с членами Военного совета армии и срочно доложив командующему фронтом, мы решили направить генералу Ляшу ультиматум о полной капитуляции, взяв за основу листовку с обращением к войскам гарнизона противника Маршала Советского Союза А. М. Василевского. Для этого в штаб вражеского гарнизона были направлены начальник штаба дивизии подполковник П. Г. Яновский, капитаны А. Е. Федорко и В. М. Шпитальник.

Подполковник П. Г. Яновский вручил Ляшу текст ультиматума и условия капитуляции. После некоторого колебания немецко-фашистское

командование приняло ультиматум. Генерал Ляш отдал приказ о прекращении боевых действий и капитуляции.

В 2 часа ночи Яновский привел коменданта крепости генерала Ляша и с ним более 10 старших офицеров немецкого штаба.

Таким образом, в результате 4-дневных боев город и крепость Кенигсберг был взят, войска гарнизона уничтожены или пленены. Всего же частями 11-й гвардейской армии было взято в плен 57 640 вражеских солдат и офицеров, большое количество оружия и военной боевой техники.

Поздно вечером 9 апреля столица нашей Родины — Москва салютовала героям штурма.

10 апреля во всех соединениях армии были проведены митинги, посвященные победе, одержанной в боях за Кенигсберг.

Герой боев за Кенигсберг — пулеметчик 12-го полка старшина Пискунов, выступая на митинге, выразил мысли всех бойцов:

«Эта победа нам далась потому, что народ наш обеспечил свою армию первоклассной техникой. Гром наших пушек и бомбовые удары нашей авиации дали нам возможность преодолеть все преграды на нашем пути. Наши бойцы и офицеры в этих боях показали свое умение громить фашистов и в кратчайший срок овладеть такой мощной крепостью, как Кенигсберг».

Генерал-лейтенант
в отставке Ф. П. ОЗЕРОВ

В БОЯХ ЗА КЕНИГСБЕРГ

Фашисты старались любой ценой удержать город-крепость, даже если придется вести бои в условиях полного окружения и изоляции. Об этом свидетельствовали призывы врага, написанные большими буквами на стенах домов и звавшие к упорной борьбе: «Мы победим — с нами бог!», «Отныне мы бешеные!», «Будем драться с фанатическим бешенством!»

50-я армия, которой я командовал, получила задачу: имея главные силы на своем правом фланге на фронте Танненвальде — Зудау шириной

в 3,5 километра, прорвать оборону противника по внешнему обводу Кенигсбергского укрепленного района и, нанося главный удар в юго-восточном направлении навстречу войскам 11-й армии, разрезая город на две части, совместно с войсками 43-й армии, наступающей справа, разгромить противника и овладеть северной частью города до реки Прегель.

Для выполнения этой задачи главные силы армии и были развернуты на правом фланге: 81-й стрелковый корпус, командир корпуса генерал-лейтенант Захаров, фронт прорыва 1,5 километра; 124-й стрелковый корпус, командир корпуса генерал-лейтенант Иванов, фронт прорыва 2 километра.

Каждый корпус имел по две дивизии в первом эшелоне и по одной — во втором. В полосу действий этих ударных корпусов был спланирован огонь как армейской, так и приданной армии 2-й артиллерийской дивизии, тяжелых 280 мм артдивизионов и бригады реактивных минометов.

Плотность на 1 километр фронта прорыва была доведена до 240—260 орудий и минометов. Каждый полк дивизии первого эшелона имел штурмовой батальон, в состав которого входили: рота саперов, первая и вторая батареи 122 мм гаубиц, батарея 120 мм минометов, 1—2 взвода танков, взвод 76 мм орудий, первое и второе отделение огнеметов. Эти штурмовые батальоны и сыграли главную роль как в прорыве обороны, так и в боях за овладение городом.

69-й стрелковый корпус (командир корпуса генерал-лейтенант Мультиан) занял оборону по внешнему обводу Кенигсбергского укрепленного района от Зудау до реки Прегель, имея сгусток сил на своем правом фланге, с целью помочь корпусам ударной группировки армии.

В полосе наступления 81-го и 124-го стрелковых корпусов находились мощные форты.

Эта полоса оборонялась частями 548-й пехотной дивизии, 75-м охранным полком и несколькими батальонами фольксштурма.

Войска армии имели большой боевой опыт. Они зарекомендовали себя в блестяще проведенных наступательных операциях и боях, но брать такую мощную крепость им предстояло впервые. Обстановка требовала развернуть продуманную боевую подготовку и тренировку как войск, так и штабов.

Командующий фронтом А. М. Василевский и его заместитель генерал армии И. Х. Баграмян лично обучали командующих и начальников штабов армий.

В свою очередь и я детально изучил особенности города и его укреплений с командирами корпусов, дивизий, начальниками штабов. Мы определили задачи корпусам и дивизиям, отработали взаимодействие их по этапам боя.

Кроме того, были проведены рекогносцировки на местности. Коман-

диры корпусов и дивизий в течение 15 дней на специально подобранном учебном поле, оборудованном укреплениями, аналогичными тем, которые нам предстояло штурмовать, проводили боевую подготовку и тренировку штурмовых батальонов и рот. Нужно отдать должное моему заместителю генерал-лейтенанту Тюрину, который вложил в подготовку этих батальонов большие знания, опыт и неиссякаемую энергию.

Трудно переоценить огромную партийно-политическую работу, проведенную офицерами политотдела армии под руководством члена Военного совета генерал-майора Пономарева и начальника политотдела армии генерал-майора Александрова. Она была направлена на то, чтобы создать среди личного состава войск армии высокий наступательный дух. Армейская и дивизионная печать призывала воинов к упорной и настойчивой боевой подготовке, отваге и мужеству.

Много потрудились второй член Военсовета генерал-майор Рассадин и начальник тыла армии генерал-майор Кисаев, чтобы в тяжелую распутицу обеспечить войска всем необходимым для боя.

Командующий артиллерией армии генерал-майор Васильев с командирами армейской и приданной артиллерии уточнили и проверили все цели, произвели тщательную пристрелку их. Командиры корпусов и дивизий определили задачи войскам на местности, установили их взаимодействие. Инженерные части армии были готовы провести разминирование и образовать проходы на направлении главных ударов.

4 апреля на наблюдательный пункт прибыл командующий фронтом. Доложив о готовности армии к действию, я предложил захватить ночью внезапным ударом малый форт. Тем самым пробить брешь в сплошной обороне противника, что даст возможность более успешно начать штурм города. Маршал Василевский одобрил план.

Выполнял эту задачу штурмовой батальон под командованием майора Могилева. Это был грамотный и смелый офицер. Он зарекомендовал себя в прошлых боях с самой лучшей стороны. Артиллерия дивизии внезапно для врага открыла огонь по его переднему краю и малому форту. Роты батальона быстро достигли противотанкового рва, наполненного водой, и по переброшенным через него штурмовым мостикам с криком «Ура!» ворвались в траншеи противника. Разгорелся короткий, но жестокий бой. Форт был захвачен. На его вершине комсорг Демьянович водрузил красный флаг.

В бой вступил батальон майора Шорникова, который, развивая успех, ворвался на окраину города. В течение ночи враг несколько раз пытался выбить наши подразделения, но все его контратаки были отражены. Таким образом, части 343-й стрелковой дивизии вклинились в оборону противника примерно на 1500 метров. Для закрепления успеха был выдвинут еще один полк.

5 апреля здесь же на поле боя майору Могилеву вручили орден Красного Знамени, а отличившимся лейтенанту Морозову и комсorghу

Демьяновичу — ордена Отечественной войны I степени. Боевые награды получили и другие смелые воины. Майору Шорникову, отличившемуся затем и в штурме города, было присвоено звание Героя Советского Союза.

Об успешном захвате малого форта политотделы армии и дивизий рассказали в специальных листовках, в которых широко популяризировался этот подвиг. Успех воодушевил не только личный состав 343-й стрелковой дивизии, но и все войска армии.

Наступило утро 6 апреля. Туман. Моросил дождь. Авиация действовать не могла. А как хотелось, чтобы могучий удар артиллерии был поддержан авиацией!

Звонок.

У аппарата командующий фронтом.

— Федор Петрович, будем начинать атаку без авиации или перенесем на завтра?

Я доложил маршалу:

— Откладывать не следует, атаку целесообразно начать сегодня.

Условились начать в 10.00, надеясь, что к этому времени погода улучшится и авиация сможет действовать.

Ровно в 10.00 тысячи орудий и минометов трех наступавших с севера армий обрушили смертоносный сокрушительный огонь по заранее намеченным целям. В течение двух часов мощный артиллерийско-минометный огонь громил укрепления и живую силу врага, подготавливая атаку пехоте. Исключительное значение имела стрельба орудий прямой наводки.

В 12.00 вслед за огненным валом артиллерии в сопровождении танков в атаку ринулись штурмовые батальоны полков первого эшелона всех четырех дивизий.

Наши воины, действуя смело и инициативно, преодолевая сопротивление врага, успешно продвигались вперед. На домах, освобожденных от гитлеровцев, комсорг Землянский, комсомольцы Барко и Попок закрепили красные флажки. Их вид еще более воодушевил воинов на новые подвиги.

Бой разгорался. Отбивая яростные контратаки врага, наши части, хотя и медленно, но настойчиво продвигались в глубь города, очищая дом за домом, квартал за кварталом.

Части армии овладели сильным опорным пунктом Нойзидлунг, блокировали форт «Гнейзенау» и, обойдя его, овладели районом Байдриттен, завязали бой за Нойхуфен. Перерезали шоссе внешнего пояса Кенигсбергского укрепленного района. В оборону врага был вбит клин в 2—3 километра глубиной.

К исходу дня части 343-й стрелковой дивизии захватили городскую

радиовещательную станцию. Младший сержант коммунист Сапожников, комсомолец Шереметько, Михальчук, Николаев при поддержке рядовых Крылова и Степанова укрепили на ее 50-метровой мачте красный флаг.

В ночь с 6 на 7 апреля продолжались уличные бои. Утром для усиления удара ввели в бой вторые эшелоны.

Чтобы остановить наступление, противник бросил в контратаку новые полки, но и это не помогло. Умело применив маневр, полки 343-й, 216-й, 307-й и 208-й стрелковых дивизий нанесли врагу сильный удар, и контратака его захлебнулась. Смекалку и смелость проявил расчет сержанта Казакова. Увидев, что одна из наших рот, попав под кинжальный пулеметный огонь противника, залегла, он выдвинул 122-миллиметровую гаубицу и прямой наводкой уничтожил пулеметы врага, скрытые в подвале каменного здания. Путь роте был открыт.

7 апреля перешла в наступление и правофланговая 153-я стрелковая дивизия 69-го корпуса, а 9-го она в упорном бою во взаимодействии с 216-й стрелковой дивизией 124-го стрелкового корпуса овладела наиболее мощным фортом врага «Король Фридрих Вильгельм III».

Боевой день 8 апреля был особенно жестоким. Гитлеровцы приложили немало усилий для того, чтобы остановить наше наступление и вернуть утраченное положение. Они ввели в бой свои главные силы и в ряде мест предприняли контратаки, которые были встречены сокрушительным огнем нашей артиллерии и ударами дивизий 81-го и 124-го стрелковых корпусов. В течение дня сдались в плен тысячи вражеских солдат и офицеров.

К исходу дня наши части овладели стадионом, многими кварталами по западному берегу пруда Обер-Тайх, районом Мараунен-Хоф и Ротенштейн.

8 апреля передавалось обращение Военного совета фронта к Кенигсбергскому гарнизону. Обращение размножили в листовках и разбросали самолетами. Хотя комендант города генерал Ляш в этот день оставил обращение без ответа, оно имело определенный эффект: целые подразделения врага, держа в высоко поднятых руках листовки с обращением, сдавались в плен.

Вечером, докладывая начальнику штаба фронта обстановку за день, получил от него приказ, если необходимо, ввести в бой все силы армии, чтобы 9 апреля завершить штурм города.

С утра 9 апреля наступление при мощной поддержке артиллерии и авиации продолжалось. Были захвачены ипподром и казармы в районе Кальтхоф, очищены кварталы западнее и восточнее пруда Обер-Тайх. Штурмовые батальоны четырех дивизий завязали бои за укрепления, прикрывавшие центральную часть города. Воины 69-го корпуса, наступая в юго-восточном направлении, сворачивали оборону врага по линии фортов внешнего обвода.

Наступающие справа соединения 43-й армии и с юга 11-й армии также завязали бой за центр города.

Командир 81-го стрелкового корпуса рассказал о любопытном разговоре по телефону: кто-то на ломаном русском языке кричал в трубку: «Русский генерал, русский генерал, прекратите свой ужасный огонь — мы готовы капитулировать».

Это было днем.

В 21 час комендант крепости Кенигсберг генерал Ляш отдал приказ о капитуляции.

Я был назначен первым начальником гарнизона города-крепости Кенигсберг. Через несколько дней город осматривал маршал Василевский, я его сопровождал. Все улицы и дома в центре города лежали в развалинах. Это был «мертвый город».

Ныне город волею партии и самоотверженным трудом советских людей возрожден из пепла. И носит он гордое название — Калининград.

Дважды Герой Советского Союза,
генерал армии
А. П. БЕЛОБОРОДОВ

...И КРЕПОСТЬ ПАЛА!

Апрель сорок пятого года. До нашей победы — всего лишь месяц. Но на войне и тридцать дней иногда заменяют годы, потому что слишком дорого они обходятся. Цена им — тысячи жизней бойцов, смелых, отважных и стойких. Об одном из них напомнило мне недавнее событие. В окружном Доме офицеров состоялся митинг, посвященный открытию мемориальной доски героям-москвичам, павшим в боях за Родину в годы Великой Отечественной войны. На митинг пришли ветераны, убежденные сединой, и молодые воины, люди в погонах и без погон. Пришли сюда и две матери, дети которых обессмертили свои имена.

Я стоял рядом с ними, матерями — Любовью Тимофеевной Космодемьянской и Долорес Ибаррури, стоял и думал о том, что никогда не заживут раны, которые нанесла им в самое сердце война, и никогда не померкнет слава, поднявшая их детей на пьедестал бессмертия!

Снято покрывало с мемориальной доски. И четкие колонны фамилий встали перед глазами. Кажется, поднялся, ожил строй бойцов. Поднялся из огня и пепла, напоминая живым о мужестве и отваге, о священном долге перед Родиной. Взгляд невольно останавливается на знакомых именах: «Ибаррури Р. Р., Космодемьянская З. А., Космодемьянский А. А.»

Гвардии старший лейтенант коммунист Александр Космодемьянский в те далекие апрельские дни вместе с бойцами 43-й армии, которой мне довелось тогда командовать, штурмовал Кенигсберг. Он был командиром самоходной установки 350-го гвардейского тяжелого самоходно-артиллерийского полка, сражавшегося в составе нашей армии. 6 апреля в районе Транквиц под сильным артиллерийским и минометным огнем противника молодой офицер организовал наведение переправы через канал Ланд-Грабен и первым форсировал водный рубеж. За смелость и находчивость старший лейтенант Космодемьянский был выдвинут на должность командира батареи СУ-152. 8 апреля его батарея, несмотря на сильный заградительный огонь и минные поля, вышла на открытую позицию перед фортом «Королева Луиза». Дав залп по форту, она разбила ворота и с ходу ворвалась во двор. Гарнизон форта капитулировал.

Не перечислить подвигов. Это они, рядовые бойцы фронта, взламывали оборону врага. Это они выполняли замыслы и волю командования. А замысел штурма коротко сводился к следующему — нанести одновременные удары по городу с юга и севера по сходящимся направлениям, окружить и уничтожить гарнизон крепости.

Гитлеровское командование придавало большое значение обороне крепости. Оно имело цель сохранить плацдарм в Восточной Пруссии, сковать значительные силы Советской Армии, действующие здесь, а в случае благоприятного исхода боев на других направлениях, использовать этот плацдарм для нанесения контрудара по советским войскам. Перед боями за город гитлеровцы открыли шлюзы на реке Прегель и затопили ее долину.

Задача армии состояла в том, чтобы ударом с северо-запада прорвать внешний пояс Кенигсбергского укрепленного района и, развивая прорыв в юго-восточном направлении, к исходу третьего дня операции штурмом овладеть городом и выйти на реку Прегель.

Наступило утро 6 апреля 1945 года. Раздались мощные артиллерийские залпы, начались удары авиации. В 12.00 войска армии, выполняя приказ командующего фронтом Маршала Советского Союза А. М. Василевского, одновременно на всем фронте перешли к решительному штурму вражеской крепости. Преодолевая ожесточенное сопротивление врага, соединения корпусов генералов А. И. Лопатина, А. С. Ксенофонтова и Э. Ж. Седулина к исходу дня преодолели позиции внешнего об-

вода, а на отдельных направлениях подошли ко второму оборонительному обводу и ворвались в предместья города.

Мы прекрасно понимали, что сопротивление будет нарастать. Поэтому Военный совет армии в три часа ночи 7 апреля отдал приказ — максимально усилить боевое напряжение, активно действовать не только днем, но и ночью.

С утра 7 апреля после мощной артиллерийской подготовки и массированных ударов авиации войска армии продолжали вести упорные бои за овладение вторым оборонительным обводом. Во второй половине дня соединения генералов Ксенофонтова и Лопатина ворвались на северо-западную окраину города и завязали уличные бои. Противник, не считаясь с огромными потерями, стремился во что бы то ни стало остановить продвижение наших войск. Используя каменные строения, подвалы, канавы, рвы, минные заграждения, враг огрызался на каждом шагу, оказывая ожесточенное сопротивление.

В этой чрезвычайно трудной обстановке наши воины проявили массовый героизм. Они не знали преград, смело вступали в единоборство с превосходящими силами противника и побеждали его. Многие, будучи ранеными, не покидали поля боя, продолжая выполнять поставленную задачу. Вот некоторые примеры.

Во время прорыва обороны противника на подступах к Кенигсбергу, несмотря на сильный артиллерийский и минометный обстрел, рядовой 1341-го стрелкового полка 319-й стрелковой дивизии Петр Егорович Павлов вырвался с противотанковой гранатой вперед и бросился к амбразуре дзота, стоящего на пути продвижения наших войск. Он приблизился к огневой точке на десять метров и бросил гранату в амбразуру. Вражеский пулемет замолк. Тогда отважный воин проник в дзот, уничтожил 23 гитлеровца и взял четырех офицеров в плен.

В ночь на 9 апреля 500 гитлеровцев, поддержанные танками и самоходными орудиями, пытались вырваться из окружения. Рядовой Павлов преградил им путь метким огнем из автомата и гранатами. Отважному воину было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Отличился в бою и командир самоходной батареи лейтенант Иван Александрович Патрушев. Его батарея первой ворвалась на окраину города. Противник перешел в контратаку. Действуя смело и решительно, командир батареи отразил контратаку. В этом бою его ранило, но офицер продолжал руководить батареей. Когда немцы подбили машину, лейтенант с автоматом в руках продолжал отбивать вражеские контратаки. Батарея нанесла противнику большой урон, уничтожила до 250 солдат, подбила 54 пушки и 3 зенитных орудия, подавила 33 огневые точки, взяла в плен до 1200 гитлеровцев. Лейтенант Патрушев удостоен звания Героя Советского Союза.

Отважные действия бойцов и офицеров обеспечивали успешное выполнение боевых задач. Характерным в этом отношении является

штурм форта номер пять. 7 апреля после артиллерийской обработки форта саперы под прикрытием артиллерийского огня и дымовой завесы проделали проходы в минном поле и форсировали противотанковый ров.

Преодолев завесу огня, пехота и саперы взрывным способом проделали проходы в стенах и потолке. Через эти проемы стрелки ворвались в казематы и завязали рукопашный бой. Командир отделения 550-го стрелкового полка 126-й стрелковой дивизии младший сержант Антон Михайлович Саломеха в рукопашной схватке уничтожил 12 и пленил 15 немецких солдат. Отличился он и в уличном бою. Забравшись на чердак занятого немцами дома, А. М. Саломеха противотанковой гранатой уничтожил два станковых пулемета противника и взял в плен двенадцать солдат. Тем самым он обеспечил успех штурма превращенного немцами в опорный пункт дома, который преграждал подступы к центру города. 19 апреля Указом Президиума Верховного Совета СССР Антону Михайловичу Саломехе присвоено звание Героя Советского Союза.

Командиру саперного взвода лейтенанту Ивану Прохоровичу Сидорову была поставлена задача: взорвать укрепления форта. Под сильным огнем офицер переправился через канал, шириной в 50 метров и глубиной в 3 метра, снял противотанковые и противопехотные мины, подготовил мощный заряд и взорвал форт. Но вражеский гарнизон не сдавался. Тогда лейтенант подготовил еще три заряда. И все это под огнем врага! Взрыв пробил в укреплении большое отверстие. Лейтенант стал бросать в провал гранаты. Это решило исход штурма. Форт капитулировал. Умелым руководством и личным примером офицер обеспечил успех. Потерь с нашей стороны не было. Ивану Прохоровичу Сидорову также присвоено звание Героя Советского Союза.

ДОКУМЕНТЫ ТЕХ ДНЕЙ

П Р И К А З ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАН- ДУЮЩЕГО

командующему войсками
3-го Белорусского фронта
генералу армии **ЧЕРНЯХОВСКОМУ**,
начальнику штаба фронта
генерал-полковнику **ПОКРОВСКОМУ**

Войска 3-го БЕЛУРУССКОГО фронта сегодня, 21 января, штурмом овладели в Восточной Пруссии городом ГУМБИННЕН — важным узлом коммуникаций и сильным опор-

ным пунктом обороны немцев на кенигсбергском направлении.

В боях за овладение городом ГУМБИННЕН отличились войска генерал-лейтенанта ЛУЧИНСКОГО, генерал-полковника КРЫЛОВА, генерал-майора РОГАЧЕВСКОГО, генерал-майора ПРИХИДЬКО, генерал-майора БАТИЦКОГО, генерал-майора АЛЕКСАНДРОВА, генерал-майора ШВАРЕВА, генерал-майора ВЛАДЫЧАНСКОГО, генерал-майора ДАНИЛОВА, генерал-майора КУЗНЕЦОВА, полковника ШАЦКОВА, генерал-майора СЫЧЕВА, полковника НЕСТЕРЕНКО, генерал-майора КОРЧИ-

Разгромленные части противника, не в силах сдержать наступления наших войск, вынуждены были отходить к центру города. Отходили они с ожесточенными боями. Враг использовал заранее подготовленные для обороны каменные строения и сооружения. Уличные бои не затихали ни на минуту. Каждый дом брался нашими воинами с боя. Квартал за кварталом, дом за домом переходили в наши руки. В одном из кварталов противник фланкирующим огнем с чердаков и окон задерживал продвижение нашей пехоты. Командир штурмовой группы 722-го гвардейского стрелкового полка лейтенант Соколов, разделив бойцов на три подгруппы, окружил дома, изолировал их и последовательно атаковал.

В одном из боев стрелковая рота встретила на своем направлении дом, обнесенный колючей проволокой. Огнем из этого дома противник сдерживал наступление батальона. Бойцы во главе с комсоргом роты Маштаниным собрали одеяла, набросили их на проволочное ограждение, атаковали дом и заняли его, тем самым обеспечив продвижение своего батальона.

Исключительно большую роль в уличных боях сыграли штурмовые группы. Они просачивались через дворы, окна домов, пробоины, появлялись там, где противник не ожидал. Внезапность, стремительность наших воинов ошеломляли врага.

Позднее из показаний пленных было установлено, что подразделения противника в уличных боях несли значительные потери, в ротах оставалось по десять-пятнадцать человек, они имели задачу во что бы то ни стало удерживать занимаемые позиции. Но сдержать наступление наших войск было невозможно.

В ночь на 10 апреля остатки гарнизона крепости во главе с комендантом крепости генералом Ляшем капитулировали. Кенигсбергская

КОВА, генерал-майора ТУРЧИНСКОГО, полковника ЦУКАРЕВА; артиллеристы генерал-полковника артиллерии БАРСУКОВА, генерал-майора артиллерии ПЕТРОПАВЛОВСКОГО, полковника ЮСКОВИЧА, генерал-майора артиллерии КОЛОТИЛОВА, полковника КИРИЛЛОВА, полковника ВИШНЕВСКОГО, полковника МАЛЬЦЕВА, подполковника ТЕРЕХИНА, майора ВЫБОРНОВА, генерал-майора артиллерии ФЕДОРОВА, полковника ПОПОВА, полковника СОКОЛОВА; танкисты полковника БАБЕНКО, подполковника КИРИЛЛОВА,

подполковника БУГАЕВА, подполковника МАКАРКИНА, полковника ЛОБАНОВА, полковника КУЛИКОВА, подполковника СУРНИНА, майора ЕЛЬНИКОВА, подполковника ПРОХОРОВА, подполковника СЕРДЕЧЕНКО, подполковника ТЮТЮНИКА, подполковника ГОЛОВАНОВА; летчики полковника ПРУТКОВА, подполковника ЗАКЛЕПА, полковника ХАТМИНСКОГО, подполковника РОДИНА, майора ДЕЛЬФИНО; саперы генерал-лейтенанта инженерных войск БАРАНОВА, генерал-майора инженерных войск ЖИРОВА, полковника

группировка в результате ожесточенных боев была разгромлена. И крепость пала.

В честь победы, одержанной под Кенигсбергом, Президиум Верховного Совета СССР учредил медаль «За взятие Кенигсберга». Этой медалью были награждены все участники боев за столицу Восточной Пруссии. Войскам армии приказом Верховного Главнокомандующего была объявлена благодарность. Многие солдаты, сержанты, офицеры и генералы награждены орденами и медалями, некоторые из них удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

Это звание присвоено и Александру Космодемьянскому. Он погиб, когда наши войска громили противника в южной части Земландского полуострова. В боях за опорный пункт Метгетен, расположенный западнее Кенигсберга, батарея, которой он командовал, подбила два танка, разрушила восемнадцать зданий и дзотов гитлеровцев. Батарея первой ворвалась на улицы населенного пункта Фирбруденкруг. 13 апреля гвардии старший лейтенант Космодемьянский пал смертью героя. Командир полка писал матери Любови Тимофеевне: «Ваш сын гвардии старший лейтенант Александр Анатольевич Космодемьянский погиб смертью героя в борьбе с немецкими захватчиками. Он отдал свою молодую жизнь во имя свободы и независимости нашей Родины...

Вы отдали Родине самое дорогое, что имели, — своих детей...

Война и смерть — неотделимы, но тем тяжелее переносить каждую смерть накануне нашей Победы».

Во имя счастья народов шли в бой наши воины, штурмовали крепости, во имя счастья созидательного труда проливали кровь. И пусть знают враги: нет таких крепостей, которые не одолел бы советский воин, сильный духом, благородный сердцем.

АНТОНОВА, полковника СОКОЛОВА; связисты генерал-лейтенанта войск связи БУРОВА, полковника ПЛОТКИНА.

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за овладение городом ГУМБИННЕН, представить к присвоению наименования «ГУМБИННЕНСКИХ» и к награждению орденами.

Сегодня, 21 января, в 22 часа столица нашей Родины МОСКВА от имени Родины салютует доблестным войскам 3-го Белорусского фронта,

овладевшим городом ГУМБИННЕН, двенадцатью артиллерийскими залпами из ста двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия **ОБЪЯВЛЯЮ БЛАГОДАРНОСТЬ** руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за овладение ГУМБИННЕН.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

21 января 1945 года. № 238.

ГОДЫ И ВОЙНЫ*

В конце 1944 года вместо генерала армии Г. Ф. Захарова командующим 2-м Белорусским фронтом был назначен уже хорошо знакомый нам по совместной боевой работе маршал К. К. Рокоссовский. К началу наступления мы получили из штаба фронта много ценных указаний, среди них и такие: с целью сохранения внезапности и чтобы сэкономить боеприпасы, разведки боем накануне наступления не производить, а провести ее штурмовыми батальонами в первые пятнадцать минут артподготовки. Исходя из того, что противник, вероятно, окажет настоящее сопротивление лишь во второй траншее, предлагалось первую траншею захватить на пятнадцатой минуте артподготовки. Эти указания встречены были нами с особым энтузиазмом, так как первое из них наша армия уже проводила в жизнь по собственному почину, начиная с Брянской операции, а второе применила в последнем наступлении, при расширении плацдарма на реке Нарев.

Одно нас огорчило: мы рассчитывали получить усиление в виде одного из танковых корпусов, но узнали, что их получили другие армии, наступающие левее нас, несмотря на то, что они наступали на более узком фронте, имели по стрелковому корпусу во втором эшелоне и, кроме того, на их направлении вводилась целая танковая армия. Наша же 3-я армия для развития успеха не имела не только танков, но и второго эшелона — у нас был лишь армейский резерв; кроме того, после продвижения на пятнадцать километров в глубину наша полоса расширялась до сорока пяти километров... Однако огорчившее нас решение командующего фронтом было обоснованным: армии, находящиеся левее нас, наступали в более важном западном и северо-западном направлении, наша же армия наступала на север и лишь отчасти на северо-запад.

Наконец настало 14 января 1945 года. День был пасмурный, туманный, с видимостью в сто пятьдесят-двести метров; это мешало наблюдению, мешало полному использованию артиллерии, не могли действовать и летчики. Как узнали позднее, назначенное на этот день наступление не было отменено лишь по просьбе наших западных союз-

* Отрывок из воспоминаний. «Новый мир», № 5, 1964 г.

ников, которые били тревогу из-за эффективного контрудара, нанесенного им немцами.

Ровно в десять часов разразилась неслыханной силы канонада на широком фронте. Хотя мы из-за тумана не могли видеть разрывов снарядов, но были уверены в отличной работе хорошо подготовившихся артиллеристов. На пятой минуте наши цепи покинули навсегда свои траншеи и устремились вперед. На пятнадцатой минуте они почти без потерь овладели первой траншеей. К одиннадцати часам, несмотря на огонь противника, саперы вместе с танками-тральщиками проделали проходы для пехоты перед второй траншеей и в одиннадцать часов десять минут мы овладели всюду второй траншеей. Хотя противник наращивал свои силы и огонь, за день боя войска армии продвинулись на главном направлении на три-семь километров, на вспомогательном — на два-три километра, ночью — еще на один-полтора километра.

Страшное по силе и ожесточению сражение разыгралось во второй, такой же пасмурный, день наступления. Противник ввел все свои резервы и, кроме них, танковую дивизию «Великая Германия». Прежде она находилась у южной границы Восточной Пруссии, в районе города Вилленбург, и разведкой на нашем направлении не отмечалась, но, воспользовавшись пасмурной погодой, за сутки незаметно сосредоточилась перед участком прорыва с задачей сначала восстановить положение на участке фронта нашей армии, а потом и в полосе левого соседа.

Мы намерены были возобновить наступление в девять часов, но противник нас упредил. Он начал свою контрартподготовку в восемь часов двадцать минут из двадцати трех артиллерийских и семнадцати минометных батарей, нескольких дивизионов шестиствольных минометов и из тяжелых метательных аппаратов, а в восемь часов тридцать минут контратаковал наши войска, вклинившиеся в его оборону. За два часа мы отразили семь контратак. В полдень в бой вступила немецкая танковая дивизия. До вечера мы насчитали тридцать контратак. Бой утих только с наступлением темноты.

Многие населенные пункты переходили из рук в руки. Мы не продвинулись вперед, но и не отступили ни на шаг, хотя были моменты, когда танки вклинивались в наши боевые порядки. Одна из танковых групп подошла на сто пятьдесят метров к высотке, на вершине которой находился командир корпуса Никитин. Он не только не перенес свой наблюдательный пункт, но лично командовал орудиями прямой наводки, воодушевляя артиллеристов; несколько тяжелых немецких танков были подбиты, другие скрылись в тумане. Я хорошо знал, что генерал Никитин — отличный военачальник, но никогда не предполагал, что в этом невысоком худощавом человеке столько силы и энергии, что у этого человека столько солдатской отваги и уверенности в своих боевых товарищах. Через полчаса я был там, горячо поблагодарил артиллеристов, а Никитина крепко обнял и расцеловал.

Пасмурная погода второго дня досаждала не только нам: летчики тяжело переживали свое бездействие. Опытнейший авиационный генерал К. А. Вершинин по телефону мне сказал:

— Все летчики не отходят от самолетов, они страшно волнуются. Но что поделаешь с погодой?

Противнику удалось временно задержать наше наступление. Но какой ценой? Пленные из мотополка дивизии «Великая Германия» показали, что их полк, усиленный семьюдесятью тяжелыми танками «пантера» и «тигр», только в первые три часа боя потерял не меньше трети танков и личного состава.

С рассветом 16 января возобновилось ожесточенное сражение. Мы отражали контратаки — их было более двадцати. Но во второй половине дня погода прояснилась, и с помощью авиации мы продвинулись вперед на два-три километра. Авиаразведка установила большое движение немецких обозов, машин и отдельных танков в западном направлении от фронта. Потерпев неудачи в контратаках и видя угрожающее продвижение наших левых соседей, противник начал отводить свои тылы.

Каждый из командиров частей мечтал первым пересечь границу Восточной Пруссии. Эта честь выпала 1172-му стрелковому полку под командованием подполковника Серегина. Случилось это днем 20 января 1945 года. Военный совет армии поздравил солдат, сержантов и офицеров со вступлением на землю врага и обратился с воззванием к ним: «Наше всеобщее давнишнее желание сбылось. Теперь нужно добраться до сердца гитлеровской Германии и вонзить в него наш красноармейский штык. Так ускорим же наше наступление!..»

В приграничных населенных пунктах гражданского населения мы почти не встречали; оставались лишь дряхлые старики и старухи, которые хотели умереть, где родились. Немецкие войска и полиция выгоняли всех, кто не хотел уходить (это по большей части были крестьяне); те скрывались с семьями в лесу, ожидая, пока придут наши войска. Но чем дальше мы продвигались, тем больше встречали оставшихся.

В Вилленбурге, на реке Омуде, у противника был заранее подготовленный рубеж с двумя траншеями и проволокой в два кола. Город горел, подожженный самими немцами; форсировав реку, мы овладели им обходом его с востока и запада. Восточнопрусским городом Алленштейн овладели 22 января соединения 3-го гвардейского кавалерийского корпуса и 35-го стрелкового корпуса.

Мы прошли более ста километров и задачу, поставленную нам на восемь суток (выход на линию Клайн-Данкхайм и Мушакен), выполнили за семь.

На следующий день, продвинувшись лишь на три-пять километров, мы оказались перед укрепленным районом, созданным до войны. В по-

лосе нашей армии он проходил в северо-западном направлении. Противник оборудовал берега озер, почти всегда высокие и покрытые сосновым лесом, в ряде мест разрушил плотины, затопив низменности и овраги.

В это время генерал от инфантерии Госбах отдал своим войскам приказ прорваться одной группой к Эльблонгу, а другой на Алленштейн. Но к Эльблонгу, к заливу, противнику прорваться не удалось. Ему оставался один путь отхода — по льду на косу, отделяющую залив от моря. Эта поросшая лесом коса шириной в три-четыре километра, длиной в восемьдесят километров выходила к Данцигу (Гданьску). Пленные рассказывали, что все дороги, идущие к морю, забиты машинами, военными и гражданскими повозками с различным имуществом, что некоторые из солдат переодеваются в гражданское платье, пытаются уйти в глубь Германии и занимаются грабежом, отбирая ценности у гражданского населения; войсками получен приказ упорно обороняться, пока не отойдут скопившиеся на дорогах обозы. Противник приспособил для обороны многочисленные здесь хутора, их каменные и кирпичные постройки.

К 1 февраля наша полоса была резко сужена, и мы вели упорный бой за город Гутштадт. Сил у нас осталось немного, но, учитывая высокое моральное состояние войск, мы решили овладеть городом ночью. В двадцать три часа, после короткой артподготовки, первым ворвался в город с штурмовой группой капитан Алейник. К трем часам ночи город был очищен от противника.

В кармане убитого обер-лейтенанта было найдено интересное письмо жительницы города к министру пропаганды Геббельсу. Привожу его полностью:

«Г-ну имперскому министру пропаганды доктору Геббельсу. Берлин.

Надеюсь, что эти немногие строки дойдут до вас. Мы переживаем здесь, в маленьком городе Гутштадте, нечто ужасное. Хаос, хуже которого нельзя себе представить. Необходима немедленная помощь. Я молю нашего фюрера о немедленной помощи!

Солдаты, проходящие здесь без командиров, грабят, переодеваются в гражданское платье, а свои мундиры швыряют на улице. Все документы, кобуры и каски, все, что напоминает солдатское, все брошен и валяется вокруг домов, все выглядит так, будто русские полностью свершили свое дело. Все улицы заполнены амуницией, конскими трупами, съестными припасами, которых наворовали столько, что не смогли унести. Местный руководитель национал-социалистской партии, он же бургомистр, сбежал, бросив гражданское население на произвол судьбы.

Потерявшая страх перед старшими начальниками военщина разбегается. Но солдаты, преданные фюреру, возмущены этим образом дей-

ствия. Офицеры будто бы говорили солдатам: «Думайте сами, как вам уйти от русских».

К сожалению, я не могу больше писать. Хочу, чтобы эти строки дошли до вас. Хорошие солдаты оказывают мне услугу, беря это письмо, и если им удастся, они отправят его в ваш адрес.

Я верю вам. Я хочу упомянуть, что я старый член партии. Гаулейтер Эрих Кох меня хорошо знает.

Ваш верный товарищ по партии Хилли Борнинская».

Письмо не дошло до адресата — мы его передали Илье Григорьевичу Эренбургу, который был у нас и использовал это письмо для своей статьи в газете «Красная звезда».

Разъяренный поражениями фюрер сместил командующего 4-й армией генерала от инфантерии Госбаха и ряд старших офицеров, обвинив их в намеренной уступке русским Восточной Пруссии. На место Госбаха был назначен генерал от инфантерии Мюллер. До всех солдат и офицеров довели приказ Гитлера, гласящий, что «каждый дезертир является предателем родины, он будет расстрелян, а семья его подвергнется разорению и репрессиям; всякий, кто, не имея ранения, попадает в плен к русским, приговаривается к смертной казни, а семья его идет на каторгу или в концентрационный лагерь». Генерал Мюллер издал в свою очередь дополнительные строжайшие приказы. Немцы всеми способами пополняли действующие дивизии. Выпущены были листовки-воззвания, где гитлеровское командование уверяло свои войска, что «планы большевиков сорваны», что «в германском тылу созданы мощные военные силы» и пр. В результате всех мер сопротивление противника возросло. Мы это почувствовали в ближайшие дни, выйдя к городу Вормдитт и внешнему оборонительному обводу Хейльсбергского укрепленного района.

Оценивая обстановку, мы подсчитали, что в пехоте у нас с противником силы равные, по количеству артиллерийских и минометных стволов мы его значительно превосходим, а по танкам и самоходкам — резко уступаем. Но наше неоспоримое превосходство заключалось в том, что у нас войска были в прекрасном моральном состоянии, а у немцев настроение было катастрофически «отступательное».

Мы решили из наступавших в линию корпусов вывести 41-й во второй эшелон, чтобы было чем развивать прорыв двух других корпусов; не наступать каждый день, лучше изготавливаться и поднакапливать боеприпасы; прорыв осуществлять на узком фронте.

Через три дня, на рассвете 5 февраля, по ложине, заросшей кустарником, наши цепи подошли к обороне противника и после десятиминутного артиллерийского налета внезапно атаковали ее правым флангом. От силы и внезапности удара немцы растерялись, и наши войска, пользуясь этим, преодолели противотанковый ров и заграждения. Основные силы устремились к лесу, а остальные с орудиями сопровождения бло-

кировали и уничтожали доты на переднем крае. Вслед за наступающими цепями с помощью саперов преодолели ров и мины те немногие танки и самоходки, которые были у нас, у леса они присоединились к основным силам пехоты. Вскоре в сосновом бору, который раскинулся на площади в шестьдесят километров, разгорелся ожесточенный бой. С наблюдательной вышки было видно, как наши войска втянулись в лес. Прошел час непрерывного боя; что делается в лесу, мы не знали: из донесений мы узнавали только о ликвидированных дотах на переднем крае. Когда с ними было покончено, второй эшелон устремился к лесу и тоже скрылся в нем. Лишь к утру мы овладели всем лесом и вышли к реке Древенц, где встретились с новым оборонительным рубежом.

Ставка на высокое моральное состояние наших войск полностью себя оправдала. Мелкие подразделения и отдельные группы, проявляя инициативу и отвагу, творили просто непостижимое.

Сильная контратака вынудила полк подполковника Хомуло залечь в лесу, но он остановил огнем продвижение противника, вынудив его тоже залечь в пятидесяти-ста метрах. Хомуло поставил задачу старшему лейтенанту Маякину — обойти фланг противника и ударить по нему с тыла. Взяв с собой всего двенадцать человек, Маякин пробрался в тыл, открыл из автоматов огонь и с криком «Ура!» бросился в атаку. Командир полка, услышав выстрелы и крики, поднял в атаку и свою цепь. В результате противник оставил в лесу шестьдесят девять убитых и отошел за реку. На подходе к ней продвижению полка Хомуло мешал фланговый огонь; тот же старший лейтенант Маякин вызвался выйти в тыл и этой группе противника и, совершив менее чем за сутки вторую удачную вылазку, обеспечил успех. Он сохранил этим жизнь многим советским воинам. Из своего отряда он не потерял убитым ни одного — всего три солдата были ранены, да и то легко. Старшему лейтенанту Маякину было присвоено звание Героя, все его подчиненные получили ордена и медали.

На второй день части дерзкого генерала Телкова и расчетливого полковника Абилова первыми форсировали реку Древенц и вклинились в следующий рубеж обороны. За эти два дня нами было отбито более тридцати контратак.

Противник использовал густую сеть хороших дорог и быстро перебрасывал свои резервы туда, где наметился наш успех. 7 февраля мы только отражали удары и нигде не продвинулись. Не имея достаточно снарядов и мин, я был вынужден дать указание командирам соединений: заняв выгодные позиции, отбивать атаки стрелковым оружием, а артиллерию и минометы использовать только навверняка, на близких расстояниях.

Немцы атаковали непрерывно два дня, неся значительные потери, но нигде не могли нас сбить; мы несли потери меньшие и не отступили

нигде. На третий день настала некоторая пауза, которой мы воспользовались, чтобы подвести боеприпасы, «подчистить» еще раз тылы и пополнить за их счет малочисленные роты.

В это время 2-й Белорусский фронт наступал уже строго на запад, и наша армия, как правофланговая, была передана 3-му Белорусскому фронту, которым командовал генерал армии И. Д. Черняховский. От соседа слева нам были переданы части 152-го укрепленного района, оборонявшиеся на широком фронте. Полоса армии увеличивалась по прямой на треть, а с учетом изгибов фронта — вдвое.

Обстановка была сложной: до моря оставалось пятьдесят километров. Окруженный с трех сторон и прижатый к заливу, противник яростно сопротивлялся. Чтобы не допустить его отхода по льду к Данцигу и не драться с ним потом снова где-то в Германии, нужно было непрерывно его бить и теснить. Но ни одна наша дивизия не имела больше четырех тысяч бойцов, многие меньше, то есть в дивизии по десять-двенадцать стрелковых рот с тридцатью активными штыками; боеприпасов успевали подвезти не более 0,10—0,15 боекомплекта в сутки. Командиры частей и даже соединений не все и не всегда правильно понимали требование активных действий. Многие считали, что с таким количеством людей и боеприпасов не только наступать, но и обороняться трудно. Учитывая обстановку, я был вынужден дать специальные указания и разъяснения (копии были посланы в штаб 3-го Белорусского фронта).

Направление нашего главного удара было на северо-запад, ибо мы стремились окружить город Вормдитт и захватить его неразрушенным, отрезать противнику отход на север, на Мельзак. Вспомогательный удар наносили с юго-запада на северо-восток. Курсантам двух учебных батальонов (курсы сержантов) дали красные нарукавные повязки и приказали им, войдя в город, обеспечить порядок.

Четырнадцатого февраля в двенадцать часов после короткой артподготовки наша ударная группировка пошла в наступление. Ровно через сутки узел железных и шоссейных дорог Вормдитт был полностью очищен от противника, и в нем благодаря обходному маневру не было разрушено ни одного дома.

На следующий день после того, как наша армия вошла в подчинение 3-му Белорусскому фронту, к нам в Фраймарк прибыл генерал армии Черняховский. Его я видел впервые. Он был очень молодым, энергичным и уверенным. Сразу, как только познакомились, он выразил большое удовлетворение нашими практическими указаниями командирам соединений. Помню его слова: «Это хорошо, очень правильно». Вторично он выразил удовлетворение, выслушав мою оценку обстановки и доклад о наших намерениях.

У нас было два варианта овладения городом Мельзаком: первый — это обход с востока и северо-востока и второй — предложенный генералом Никитиным — ночной бой (мы уже брали так три города). За первый вариант было то, что мы имели бы еще один неразрушенный город; но обстановка здесь была иной, чем перед Вормдиттом: наш левый фланг не только не охватывал город с юго-запада, но и сильно отставал от правого фланга, а перед правым были две реки.

Оба варианта были доложены Черняховскому.

— Какой вариант вам больше нравится? — спросил меня командующий.

— Я думаю использовать тот и другой, но раздельно, — ответил я. — Днем шестнадцатого наступать с решительной целью правофланговым 41-м корпусом. Его наступление обеспечить мощной артподдержкой, чтобы привлечь к правому флангу все резервы противника. А в полночь на семнадцатое атаковать город 35-м корпусом.

— Считаю это правильным, — услышал я в ответ.

Противник, выбитый из Мельзака, отошел на запасные позиции в трех километрах севернее и западнее.

Утром 18 февраля генерал армии Черняховский вызвал меня к телефону, поздравил с успехом, ознакомился с обстановкой и спросил, не отстают ли командиры дивизий и корпусов от боевых порядков и где находится штаб армии. Ответив на его вопросы, я добавил:

— Только что вернулся от Урбановича, он находится от противника

ДОКУМЕНТЫ ТЕХ ДНЕЙ

П Р И К А З ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАН- ДУЮЩЕГО

командующему войсками
3-го Белорусского фронта
генералу армии ЧЕРНЯХОВСКОМУ,
начальнику штаба фронта
генерал-полковнику ПОКРОВСКОМУ

Войска 3-го БЕЛОРУССКОГО фронта сегодня, 22 января, штурмом овладели в Восточной Пруссии городом ИНСТЕРБУРГ — важным узлом коммуникаций и мощным укрепленным районом обороны немцев на путях к КЕНИГСБЕРГУ.

В боях за овладение городом ИНСТЕРБУРГ отличились войска ге-

нерал-полковника ГАЛИЦКОГО, генерал-полковника КРЫЛОВА, генерал-лейтенанта СЕМЕНОВА, генерал-майора ПРИХИДЬКО, генерал-лейтенанта ЗАВОНОВСКОГО, генерал-лейтенанта КОШЕВОГО, генерал-майора ГУРЬЕВА, генерал-майора КАЗАРЦЕВА, генерал-майора ИВАНОВА, генерал-майора АЛЕКСАНДРОВА, генерал-майора БАТИЦКОГО, генерал-майора ЧЕРНОВА, генерал-майора КАРИЖСКОГО, генерал-майора ПРОНИНА, генерал-майора БУРМАКОВА, генерал-майора КАЗАРЯНА, генерал-майора ЛАСКИНА, генерал-майора КАЛИНИНА, генерал-майора МАКСУТОВА, полковника КАТЮШИНА, генерал-майора ДОНЕЦ, генерал-майора КУЗНЕЦОВА, генерал-майора ВЛАДЫЧАН-

з полутора километрах. Немцы ведут систематический артобстрел, я от Урбановича с трудом выбрался. Остальные в таком же положении.

— Часа через два буду у вас, — сказал Черняховский.

Учитывая, что он поедет с востока по шоссе, я предупредил его, что шоссе здесь просматривается противником, обстреливается артогнем, но Черняховский не стал слушать и положил трубку.

Имея в своем распоряжении два часа, я решил съездить к командиру 35-го корпуса Никитину — его наблюдательный пункт находился в одном километре севернее города и на таком же расстоянии от противника. Подходы к наблюдательному пункту просматривались и обстреливались, поэтому я был вынужден оставить свою машину на северной окраине города и пойти пешком.

Командиры 290-й дивизии и 35-го корпуса находились вместе. Моему появлению они нисколько не удивились: такие посещения были делом обычным. Доложили обстановку и свои намерения. После этого я отправился тем же путем обратно.

Добравшись до машины, я проехал на ней город и, чтобы не опоздать, поспешил к развилке шоссе в семистах метрах восточнее. Не доехав ста пятидесяти метров, я услышал выстрел и увидел подъезжавший «виллис». Как только «виллис» командующего подъехал к развилке, раздался единственный разрыв снаряда. Но он был роковым.

Еще не рассеялись дым и пыль, как я уже был около остановившейся машины. В ней сидело пять человек: командующий, его адъютант, шофер и два солдата. Генерал сидел рядом с шофером, он склонился к стеклу и несколько раз повторил: «Ранен смертельно, умираю».

СКОГО, полковника РЫБАЛКО; артиллеристы генерал-полковника артиллерии БАРСУКОВА, генерал-лейтенанта артиллерии СЕМЕНОВА, генерал-майора артиллерии ФЕДОРОВА, генерал-майора артиллерии ЯКОВЛЕВА, генерал-майора артиллерии ПОПОВА, полковника ПАВЛОВА, полковника ТОРОПОВА, полковника АВРААМОВА, полковника КУЗНЕЦОВА, полковника СОКОЛОВА, полковника ПОПОВА, полковника ЖЕВНОВА, полковника СТАРЫНИНА, полковника СКВОРЦОВА, полковника ДОЛГОВА, полковника АКСЕНОВА, полковника БОГДАНОВА, полковника КРИВОШАПОВА; танкисты генерал-полковника танковых войск РОДИНА, полковника ПРОКОПЕЦ, полковника СЕМЕНЮКА, генерал-лейтенанта тан-

ковых войск БУРДЕЙНОГО, генерал-лейтенанта танковых войск БУТКОВА, подполковника ЖОГ, подполковника ДРОБЫША, подполковника ХАЧЕВА, подполковника ЗАХАРОВА, подполковника ПРОХОРОВА, подполковника СЕРДЕЧЕНКО, подполковника ТЮТЮНИКА; летчики генерал-полковника авиации ХРЮКИНА, генерал-майора авиации БЕЛОВА, полковника ЧУЧЕВА, генерал-майора авиации НЕЧИПОРЕНКО, генерал-майора авиации МОЛОКОВА, полковника ПРУТКОВА, полковника ЗИМИНА, генерал-майора авиации ЗАХАРОВА, полковника ХАТМИНСКОГО, полковника ЕГОРОВА, полковника ШИНКАРЕНКО, подполковника ЗАКЛЕПА, полковника АНДРЕЕВА, генерал-майора авиации ШЕВЧЕНКО,

Я знал, что в трех километрах находится штаб 41-го корпуса и там же медсанбат. Через пять минут генерала осматривали врачи. Он был еще жив и, когда приходил в себя, повторял: «Умираю, умираю». Рана осколком в грудь была смертельной. Вскоре он скончался. Никто из сопровождавших его не был ранен, не была повреждена и машина.

Из штаба 41-го корпуса я донес о случившейся беде в штаб фронта и в Москву. В тот же день к нам прибыл член Военного совета фронта, а на другой день приехали представители следственных органов. Потом тело Черняховского увезли в штаб фронта.

О гибели командующего были извещены войска армии с призывом беспощадно отомстить врагу за нашу большую утрату.

После гибели генерала Черняховского командование войсками 3-го Белорусского фронта было возложено на начальника Генерального штаба Маршала Советского Союза А. М. Василевского. В Москве Василевский бывал только тогда, когда готовились большие операции, а остальное время находился в войсках, помогая командующим и контролируя их.

Александра Михайловича Василевского я видел в Сталинграде осенью 1942 года. Он произвел на меня впечатление выдающегося по способностям генерала и в то же время человека исключительно скромного и обаятельного.

Сразу же после назначения Василевский побывал в нашей армии, поздоровался со всеми присутствующими на КП и, обращаясь к ним, сказал:

— А вашего командующего я встречал еще в Сталинграде, он шел темной ночью вне города, и я подвез его на своей машине.

генерал-майора авиации АНДРЕЕВА, полковника КУРБАТОВА; саперы генерал-лейтенанта инженерных войск БАРАНОВА, генерал-майора инженерных войск ЗВЕРЕВА, полковника ЛЕЙМАНА, полковника ЛУКАШЕНКО, подполковника ПОПЛАВСКОГО; связисты генерал-лейтенанта войск связи БУРОВА, полковника ДАВЫДЕНКО, полковника ПРИХОДАЙ.

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за овладение городом ИНСТЕРБУРГ, представить к присвоению наименования «ИНСТЕРБУРГСКИХ» и к награждению орденами.

Сегодня, 22 января, в 19 часов столица нашей Родины МОСКВА от

имени Родины салюрует доблестным войскам 3-го Белорусского фронта, овладевшим городом ИНСТЕРБУРГ, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия ОБЪЯВЛЯЮ БЛАГОДАРНОСТЬ руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за овладение ИНСТЕРБУРГ.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

22 января 1945 года. № 240.

Когда в комнате остались я, член Военного совета Коннов и начальник штаба Ивашечкин, Василевский предложил мне доложить обстановку, состав и численность армии, обеспеченность питанием, боеприпасами и коротко охарактеризовать командиров корпусов.

Наступление наше было медленным: упорство противника возрастало по мере того, как у него оставалось все меньше надежд на победу или хотя бы на такой мир, который позволил бы сохранить фашистскую власть. Военнослужащие, которые сознавали себя лишь невольными участниками войны, дезертировали, но на фронте было много таких, которые чувствовали себя ее виновниками и боялись расплаты за свои преступления. Фронт все сокращался, противник уплотнял оборону. Нам мешала и погода: она была все время нелетная, и мы, без авиационного наблюдения, очень мало знали о противнике; местность была плоская, покрытая перелесками, селами и хуторами. Чтобы хоть что-то видеть в глубине обороны противника, мы при каждом трехкилометровом продвижении строили вышки в уровень с высокими деревьями; однако и с них было видно немного, мешали туманы.

Из лесов к нам выходили поодиночке и группами советские женщины, угнанные на работы в Германию из Ленинградской, Псковской, Новгородской, Смоленской областей, из Белоруссии и с Украины. Я не могу описать, как они рады были возможности попасть к себе домой, а ведь им предстояло возвратиться в местности, дочиста ограбленные и сожженные немцами.

Хорошо запомнив уроки бережливости, полученные от командира полка в 1914 году, я издал приказ о сборе и сохранении брошенного бежавшими немцами скота и имущества. (Позднее был получен такой же приказ и из штаба фронта). К 1 марта нами было уже собрано 29 240 голов крупного рогатого скота (недоенных коров, мычавших от боли, доили солдаты), 890 свиней, 6 тысяч овец, 3100 тонн зерна.

После некоторой передышки и перегруппировки войск мы сосредоточили на пятикилометровом фронте пехоту с двойным превосходством над противником, артиллерию и минометы с превосходством в пять раз (танков и самоходок у нас было всего восемнадцать) и перешли 14 марта в наступление. За три дня удалось продвинуться на пять километров, овладев двумя оборонительными рубежами противника. При этом наша армия вклинивалась узким острием, подвергаясь обстрелу не только с фронта, но и с флангов.

Восемнадцатого-девятнадцатого марта была, к счастью, летная погода. Авиация помогла нам овладеть автострадой, которая, находясь в тылу противника, служила прекрасным рокадным путем для маневрирования его резервов. В два летных дня авиация не только помогла наземным войскам продвинуться, но и дала ценные сведения о группировке противника в глубине обороны. В эти два дня наши войска продвинулись еще на пять километров, что в то время было большим ус-

пехом. От залива мы находились уже всего в пяти-семи километрах. Последний рубеж противника проходил у города Хейлигенбейль и идущей от него к городу Браунсбергу железной дороге, сплошь заставленной вагонами. Этот рубеж был взят ночной атакой 25 марта. В тот же день корпус генерала Урбановича вышел к заливу Фришес-Хафф. К рассвету вся наша армия была на его берегу.

Утро 26 марта было солнечным и тихим. Тишину нарушали отдельные выстрелы из орудий — это снайперы-артиллеристы вели огонь по удаляющимся баржам и плотам; из пулеметов расстреливали более мелкие цели — пытающихся уйти от плена, пользуясь «подручными средствами». Наша авиация стройным рядком укладывала свои бомбы на узкой косе, видневшейся вдалеке.

А что делалось на берегу залива! Площадь в несколько километров вся была завалена машинами, повозками, груженными военным имуществом, продовольствием и предметами гражданского обихода. Между машин и повозок лежали трупы немецких солдат. Лошади, привязанные к коновязи по триста-двести голов, часто так и оставались привязанными после того, как уже были убиты.

Рано утром я видел на берегу укрытия из ящиков с консервами и из мешков кофе, которые были уложены на бруствере траншей. В ряде мест эта картина напоминала то, что мы видели в расположении немцев при освобождении Сталинграда. А иногда и превосходило виденное своей странностью — странностью войны. Ведь почти вся Германия в это время голодала, а здесь было полно запасов.

Я позвонил маршалу Василевскому, пригласил его приехать и сказал:

— Чтобы поверить, нужно видеть своими глазами.

Часа через три Александр Михайлович прибыл к нам, поздравил войска с окончательной победой на этом фронте, а потом добавил:

— Это надо увековечить для потомков.

Политотдел заснял картину разгрома гитлеровцев на киноплёнку, переданную затем в Музей Советской Армии. Уезжая к Кенигсбергу, Василевский сказал:

— Теперь отдыхайте. Отдых вы честно заслужили.

А из толпы солдат ему кричали: «На Берлин, на Берлин!»

С 27 марта армия впервые за все время войны не имела ни соприкосновения с противником, ни боевой задачи. Мы находились в резерве. Без усталости работали трофейные команды, разгружая, сортируя взятое с обозов и складов. Им охотно помогали стрелки, артиллеристы, саперы, связисты.

В штабах подсчитывались итоги последних двух дней и операции в целом. Итог получался отличный: 23 000 пленных, богатые трофеи. Отдыхать не удалось. Через 6 дней армия шагала к реке Одер, чтобы участвовать в Берлинской операции.

НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ

Соединениям и частям Советской Армии, сражавшимся в Восточной Пруссии, активно содействовали военные моряки и летчики Краснознаменного Балтийского флота. Наши катерники и подводники смело и решительно действовали на морских коммуникациях, наносили дерзкие удары по вражеским конвоям. Авиация Балтийского флота штурмовала вражеские укрепления, громила опорные пункты гитлеровцев.

Базируясь на аэродромах освобожденной территории Литовской ССР, наши минно-торпедная и штурмовая дивизии в больших масштабах применяли эффективные групповые удары. 19 марта группы штурмовиков, ведомые командирами полков Фолькиным и Героем Советского Союза Благодаровым, в составе сотни ИЛ-2, 60 истребителей и полка пикировщиков, который вел Герой Советского Союза К. С. Усенко, нанесли мощный удар по транспортам в районе Пиллау. В результате было уничтожено 3 транспорта. Два транспорта и несколько быстроходных десантных барж получили серьезные повреждения.

Всего за один день боев летчики-балтийцы потопили пять транспортов и сторожевой корабль. В боях по разгрому конвоя противника особенно отличились майоры Меркулов, Волчанский, капитан Тургенев и младший лейтенант Масальцев. Успех ударных групп штурмовиков и торпедоносцев надежно обеспечивали испытанные советские истребители полков А. А. Мироненко, П. И. Павлова, А. Д. Джапаридзе и других частей.

Это был в известной мере типичный летный день весны сорок пятого.

Мне хочется привести еще два примера боевой работы авиаторов флота. Вечером 22 марта к нам в домик в Паланге, где находился и Главнокомандующий ВМФ адмирал флота Н. Г. Кузнецов, прибыл генерал М. И. Самохин с докладом о результатах боевой работы.

Воздушная разведка обнаружила в районе маяка Стило конвой противника в составе восьми транспортов и нескольких кораблей охранения. В этот район было послано две группы торпедоносцев и штурмовиков. Несмотря на сложную метеобстановку, первая группа, ведомая капитаном Макарихиным, обнаружила и атаковала конвой. Сброшен-

ными с самолетов бомбами было повреждено два транспорта. Торпедоносцы атаковали еще один транспорт. Одна из торпед точно угодила в цель. Транспорт переломился и затонул.

Наши летчики действовали решительно и смело, несмотря на плотный заградительный огонь зенитной артиллерии противника и противодействие истребительной авиации. В воздухе разгорелся жаркий бой, во время которого капитан Сушкин сбил ФВ-190.

Через несколько минут к месту боя подошла следующая группа торпедоносцев. Ее вел старший лейтенант Шишков. Балтийские летчики зашли на конвой с разных направлений и тем самым лишили противника возможности создать плотный защитный огонь.

И вот атака. Метко ложится в цель торпеда, выпущенная летчиком Шишковым. Транспорт загорелся и пошел ко дну. Младший лейтенант Панов потопил второй транспорт, а Башаев — третий. Младший лейтенант Васин уничтожил охранный корабль, второй сторожевик был потоплен лейтенантом Кулиничем.

Через пару часов группа торпедоносцев снова нанесла удар по конвою и потопила еще один транспорт.

Выслушав доклад, адмирал флота Н. Г. Кузнецов отметил успешную боевую деятельность балтийских летчиков. В то же время Главком потребовал проявить больше инициативы, создать на море такую обстановку, чтобы ни один транспорт противника не имел возможности придти к месту назначения.

Это указание было принято к исполнению. Спустя несколько дней генерал Самохин снова прибыл с докладом и привез целую пачку аэрофотоснимков, подтверждавших меткие удары нашей авиации с воздуха.

Наша авиация несколько изменила свою тактику. Теперь вместе с торпедоносцами вылетали группы штурмовиков для подавления корабельной зенитной артиллерии и группы истребительной авиации. В их задачу входило прикрытие с воздуха и обеспечение выхода в атаку торпедоносцев и штурмовиков.

Такая тактика принесла более ощутимые результаты. Вот как проходил один из боев. На рассвете в 40 милях от Лиенаи самолеты-разведчики обнаружили вражеский конвой, который не успел под прикрытием ночи войти в гавань. Шли танкер и транспорт в охранении семи кораблей.

Сложность этого боя заключалась в том, что оставалось очень мало времени для нанесения удара по вражеским кораблям. Они находились почти у цели своего назначения. Следовало учесть, что при подходе к базе для прикрытия конвоя использовалось большое число истребителей.

Надо было действовать быстро и решительно. Самолеты один за другим поднимались в воздух. Их прикрывала истребительная авиация. Основные ударные группы штурмовиков под командой Красовского и

Завьялова обрушили мощь своего огня на зенитные средства гитлеровцев. С подошедшими вражескими истребителями завязала бой наша истребительная авиация. Расправившись с кораблями охранения, самолеты обрушили бомбовый удар и пушечно-пулеметный огонь на танкер и транспорт. Противник особенно оберегал танкер. Как позже выяснилось, на нем было до 5000 тонн горючего.

Как только завязался воздушный бой, генерал Самохин принял решение ввести в действие минно-торпедный полк. Двадцать два бомбардировщика и торпедоносца вылетели для удара. Торпедоносцы под командой летчика Башаева и бомбардировщики, ведомые летчиками Мартыновым и Бровченко, потопили два тральщика. Группа торпедоносцев Богачева уничтожила танкер «Засниц», горючее которого предназначалось для войск Курляндского плацдарма. На разгром конвоя нашей авиации потребовалось всего полтора часа. Наши потери были незначительными — шесть ИЛ-2 получили небольшие повреждения.

Морская авиация балтийцев наносила удары не только по кораблям в море. Мощным налетам подвергались и стоянки вражеского флота в базах. В то время, когда советские войска громили гитлеровцев в Восточной Пруссии и Померании, под ударами авиации Балтийского флота оказались почти все базы вплоть до Свинемюнде. В марте и апреле мощным бомбардировкам авиации флота подверглась основная база противника — Пиллау, через которую осуществлялось снабжение и эвакуация войск кенигсбергской и земландской группировок.

Не менее ожесточенные бои вели и балтийские военные моряки. Особенно активно действовали на вражеских коммуникациях торпедные катера.

Шесть катеров из соединения капитана 1 ранга Г. Г. Олейника, разделившись на две группы, вели ночной поиск. Вскоре после полуночи одна из групп встретилась со значительно превосходящей по численности и вооружению группой катеров противника. Завязался бой. Дралась ожесточенно. Взорвался и затонул наш катер номер 166.

Спустя три часа вступила в бой вторая группа наших торпедных катеров. Снова был потерян один катер. Правда, противник тоже не досчитался двух катеров, но нас такое соотношение потерь не устраивало. И командование сделало вывод: действовать без хитрости и маскировки, надеяться только на отвагу — значит подставлять свои бока противнику. Следовало менять тактику. Я выехал в Клайпеду, чтобы найти участников этих боев, разобраться в обстановке.

Ежедневные и непрерывные удары нашей авиации, подводных лодок и торпедных катеров заставили противника сосредоточить все свои силы для защиты жизненно важных морских сообщений. Обладая к тому времени еще значительными силами, гитлеровское командование развивало и совершенствовало оборону морских конвоев и отдельных транспортов. Нашим самолетам особенно на подходах к базам постоянно

приходилось встречаться с вражеской истребительной авиацией, плотным зенитным огнем и специально созданными группами кораблей охранения конвоев. В состав эскорта включались миноносцы, сторожевые корабли, тральщики, специальные корабли, суда-ловушки и т. д.

В марте и в апреле для охраны транспортов и поиска наших подводных лодок противник использовал значительное количество своих подводных лодок, число которых достигало 14—16 единиц.

В отдельных случаях вражеским поисковым группам удавалось вытеснить наши подводные лодки с занимаемых ими позиций. Активность противника, в свою очередь, требовала от командиров подводных лодок непрерывного совершенствования тактики поиска, умелого маневрирования при выходе в атаки на фашистские надводные корабли. Однако никакие меры гитлеровцев по защите коммуникаций уже не могли достигнуть цели. Гитлеровский флот доживал последние дни. Его транспорты и боевые корабли металась по морю, попадая под меткие удары советской авиации, подводных лодок и торпедных катеров. Их настигали не только на коммуникациях, но и в базах.

Одновременно с наступательными боевыми действиями балтийцы очищали от мин подходы к Клайпедо и к Пиллау. Для этой цели пришло два дивизиона катерных тральщиков. Несмотря на довольно свежую погоду, они незамедлительно приступили к своей напряженной и довольно опасной работе. И уже первые дни дали результаты. На участке Клайпеда — Шварцерорт было затралео одиннадцать мин.

А по побережью довольно быстро продвигались железнодорожные артиллерийские батареи. Они держали путь в направлении Кенигсберга. Готовился штурм твердыни фашизма в Восточной Пруссии.

В плане командования фронтом в штурме отводилась не последняя

ДОКУМЕНТЫ ТЕХ ДНЕЙ

П Р И К А З ВЕРХОВНОГО ГЛАВКОМАН- ДУЮЩЕГО

командующему войсками
3-го Белорусского фронта
генералу армии **ЧЕРНЯХОВСКОМУ**,
начальнику штаба фронта
генерал-полковнику **ПОКРОВСКОМУ**

Войска 3-го БЕЛОРУССКОГО фронта сегодня, 26 января, с боем овладели городами ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ — ТАПИАУ, АЛЛЕНБУРГ, НОРДЕНБУРГ и ЛЕТЦЕН — мощными опорными пунктами долговре-

менной оборонительной полосы немцев, прикрывающей центральные районы ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ.

В боях при овладении названными городами отличились войска генерал-лейтенанта ЛЮДНИКОВА, генерал-лейтенанта ШАФРАНОВА, генерал-майора СИМИНОВСКОГО, генерал-майора ЩЕДРИНА, генерал-майора ВЕЙКИНА, генерал-майора ОЛЕШЕВА, генерал-лейтенанта БЕЗУГЛОГО, генерал-майора КЛЕШНИНА, генерал-лейтенанта ЗАВОНОВСКОГО, генерал-лейтенанта КОШЕВОВОГО, генерал-майора ПЕРЕКРЕСТОВА, генерал-майора АРУШАНЯНА,

роль флотской авиации и артиллерии. Наша авиация сосредоточивалась на аэродромах, близко расположенных от места предстоящих боев за крепость. Уточнялись объекты, время нанесения ударов.

За десять дней до штурма Кенигсберга на оборудованные саперными войсками позиции прибыли дивизионы и отдельные батареи гвардейской железнодорожной артиллерии. Они заняли огневые позиции в районе станций Гутенфельд и Левенхаген. Хорошо замаскировали выдавшие виды мощные транспортеры, укрыли вагоны с боеприпасами. Наблюдательные посты моряки-артиллеристы вынесли к переднему краю. Связались с общевойсковыми артиллеристами и стали готовиться к штурму.

В условиях стремительного продвижения советских войск по побережью моря применение железнодорожной артиллерии на приморском направлении имело важное значение. Возможность маневренного сосредоточения позволяла ей надежно прикрывать побережье от воздействия вражеских артиллерийских кораблей. Вместе с сухопутными войсками морские артиллеристы отражали яростные контратаки гитлеровцев, наносили удары по вражеским базам, выполняли ряд других боевых функций.

Командование фронтом с большим вниманием относилось к нуждам морских артиллеристов-железнодорожников. Была выделена специальная восстановительная бригада, в задачу которой входило обеспечение и строительство позиций, перешивка железнодорожной колеи для движения транспортеров вслед за боевыми порядками наступающих войск.

В это же время следовали по железной дороге в Восточную Пруссию эшелоны с бронекатерами. Катерниками командовал опытный и закаленный в боях капитан 2 ранга И. Ф. Крохин. За десять дней до

генерал-майора КУШНАРЕНКО, полковника ЗАРЕЦКОГО, генерал-майора ПАПЧЕНКО, полковника РУТЬКО, полковника ЛЕВИНА, полковника СОБОЛЕВА, генерал-майора ПЕТЕРС, генерал-майора ПРОНИНА, полковника ЦУКАРЕВА, генерал-майора ДОНЕЦ, генерал-майора САМОХВАЛОВА, полковника ПОЛЕЩУК; артиллеристы генерал-лейтенанта артиллерии ДЕРЕШ, полковника ЧЕРКАСОВА, полковника МАРГУЛИС, подполковника ИВАНОВА, подполковника КОВАЛЬЧУК, майора ТРОФИМОВА; танкисты генерал-лейтенанта танковых войск БУТКОВА, генерал-

лейтенанта танковых войск БУРДЕЙНОГО, полковника ЦИНЧЕНКО, полковника ТИМЧЕНКО, подполковника ШМАКОВА, подполковника КУПИНА; летчики генерал-майора авиации ЗАХАРОВА, генерал-майора авиации МОЛОКОВА, полковника ШИНКАРЕНКО, полковника АНДРЕЕВА, подполковника ЗАКЛЕПА; саперы генерал-майора инженерных войск ГНЕДОВСКОГО, полковника ПАРХОМЧУКА, полковника ЗАЙЦЕВА, полковника ВОРОНЦОВА, полковника ШИЛО; связисты генерал-майора войск связи СОРОКИНА, полковника БЕЛЫШЕВА, подполковника МАР-

штурма Кенигсберга катера расположились в намеченном районе, их подготовили для спуска в реку Прегель.

У катерников и их командира И. Ф. Крохина за плечами был богатый боевой опыт. Бронекатера принимали деятельное участие в боевых действиях на Карельском фронте. На Чудском озере обеспечивали переправу второй ударной армии генерала Федюнинского. Поддерживали наступление фланга этой армии в Таллинской операции. Им предстояло принять участие и в завершающих боях на Земландском полуострове.

К началу штурма Кенигсберга в гавань Кранц перешли торпедные катера, которые ранее вели поиск кораблей противника на подходах к Пиллау.

К концу марта, после того, как советские войска овладели городами Гдыня, Данциг, Лебе, Штольпе, Рюгенвальде и Цоппот, группировки гитлеровцев оказались прижатыми к морю на Земландском и Курляндском полуостровах и в районе Свиномюнде. Немецко-фашистское командование для огневой поддержки своих войск решило использовать все боевые корабли. В этих целях было создано несколько боевых групп, в числе которых находились учебные линейные корабли «Шлезвиг Гольштейн», «Шлезииен», тяжелые крейсера «Лютцов», «Адмирал Шеер», «Принц Ойген», легкий крейсер «Лейпциг» и несколько эскадренных миноносцев. Надо сказать, что эти корабли оказывали противодействие нашим войскам, наступавшим по побережью.

Морские летчики наносили удары по боевым кораблям и транспортам противника и в самой Данцигской бухте. Флотская авиация производила ежедневно по 450—500 боевых вылетов. По полученным данным, 8 апреля был серьезно поврежден вражеский крейсер «Принц Ойген».

Адмирал флота Н. Г. Кузнецов поставил задачу наносить по гитлеровским кораблям совместные удары авиацией и торпедными катерами,

КОВА, подполковника ГОРДИЕНКО.

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за овладение городами — ТАПИАУ, АЛЛЕНБУРГ, НОРДЕНБУРГ и ЛЕТЦЕН, представить к награждению орденами.

Сегодня, 26 января, в 20 часов столица нашей Родины МОСКВА от имени Родины салютует доблестным войскам 3-го Белорусского фронта, овладевшим поименованными городами, двадцатью артиллерийскими

залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия ОБЪЯВЛЯЮ БЛАГОДАРНОСТЬ руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за овладение названными городами Восточной Пруссии.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

26 января 1945 года. № 255.

заставить противника уйти из Данцигской бухты. Такая тактика возымела действие. Несмотря на сильное сопротивление, к 8 апреля фашистские крейсера ушли в Свинемюнде. А 16 апреля Данцигскую бухту вынуждены были оставить и последние шесть миноносцев.

Совместными массированными ударами авиации, торпедных катеров и подводных лодок флоту противника был нанесен большой урон. Уничтожен линкор «Шлезвиг Гольштейн», 9 апреля от прямого попадания авиабомбы опрокинулся и затонул в Киле тяжелый крейсер «Адмирал Шеер». Перестали существовать многие другие боевые корабли. На мелководье вдоль косы Хель повсюду торчали из воды надстройки затонувших кораблей и транспортов. От Кенигсберга до Ростoka насчитывалось до 370 таких судов.

Освобождение советскими войсками побережья моря в Восточной Померании дало возможность Балтийскому флоту занять более выгодные позиции для прикрытия фланга советских войск, наступавших на главном берлинском направлении. В итоге еще больше ухудшилось положение противника в отношении защиты своих морских коммуникаций. Транспортам и конвоям, следовавшим из Лиепаи, теперь приходилось уходить сначала на запад к маяку Хоборг на южной оконечности Готланда, а затем направляться к острову Эланд (Шведское побережье). И лишь оттуда следовать в германские порты.

После тщательной подготовки советские войска начали штурм Кенигсберга. Балтийская авиация, флотские железнодорожные артиллеристы вместе с товарищами по фронту наносили удары одновременно по вражеским укреплениям, по транспортам и кораблям в Кенигсбергском канале и в порту Пиллау, лишая таким образом противника возможности производить эвакуацию морем. Каждую ночь выходили из Кранца на морские коммуникации наши торпедные катера, активно действовали подводные лодки.

Отличился в эти дни экипаж подводной лодки Щ-310 под командованием капитана 3 ранга С. Н. Богорада. Находясь на позиции, лодка получила сообщение о выходе из Лиепаи вражеского конвоя. После полуночи командир подводной лодки обнаружил конвой в составе двух транспортов и боевого охранения. Сблизившись на нужную дистанцию, Богорад атаковал наверняка. Наблюдал попадание торпед, взрыв и гибель головного транспорта. Это был третий боевой поход экипажа подводной лодки с осени прошлого года.

Так же смело и искусно действовал экипаж подводной лодки Л-21, которая находилась на позиции около 25 суток. Опытный и расчетливый командир С. С. Могилевский активно искал встречи с противником, используя гидроакустику и передаваемые с берега разведывательные данные от самолетов. Однажды ночью, находясь в подвсплытом положении, командир обнаружил вражеский конвой в составе двух транспортов и двух танкеров, шедших в охра-

нении сторожевых кораблей. Определив элементы движения, с дистанции 3—4 кабельтовых командир выпустил торпеды и потопил танкер. Спустя сутки — снова атака. И снова боевая удача. Еще один транспорт был уничтожен. И наконец был обнаружен днем еще один конвой. Выбрав цель покрупнее, командир атаковал и добился попадания в корму одного из транспортов. После этого подводная лодка подверглась длительному преследованию. Корабли и самолеты противолодочной обороны почти двое суток охотились за подводной лодкой. Сбросили свыше 200 бомб. Однако благодаря мастерству командира и всей команды подводная лодка оторвалась от преследователей и благополучно возвратилась в базу.

Балтийские летчики, подводники, катерники, артиллеристы-железнодорожники активно искали противника, наносили ему самые чувствительные потери, вместе с войсками фронта принимали участие в разгроме врага в его собственной берлоге.

К 10 апреля штурмом был взят город-крепость и важный порт — древний оплот пруссачества — Кенигсберг.

Активное участие в овладении Кенигсбергом принимала флотская авиация, катерники, железнодорожная артиллерия и другие флотские подразделения. В приказе от 9 апреля Верховный Главнокомандующий в числе войск, отличившихся при взятии Кенигсберга, отметил морских летчиков, сражавшихся под командованием генерала М. И. Самохина, полковников Д. И. Манжосова, М. А. Курочкина, подполковника Я. З. Слепенкова.

Еще 9 апреля, когда наши войска ворвались в Кенигсберг, я позвонил маршалу А. М. Василевскому, поздравил его и попросил указания восстановить нормальную колею железной дороги вдоль побережья залива Фришес-Хафф, а затем по направлению к Пиллау. Эта дорога нам была нужна для сосредоточения тяжелых батарей в районе Людвигсорт — Волиттник с тем, чтобы не дать противнику возможности использовать порт Пиллау для поддержки своих войск и для эвакуации. Маршал Василевский распорядился немедленно заняться восстановлением железной дороги и перешивкой полотна.

В то время, как советские войска неумолимо сжимали кольцо вокруг полуострова Хель, балтийские летчики в жестоких боях проявляли чудеса храбрости и героизма. Бессмертный подвиг совершили коммунист заместитель командира эскадрильи Анатолий Романов и его стрелок-радист Александр Дубенчук. Романов вел две четверки грозных машин. Как только были обнаружены вражеские корабли, он подал команду: «В атаку!» — и первым устремился на один из них.

Машина стремительно шла на цель. Заработали пушки, пулеметы, поливая огнем вражеский корабль. Но в тот момент, когда нужно было сбрасывать бомбы, самолет окутался пламенем. Идущие вслед за Романовым летчики видели, как его машина сделала боевой доворот.

Мужественный летчик направил свою машину на цель. Мгновение — и на палубе миноносца раздался взрыв. Во имя победы над врагом советские соколы Анатолий Романов и Александр Дубенчук отдали жизнь.

В рядах штурмовиков в эти дни отважно сражалась славная дочь советского народа Лидия Шулайкина, в прошлом учительница русского языка, инструктор аэроклуба. Полку, в котором служила Лидия Шулайкина, была поставлена задача: разгромить конвой в Данцигской бухте. Группа штурмовиков, возглавляемая капитаном Гончаровым, вылетела на выполнение боевого задания. Среди летчиков-штурмовиков была и Лидия Шулайкина.

И вот внизу, в серой дымке показались транспорты противника. Штурмовики ринулись в атаку. Самолеты были встречены плотным заградительным огнем. Небо покрылось черными стайками разрывов. Но советские летчики не свернули с курса. Всю мощь своего огня они обрушили на противника. Вниз полетели бомбы. Один вражеский транспорт так и не достиг пункта назначения. Лидии Шулайкиной на аэродроме устроили торжественную встречу.

Мощными стремительными ударами по боевым кораблям и транспортам балтийские авиаторы и военные моряки оказывали существенную поддержку войскам Советской Армии, ведущим напряженные бои по уничтожению окруженных группировок гитлеровцев. Только за три дня боев за Пиллау наша авиация совершила более 1000 боевых вылетов, уничтожила десять транспортов, несколько сторожевых кораблей и быстроходных десантных барж.

Хочется рассказать об одном ночном бое отряда наших торпедных катеров под командованием Героя Советского Союза А. И. Афанасьева.

Отряд поздним вечером вышел на поиск в назначенный район. Несколько часов катерники обследовали коммуникации, но противника не встретили. Вдруг разорвался осветительный снаряд, и катерники обнаружили до 15 вражеских катеров. Это был гитлеровский поисковый отряд, высланный для охраны коммуникаций. Наши катерники сразу же открыли пушечно-пулеметный огонь. На все попытки гитлеровцев окружить меньшую по численности группу наших катеров последние отвечали плотным огнем и маневром.

Советские катерники не только оборонялись. Обнаружив силуэт сторожевого корабля, лейтенант Осокин под прикрытием дымзавесы вышел из общего строя, пошел в атаку и дал торпедный залп. Мощный взрыв раскатился над морем. Вражеский корабль пошел ко дну. Но во время атаки в носовой отсек катера попал вражеский снаряд. Один матрос погиб, а четверо получили ранения. Командир принял все меры для спасения катера и привел его в базу. В этом бою наши балтийцы уничтожили еще один катер противника.

В связи с успешным наступлением войск 2-го Белорусского фронта соединение торпедных катеров под командованием Героя Советского Союза Б. П. Ущева перебазировалось в гавань Нейфарвассер (район Данцига) и получило таким образом возможность наносить неожиданные удары по якорным стоянкам фашистских кораблей и транспортов. Лишь после войны мы узнали подробности тяжелого повреждения от прямого попадания торпеды вражеского миноносца типа «Т» и потопления новейшего эскадренного миноносца.

А дело было так. К исходу 16 апреля 1945 года торпедные катера под командованием капитан-лейтенанта П. П. Ефименко покинули Нейфарвассер и направились вдоль западного побережья Данцигской бухты. Вечерняя авиаразведка сообщила: у полуострова Хель идет сосредоточение вражеских кораблей. Стояла очень темная ночь. Погода — ветер пять баллов. Около полуночи командир отряда обнаружил силуэты миноносцев и один неопознанный корабль. Катера пошли на решительное сближение с ними. Противник не обнаружил подход наших катеров. Шумы моторов относилось в сторону моря. Первым атаковал катер под командованием лейтенанта Н. А. Короткевича, который, выйдя на нужный курсовой угол и дистанцию, выпустил торпеды по миноносцу противника. Торпеды попали в цель. Раздался сильный взрыв. Через минуту торпедный катер капитан-лейтенанта В. В. Солодовникова атаковал второй миноносец. Торпеды, выпущенные им, также достигли цели. У борта миноносца раздался два сильных взрыва. Враг растерялся и, не видя атакующих наших катеров, видимо, решил, что произведен налет авиации. Небо осветилось ракетами, прожекторами, открыли огонь зенитные орудия. На какой-то миг прожектор обнаружил наши катера. Последовал беспорядочный огонь кораблей и береговых батарей, но было уже поздно. Наши катера, пользуясь преимуществом в скорости, благополучно возвратились домой с победой.

Войска маршала А. М. Василевского продолжали очищать от фашистов Земландский полуостров. В соответствии с замыслом этой операции, маршал потребовал от флота развивать активные действия по прикрытию флангов наших сухопутных войск с моря, поддерживать их наступление артиллерией, авиацией и высадкой тактических десантов, не давать противнику возможности производить эвакуацию морем войск и техники.

Большая роль в выполнении задачи отводилась подводникам, которые активно вели поиск на морских коммуникациях противника, дерзкими атаками топили боевые корабли и транспорты.

В ходе Восточнопрусской операции балтийские летчики, подводники, железнодорожные артиллеристы и катерники проявили образцы мужества и героизма, высокое боевое мастерство, дерзость и отвагу.

ОБЕСПЕЧИВАЯ УСПЕХИ БОЯ...

Готовясь к осуществлению Восточнопрусской операции, Военные советы и политотделы, партийные и комсомольские организации, командиры и политработники 3-го и 2-го Белорусских фронтов в своей практической работе руководствовались указаниями великого Ленина о том, что «во всякой войне победа в конечном счете обуславливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь». Среди личного состава армий проводилась работа по воспитанию беззаветной преданности социалистической Родине, готовности пойти на самопожертвование ради победы над врагом.

Накануне прорыва приграничной обороны и перехода наших войск в наступление на Восточную Пруссию политорганы и партийные организации систематически разъясняли внешнюю и внутреннюю политику Коммунистической партии и Советского правительства, справедливый характер Великой Отечественной войны, пропагандировали трудовые подвиги советских людей в тылу, воспитывали воинов в духе дружбы народов и пролетарского интернационализма.

Армейские комсомольские организации сплывали вокруг Коммунистической партии и Советского правительства десятки тысяч воинов, звали их на подвиги во славу Родины.

Перед наступлением в частях была развернута агитационно-массовая работа по мобилизации личного состава на успешное выполнение приказов советского командования. На совещаниях высшего командно-политического состава ставились задачи по конкретному политическому обеспечению наступления. В политотделах дивизий эти задачи рассматривались на совещаниях заместителей командиров полков по политической части, где присутствовали парторги и комсорги войсковых частей. В стрелковых полках и полках других родов войск проводились собрания партийного актива с повесткой дня: «Авангардная роль коммунистов в выполнении боевого приказа и политическая работа в наступательном бою».

На батальонных и ротных партийных собраниях выступавшие командиры подразделений, парторги и рядовые коммунисты сами брали на себя обязательства по выполнению боевых задач на прорыве пограничных долговременных укреплений. Проведены были инструктив-

ные совещания агитаторов, совещания личного состава хозяйственных подразделений и санитарных частей.

В политинформациях и беседах, в лекциях и докладах, в листовках и радиопередачах, на страницах армейских и дивизионных газет, в приказах и директивах командования особое внимание обращалось на сохранение военной тайны, повышение бдительности, рассказывалось о жестокости, зверствах и бесчеловечности фашистских захватчиков. Политработники 252-го гвардейского стрелкового полка 83-й гвардейской стрелковой дивизии подсчитали, что у 158 солдат и офицеров фашисты зверски замучили и убили близких родственников, у 56 воинов семьи были угнаны на каторгу в неметчину, у 162 однополчан — сожжены дома, и они остались без крова, у 293 было разграблено имущество*. У рядового Ипполитова из 7-й стрелковой роты 53-го гвардейского стрелкового полка фашисты угнали жену в Германию, повесили сестру. Политинформации по этим материалам, посещение лагерей смерти на территории Восточной Пруссии, беседы с советскими гражданами, освобожденными из фашистской неволи, звали советских воинов к отмщению и подвигу.

Большая политическая работа проводилась с новым пополнением. Только в состав армий 2-го Белорусского фронта перед началом Восточнопрусской операции было призвано 53 тысячи человек с очищенных от гитлеровских захватчиков территорий, 10 тысяч человек, освобожденных из плена, 39 тысяч бойцов прибыли из госпиталей и 20 тысяч — из тыловых частей и учреждений**.

В короткие сроки предстояло привить им необходимые морально-боевые качества, обучить тактике наступательного боя, умению владеть боевой техникой и оружием.

Командиры и политработники провели большую организаторскую и воспитательную работу, в результате войска были полны решимости взломать приграничные железобетонные укрепления и развить наступление к берегам Балтийского моря, Кенигсбергу.

За несколько минут до начала артиллерийской подготовки в подразделениях зачитывались и разъяснялись обращения Военных советов фронтов и армий к войскам.

«Дорогие товарищи! Боевые друзья! Верные сыны Советской Родины — красноармейцы, сержанты, офицеры, генералы!.. — говорилось в обращении Военного совета 2-го Белорусского фронта. — Настало время полностью рассчитаться со злейшим врагом нашей Родины — немецко-фашистскими захватчиками за все их зверства и злодеяния, за страдания и муки нашего народа, за кровь и слезы наших отцов и матерей, жен и детей, за уничтоженные и разграбленные врагом совет-

*История Великой Отечественной войны 1941—1945. Т. 5, стр. 104.

** Там же.

ские города и села... В этот решающий час наш великий советский народ, наша Родина, наша родная партия... призывают вас с честью выполнить свой воинский долг, воплотить всю силу своей ненависти к врагу в единое желание разгромить немецких захватчиков... Вперед на разгром врага!»

Бойцы рвались в бой. По всей линии фронта шли митинги, на которых с призывами к решительным боям выступали солдаты и командиры. На митингах могли выступить немногие, но они выражали общие мысли и чувства воинов. Сержант Катков из 1-й роты 53-го гвардейского стрелкового полка 11-й гвардейской армии на ротном митинге сказал: «Вступая в решительную схватку с врагом, мы переносим войну на территорию милитаристской Пруссии с тем, чтобы освободить от немецкого рабства советских людей, угнанных немецкими захватчиками. Мы нанесем такие удары по врагу, чтобы фашисты больше никогда не посмели ходить на Восток».

В обстановке высокого патриотического подъема с завершением могучего артиллерийского удара утром 13 января войска 3-го Белорусского фронта перешли в наступление.

Немецко-фашистские военные и политические руководители понимали, что означает вступление Советской Армии на территорию Восточной Пруссии. С выходом наших войск к ее границам руководство и пропагандистский аппарат фашистской партии приняли меры к усилению своего влияния на армию. Немецко-фашистское командование считало, что одних долговременных, глубоко эшелонированных оборонительных сооружений далеко не достаточно для того, чтобы устоять под ударами советских армий. Надо было поднять боевой дух и дисциплину, повысить боеспособность и стойкость солдатских масс. Нацистские главари произвели перестройку аппарата идеологической обработки солдат. Учреждались специальные «штабы» и «отделения» по национал-социалистскому руководству войсками. В полках и дивизиях был введен институт «офицеров по национал-социалистскому руководству». Главная канцелярия фашистской партии проводила тщательный отбор офицеров для этой работы. Штатный состав новых идеологических органов значительно превосходил прежний. С августа 1944 года военнослужащим было разрешено состоять в национал-социалистской партии Гитлера. До этого решения, согласно уставу, члены фашистской партии, прибыв на военную службу, автоматически переставали быть членами гитлеровской партии на все время пребывания в войсках.

Вступив в нацистскую партию, военнослужащий считался «равным» с самим «фюрером» и должен был показывать пример стойкости и мужества в служении «фюреру». Стремясь затянуть войну, отсрочить па-

дение Пруссии и Кенигсберга, гитлеровцы выдвинули лозунг: «Победа или всеобщая гибель». В специальном обращении к германскому народу и солдатам советско-германского фронта Геббельс указывал: «Наша задача состоит в том, чтобы не допустить поражения на Востоке. Поражение на Западе означает лишь проигранную войну, поражение на Востоке — полное уничтожение немецкого народа». Подчеркивалось исключительное значение «опасности положения, сложившегося на территории Пруссии». Нацистская пропаганда стремилась отождествить уничтожение гитлеровской клики с поражением и гибелью всего германского народа.

Запугивая население страны поголовным истреблением и «страшной большевистской Сибирью», Геббельс рассчитывал усилить стойкость тыла и сражающихся войск.

Пропагандистские органы группы армий «Центр» с особым усердием разъясняли приказ Гитлера № 7 от 26 февраля 1944 года, в котором «фюрер» предоставлял право «особой части офицеров и просто храбрым солдатам» без суда и следствия расстреливать на месте «неповинующихся» и «недисциплинированных». Смертные приговоры в нацистской армии стали постоянным и массовым явлением.

Одновременно фашистские руководители попытались поколебать наступательный дух Советской Армии. Гитлеровцы бросали в боевые порядки наших войск листовки, в которых доказывали, что они, немцы, сократили протяженность фронта и коммуникаций и этим создали «новые условия» для победы, что они воюют на своей земле и стали значительно сильнее.

Геббельс в дни боев за Пруссию и Кенигсберг расхваливал тактику активной обороны наших войск под Москвой и Сталинградом, которая

ДОКУМЕНТЫ ТЕХ ДНЕЙ

П Р И К А З ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАН- ДУЮЩЕГО

командующему войсками
3-го Белорусского фронта
Маршалу Советского Союза
ВАСИЛЕВСКОМУ,
начальнику штаба фронта
генерал-полковнику **ПОКРОВСКОМУ**

Войска 3-го БЕЛОРУССКОГО фронта, продолжая наступление, сегодня, 25 марта, овладели городом ХЕЙЛИГЕНБЕЙЛЬ — последним опорным пунктом обороны немцев

на побережье залива ФРИШЕС-ХАФФ, юго-западнее КЕНИГСБЕРГА, при этом взято в плен более 7000 немецких солдат и офицеров.

В боях за овладение городом ХЕЙЛИГЕНБЕЙЛЬ отличились войска генерал-полковника ГОРБАТОВА, генерал-лейтенанта ШАФРАНОВА, генерал-лейтенанта ЛУЧИНСКОГО, генерал-майора ЩЕДРИНА, генерал-майора РОГАЧЕВСКОГО, генерал-лейтенанта ИВАШЕЧКИНА, генерал-майора КНЯЗЬКОВА, генерал-майора КЛЕШНИНА, генерал-майора БАТИЦКОГО, генерал-лейтенанта ИВАНОВА, генерал-лейтенанта УРБАНО-

привела к изматыванию и разгрому немецких дивизий на нашей земле. Он указывал, что немцы применяют такую же тактику под Кенигсбергом и Берлином, на своей земле изматывают советские дивизии и «снова перейдут в контрнаступление на смоленско-московском направлении».

Фашистские пропагандисты убеждали, что их фюрер якобы «имеет огромные людские резервы и секретное оружие, которое он сберег для того, чтобы на немецкой земле окончательно уничтожить Красную Армию».

Одурманенные геббельсовской пропагандой и запуганные, немецкие солдаты продолжали сопротивляться со стойкостью фанатиков. В этих условиях от партийно-политического аппарата 2-го и 3-го Белорусских фронтов требовалась особенно напряженная работа.

Для успешного разгрома врага в начавшемся наступлении предстояло развенчать тезисы нацистской пропаганды о «непобедимости прусской твердыни», «несокрушимости долговременной обороны», подорвать моральный дух фашистских войск и населения.

С этой целью наши летчики разбрасывали на вражеской территории специальные листовки, в которых говорилось о бессмысленности сопротивления, об уничтожении окруженных гитлеровских группировок, крушении оборонительных сооружений на Орловском и Белорусском плацдармах, под Харьковом и на Днестре, о блестящих победах Красной Армии и ее превосходящей силе, неотвратимом разгроме германского фашизма.

ВИЧА, генерал-майора НИКИТИНА, генерал-майора БЕРЕСТОВА, генерал-майора САМОХВАЛОВА, генерал-майора МИХАЛИЦИНА, генерал-майора ХВОСТОВА, генерал-майора МАЛЮКОВА, полковника ЛЕВИНА, полковника БУЛАНОВА, полковника ДЕМИНА, полковника ХАУСТОВИЧА, полковника ШАЦКОВА, полковника РЫБАЛКО, полковника ПОПОВА, полковника ВЯЗНИКОВЦЕВА, полковника ГРЕКОВА, полковника АБИЛОВА, полковника ТЕЛКОВА; артиллеристы генерал-майора артиллерии СЕМИНА, генерал-майора артиллерии ПЕТРОПАВЛОВСКОГО, генерал-майора артил-

лерии ВЛАДИМИРОВА, генерал-майора артиллерии КАРСАНОВА, генерал-майора артиллерии КОЛОТИЛОВА, полковника ФЕДОВОТА, подполковника ДМИТРУКА, подполковника ВЫБОРОВА, подполковника МОИСЕЕНКО, подполковника ВЛАСЕНКО, майора ШИЛОВА, полковника ЮСКОВИЧА, подполковника АФНАСЬЕВА, подполковника ПОПОВА, полковника АЙРАПЕТОВА, подполковника КОРОЛЕВА, майора ЧЕБОТАРЕВА, полковника ПОПОВА, полковника СТАРЫНИНА, полковника ЗЕЛЕНОВА, подполковника БАБИЧА; танкисты полковника ЛУКАШЕВА, полковника ОПАРИНА, пол-

Агитматериалы передавались также через мощные звуковые радиостановки, выдвинутые к линии фронта. На территорию Пруссии засылались пропагандистские отряды из советских людей и военнопленных немцев-антифашистов.

Политическую работу среди немецкого населения и войск проводили члены Национального комитета «Свободная Германия», который организовался на территории Советского Союза еще в 1943 году. Комитет представлял собой антифашистскую организацию немецких политических эмигрантов-патриотов и военнопленных. Ее члены считали своей задачей прекращение преступной войны, развязанной гитлеровской кликой, свержение фашистского режима и создание свободной демократической Германии.

Комитет издавал газету «Свободная Германия», организовывал ежедневные передачи радиостанции «Свободная Германия», посылал своих представителей для пропагандистской работы среди войск и населения, готовил листовки и обращения к войскам и жителям Восточной Пруссии.

В издаваемых большими тиражами листовках, в передачах по радио армейские политорганы проводили резкое разграничение между германским народом и гитлеровской кликой. Агитматериалы раскрывали противоречия между нацистской верхушкой и германским народом, доказывали, что нет смысла умирать за Гитлера, что выход из создавшегося положения немецкий народ может найти только в организации своего демократического государства. Красная Армия имеет своей задачей уничтожить прусский милитаризм и фашизм, а не германский народ. Советский Союз не преследует цели навязать немцам свой политический строй, и вопрос о государственном устройстве будет решать сам германский народ.

ковника БЕЛИКА, полковника ЛОБАНОВА, подполковника ХУХРИНА, майора КОТЛЯРОВА, полковника КУЛИКОВА, подполковника КРАПИВА, подполковника ЗИРКА, подполковника ПРОХОРЕНКО, полковника ОСИПОВА; летчики генерал-полковника авиации ХРЮКИНА, генерал-полковника авиации ПАПИВИНА, генерал-майора авиации БЕЛОВА, генерал-лейтенанта авиации ДАГАЕВА, полковника СКОКА, генерал-майора авиации ИВАНОВА, генерал-майора авиации ШЕВЧЕНКО, полковника ХАТМИНСКОГО, подполковника ЗА-

КЛЕПА, полковника ПРУТКОВА, генерал-майора авиации МОЛОКОВА, полковника ЧУЧЕВА, генерал-майора авиации НЕЧИПОРЕНКО, генерал-майора авиации ЗАХАРОВА, полковника ЗИМИНА, подполковника САЖНЕВА, полковника ШИНКАРЕНКО, полковника АНДРЕЕВА, полковника КУЧМА, генерал-майора авиации АЛЕКСАНДРОВА, полковника ЛЕБЕДЕВА; саперы генерал-майора инженерных войск ЖИЛИНА, полковника БОГДАНОВА, полковника ВОРОНЦОВА, полковника СЕВАСТЬЯНОВА; связисты генерал-майора

В первый день наступления 2-го Белорусского фронта немецко-фашистское командование ввело свои дивизионные и корпусные резервы и замедлило темпы нашего продвижения вперед. Советские войска продвинулись всего на 3—6 км. Находившиеся в частях работники политуправления фронта и политотделов армий провели беседы с экипажами танков — непосредственной поддержки пехоты, с расчетами орудий, предназначенных для стрельбы прямой наводкой, рассказали об успехах наших войск на других участках фронта.

В ряде подразделений прошли собрания коммунистов. Были назначены взамен выбывших новые парторги рот. Это способствовало повышению темпов наступления.

Партийно-политический аппарат стремился как можно быстрее доводить до личного состава сводки Совинформбюро, пропагандировал свершенные воинами подвиги. Использовались такие формы агитации, как листовки-«молнии», рукописные бюллетени «Боевой день полка», «Книги славы». Наиболее массовой и доступной формой популяризации боевых подвигов были рукописные листки-«молнии», в которых кратко излагались события и призыв следовать примеру героя. При 3-м Белорусском фронте работал Дом Красной Армии. Здесь было создано несколько агитбригад, члены которых выступали с беседами, докладами, лекциями перед солдатами, сержантами, офицерами, проводили инструктивные занятия с агитаторами, пропагандистами, партийным активом.

Разгромив войска группы армий «Центр», советские дивизии подошли к долговременным сооружениям женигсбергского укрепленного района. Перед войсками 3-го Белорусского фронта встала задача — штурмом овладеть крепостью.

войск связи **МИШИНА**, полковника **БЕЛЫШЕВА**, полковника **ПЛОТКИНА**, подполковника **МАРКОВА**.

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за овладение городом **ХЕЙЛИГЕНБЕЙЛЬ**, представить к награждению орденами.

Сегодня, 25 марта, в 23 часа столица нашей Родины **МОСКВА** от имени Родины салютует доблестным войскам 3-го Белорусского фронта, овладевшим городом **ХЕЙЛИГЕНБЕЙЛЬ**, двенадцатью артиллерий-

скими залпами из ста двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия **ОБЪЯВЛЯЮ БЛАГОДАРНОСТЬ** руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за овладение **ХЕЙЛИГЕНБЕЙЛЬ**.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

25 марта 1945 года. № 309.

В период подготовки к штурму в полках и дивизиях были созданы штурмовые отряды и группы, предназначенные для самостоятельной боевой деятельности непосредственно в городе. В соответствии с этим перестраивалась и партийно-политическая работа. В штурмовых отрядах создавались полнокровные партийные и комсомольские организации. Так, в первом штурмовом отряде 264-го гвардейского стрелкового полка 87-й гвардейской дивизии 43-й армии насчитывалось 24 члена партии, 24 кандидата в члены ВКП(б) и 49 комсомольцев. В 24-й гвардейской стрелковой дивизии этой же армии при общей численности штурмовых отрядов и групп в 425 человек членов партии насчитывалось 43 человека и комсомольцев 88.

Искусство армейских политорганов состояло и в том, чтобы мобилизовать личный состав на отработку техники наступления в условиях укрепленного города. Предстояло в совершенстве изучить тактику уличных боев. В подразделениях полков, в штурмовых отрядах и группах прошли партийные, комсомольские собрания, а также собрания личного состава. Обсуждались пути быстреего овладения тактикой штурма.

В течение марта в войсках проводились учебно-тренировочные, одиночные стрельбы по выполнению упражнений из винтовки, ППШ, РПД и станкового пулемета. «Боевые листки» и политические информации отражали ход стрелковой подготовки и мобилизовали подразделения на отличное выполнение боевых задач. Изучалась тактика прорыва водной преграды в городе. С этой целью отрабатывались вопросы рекогносцировки рек, организации взаимодействия между различными родами войск, порядок выдвижения на исходную линию, подноски и спуска переправочных средств, форсирования и высадки подразделений на противоположном берегу, расширения и закрепления захваченных плацдармов.

Техника уличного боя требовала тщательной многократной учебной отработки штурмовыми отрядами атаки укрепленного здания, отдельной группы домов, боя за отдельный укрепленный дом, атаки участка заранее подготовленной позиции противника с дотами и дзотами, атаки укрепленного квартала с улицы и через проломы в стенах.

Как штурмовые отряды, так и обычные стрелковые подразделения проходили обучение с теми специальными средствами усиления, с которыми предстояло действовать в бою. Политорганы, партийные и комсомольские организации, вся армейская печать популяризировали опыт боев наших войск в крупных городах и укрепленных районах. В 97-м гвардейском стрелковом полку 31-й гвардейской дивизии была подготовлена и проведена беседа на тему: «Чему нас учат сталинградские бои». Был организован обмен опытом участников таких боев. Сержант Чернышев из 264-го гвардейского стрелкового полка 43-й армии, участвовавший в боях за Орел, рассказал бойцам своей роты о

том, как следует продвигаться по улицам, как блокировать дом. Коммунист Красноперов, участник боев за Сталинград, поделился с молодыми воинами опытом боя в доме — коридорах, комнатах и на чердаках. В дивизионных и армейских газетах печатались статьи: «Штурм укрепленного города», «Артиллерия в боях за город», «Штурмовая группа идет в наступление» и другие, которые внимательно изучались. К концу марта учебу закончили. Штурмовые отряды и группы, стрелковые батальоны и саперные подразделения, артиллеристы и самоходчики, связисты и медицинские работники могли успешно взаимодействовать при штурме укрепленного района.

В первых числах апреля соединения и части армий выходили в исходное положение для штурма. За день до начала штурма из политотделов дивизий, корпусов и армий в войска были посланы офицеры, ротные и взводные агитаторы, которые разъясняли личному составу содержание обращений Военных советов армий и фронта.

Утром 5 апреля в частях были получены специальные телеграммы с обращениями Военных советов армий. В этих обращениях говорилось о сложности предстоящего сражения. Для выполнения поставленной задачи от личного состава требовались высокие морально-боевые качества. Командиры всех степеней должны были непрерывно управлять войсками, обеспечить точное и надежное взаимодействие всех родов оружия, снабдить войска всеми необходимыми материально-техническими средствами для боя.

Военные советы армий требовали довести до каждого сержанта и солдата боевую задачу в исходном районе.

Во всех частях и соединениях была проверена организация питания личного состава, проведены необходимые меры по обеспечению доставки горячей пищи на передний край борьбы в процессе наступления. Перед боем солдаты получили новое обмундирование.

5 апреля агитаторы читали в подразделениях обращение Военного совета 3-го Белорусского фронта «Вперед, на штурм Кенигсберга!»

В этот же день состоялись партийные, комсомольские и солдатские собрания в ротах, батальонах, штурмовых отрядах и группах. Выступления по главному вопросу, о предстоящем штурме, были краткими, целеустремленными и носили характер торжественных обещаний и клятв партии и Родине. Гвардии старший сержант Бондаренко из 58-го гвардейского стрелкового полка 11-й гвардейской армии заявил: «Настал долгожданный час нашего наступления. Вперед, товарищи, смело и решительно!»

В день перед штурмом в полках и дивизиях лучших воинов принимали в партию, в комсомол. Дивизионные партийные комиссии, первичные партийные и комсомольские организации старались вручить партийные и комсомольские билеты до начала боя.

В ряде полков и дивизий были заведены специальные книги — «Мыс-

ли и думы гвардейцев перед штурмом Кенигсберга», в которых оставались десятки патриотических записей с призывами к мужественной и самоотверженной борьбе. В книге 262-го гвардейского стрелкового полка было оставлено 36 записей. Запись старшего сержанта Ивана Данилова, комсорга 5-й роты этого полка, гласит: «Немцы посягнули на нашу счастливую жизнь. Пытаясь разорить Советскую Родину, они разрушили многие города и села, убили и замучили миллионы наших соотечественников. Сейчас идем в бой. Клянусь матери-отчизне, заверяю командование, что не дрогну перед врагом, буду бить фашистов по-комсомольски, по-гвардейски».

Во второй половине дня 5 апреля в частях и соединениях уточнялись планы партийно-политической работы, политработники из политотделов корпусов и дивизий оказывали помощь в составлении и совершенствовании планов в штурмовых отрядах и ротах, проверялась готовность продовольственных и санитарных подразделений. Еще раз была проверена расстановка коммунистов, комсомольцев в батальонах, штурмовых отрядах и группах. Большая, целеустремленная и многогранная работа, проделанная командирами и политработниками 3-го Белорусского фронта накануне штурма, явилась могучим фактором разгрома немецко-фашистских войск в Кенигсберге.

Громовые удары могучей советской артиллерии нарушили утреннюю спокойную тишину 6 апреля 1945 года. Под гром артиллерийской канонады в подразделениях прошли летучие митинги. Их открывали командиры подразделений, зачитывавшие листовки Военных советов армий с призывами к штурму крепости, затем следовали выступления солдат, сержантов и офицеров. Командир взвода из 806-го ордена Суворова стрелкового полка 235-й стрелковой дивизии коммунист лейтенант Джабаев на митинге взял на себя обязательство водрузить Красное знамя над фортом № 5. Это обязательство было успешно выполнено отважным воином. Командир отделения из 18-й гвардейской стрелковой дивизии сержант Меркулов заявил: «Нами пройден славный путь от стен родной Москвы до Кенигсберга... Сейчас начинается штурм последнего города Восточной Пруссии. Я заверяю командование, что мое отделение выполнит любую задачу. Непреодолимых преград для советских воинов нет. Кенигсберг будет взят!» Воины были уверены в победе.

Выполняя свой патриотический долг, под прикрытием артиллерийского огневого вала, в 12 часов дня советские воины перешли в наступление.

Кенигсберг был взят. Приказ Родины и партии воины выполнили с честью.

ДОРОГОЙ

ПОБЕДА

ПАДЕНИЕ КЕНИГСБЕРГА

Битва разгорелась на огромном пространстве. Побагровело, окрованилось серое прусское небо.

Падали прусские города, рушились рубежи вековечной крепости и новейшей техники. Неведомая земля лежала под ногами советских солдат.

Войска Черняховского шли по той самой земле, по которой около двухсот лет назад, в Семилетнюю войну, шли на столицу надменной Пруссии — Кенигсберг — русские полки. И словно то было недавно, и за двести лет не мог простыть след русских солдат. Советским воинам казалось, что впереди, во тьме ночей, дымятся костры русских би-ваков...

Идея наступления жила глубоко в сердце войск. Солдаты кричали:
— Шагнем к Кенигсбергу!

Уже позади остались твердокаменные редуты Пилькаллена и Инстербурга. Чувствовалось уже дыхание моря, сырое и холодное. Но Кенигсберг был еще далеко. Открывалась перед войсками страна глухая, покрытая туманом. Белесая непроглядная тьма лежала повсюду. То валил мокрый, талый снег, то сыпал мелкий, промозглый дождь, то мороз вдруг сковывал землю. И снова глушил туман, ел глаза, словно ржавчина. Обнажались под туманом все новые рубежи — камень, бетон, железо, все новые укрепления. Седая мгла медленно ползла по линиям дотов и траншей. Найдется ли в этих неприятных землях хотя бы одна десятина вольной, незакованной земли? Оперативного простора не было.

Бойцы гворили о Восточной Пруссии:

— Замурована вся наглухо!

И все больше познавали советские войска ту землю, по которой шли.

В местечке Грос-Баум, в домах которого рядом с изразцовыми печами громоздились отвратительные серые доты, гвардейцы смяли немецких фашистов и уже бросились было вперед, как чей-то крик остановил их. С барского двора бежал боец.

— Смотрите, братцы, смотрите! — кричал он, задыхаясь.

Боец показывал цепи и потрясал ими над головою. Это были кандалы и наручники, снятые с людей не так давно. Советские люди, те, кто их носил, были угнаны дальше, к Кенигсбергу.

Гвардейцы молча передавали звенящие цепи из рук в руки. Солдат Николай Лукаш долго смотрел на страшное железо.

— Гвардейцы, — сказал он, — слушайте меня. Не забуду я этого фашистам. Не остановит меня ни огонь, ни камень.

...Сквозь туман и железобетон войска Людникова упорно пробивались к Кенигсбергу. И вот перед ними лег рубеж реки Дейме — первый внешний оборонительный обвод Кенигсберга, начало его твердыни.

В сорока километрах, за Дейме, во мгле стоял Кенигсберг — прусский Карфаген.

Линия Дейме — железная дверь Кенигсберга.

Она строилась сорок лет, модернизировалась и улучшалась с каждым новым шагом военной инженерной мысли. Открыть эту дверь — означало превзойти врага в военной науке. Разведчики пробирались глубоко в тыл немцам. Отважные искатели опасности должны были первыми прощупать этот рубеж.

Было раннее утро.

Притаившись, разведчики наблюдали. Их взору открывалась скучная извилистая река, мирно спящая подо льдом. Унылый, пустынный берег ее возвышался на вражеской стороне. Кругом из-под тающего снега пробивалась озимь. Близко темнел лес. Безлюдье, тишина, никакого живого следа. Серое небо низко висело над серым прусским ландшафтом.

Это была линия Дейме.

В обрыве ее берега, под землей, жил особый фашистский мир. Тяжелые монолиты многоамбразурных дотов тянулись у самой кромки льда — доты были вмонтированы в берег, никакой прибор не мог обнаружить их. Боевые казематы имели метровые стены, мощные броневые плиты, многопудовые заслоны. Вооружение дотов — пушки, тяжелые и легкие пулеметы на движущихся турелях.

За дотами лежали строгие инженерные линии траншей и ходов сообщения.

Боевые рубежи наблюдательных пунктов Дейме напоминали рубки подводных лодок. Все здесь говорило о морском укладе, примененном к земле. Казалось, что и река, и ее берега, и ее лед — все это тоже сделано по чертежам военных инженеров.

Железо, бетон, броня.

Линия Дейме могла вызывать на себя огонь своей артиллерии любых калибров, ничем не рискуя. Эта линия могла остаться в тылу советских войск и ударить им в спину.

Шли десятые сутки наступления.

Вид гитлеровских войск являл собой картину полного разгрома. Многочисленная пехота, самоходная броня, артиллерия, резервы — все было смято, раскрошено и ползло прочь, назад, под страшным натиском советской пехоты, артиллерии, танков, авиации. Немцы потеряли семнадцать тысяч только убитыми и четыреста пушек. Удар же советских войск не ослабевал. Они наступали, словно железные, не зная усталости. Тараном шли гвардейцы генерала Безуглого. На их долю выпал труднейший участок Дейме у Грос-Поппельна. Широколицый, ширококостный Безуглый отлично понимал, какую преграду предстоит преодолеть его гвардейцам. Но он верил в своих солдат и докладывал Людникову:

— Нет, мои гвардейцы пешком Дейме не будут переходить. Фашисты перенесут их на своих плечах!

Сражение на Дейме разразилось, когда вечерняя мгла уже окутала обе стороны.

Полз, клубился туман.

Немцы отползали на лед, к дотам, в последней надежде здесь остановать гвардию. Открылись амбразуры укреплений. Река залилась огнем. Полетел в воздух лед, подорванный фугасами. Стекланные глыбы его поднялись на ребро и засверкали. Дейме стала походить на пасть зверя, оскалившего свои зубы. В то же время на нее обрушился яростный огонь множества наших пушек. Гвардейская Краснознаменная артиллерия подполковника Олейника шла вместе с пехотой, и ее тяжелые стволы вдруг показались на берегу Дейме.

— Гаси доты! — кричал старшина Валентин Шевчук своему наводчику.

Орудие открыло огонь прямой наводкой. Осколки своих же снарядов скрежетали по его щиту. Наводчик стонал:

— Туман... туман!..

Валентин Шевчук, комсомолец, был знаменитый артиллерист. Его орудие шло издалека, из глубины Советского Союза. Вместе с другими ему было приказано заткнуть, залить металлом глотки дотов, чтобы прикрыть штурмовой удар гвардейцев полковника Бибикова.

Теперь Дейме походила на кузницу, полную грохота, дыма, искр.

И вот гвардейцы Бибикова бросились на лед. Вот они ползут, бегут, карабкаются по глыбам льда, кровеня его. И уже некоторые достигли того берега.

— На лед! — приказал Валентин Шевчук.

Его батарейцы Безуглый, Щипилов, Колтунов, Григорчук, Хреновский покатали орудия на лед. Провалился передок в пучину. Подхватили орудие на руки, вынесли, покатали дальше. Глыбы льда воросятся под ногами. Стелется огонь пулеметов. Но живы! Командир головного полка подполковник Трушин перебежал по льду на немецкий берег. В отвесах огня ракет узнал Валентина, крикнул:

— Благодарю, орлы!

Внутри укрепленной линии, за дотами, уже шел бой. Немцы растекались из бункеров по траншеям. Но в первой линии уже мелькали белые халаты наших пехотинцев. Крик и треск стояли повсюду. В пляске ракет мелькали бегущие, прыгающие гвардейцы; как ветер, неслись, развевая полами шинелей, автоматчики.

Была уже глубокая ночь, бой гремел. На льду Дейме слышались голоса кашеваров, везущих обед.

— Эй, солдаты! Где тут наши, а где немцы? — спрашивали кашевары.

Им отвечали хриплые голоса из черного тумана:

— Все тут, вместе...

Бой на реке накалился уже до той степени, когда со стороны трудно понять, где наступающие, а где обороняющиеся, и у кого успех. В одном месте лед был преодолен, в другом — шла борьба на льду, в третьем — немцы сами контратаковали по льду. На участке трушинского полка шли рукопашные схватки. Гвардейцы и все штабы Трушина были уже на западном берегу, а доты еще оставались в руках немцев.

Так наступил день 23 января.

Немцы бросились на советские войска. Все было ясно: они хотели столкнуть гвардейцев на лед, под стволы своих дотов, и прикончить их там. В тумане послышался лязг гусениц — надвигались «тигры»... Полковая артиллерия Трушина стояла за линией траншей, впереди пехоты. Небольшим калибрам предстояло принять удар тяжелой немецкой брони. Батарейцы могли увидеть танки только в десяти-двенадцати шагах перед собой: все закрывал туман, стлавшийся по земле. Старший лейтенант Андрей Вишневецкий и старший сержант Павел Ковтун вывели свои орудия из укрытий.

— Честь гвардии, товарищи! — громко сказал Павел Ковтун своим батарейцам.

Павел опустился на левое колено, по гвардейскому обычаю клявы. Он был комсоргом батареи, пять боевых орденов сверкали на его груди.

«Тигры» и немецкая пехота ринулись прямо на огневые позиции

полковой артиллерии. Немцы открыли артиллерийский огонь по всей линии.

Решалась судьба атаки.

Парторг стрелковой роты рядовой Иван Рыков встал перед своими товарищами, и его призывный голос был слышен по всей цепи:

— За честь гвардии!

Рота рванулась вперед, скрылась в огне и тумане. Начался штурм дота. И немцы не выдержали — гарнизон дота № 47 открыл двери. Кругом же слышалось «ура», злобный хрип пулеметов, гул. Кто-то пронзительно кричал:

— Патронов мне! Патронов!

От правого фланга Дейме до самого левого ее бастиона — Тапиау — бушевал огонь. Люди, броня, земля — все было словно раскалено, и словно от этого жара вскрылась Дейме и понесла лед.

Но поле боя жило своими законами. Гвардейцы ползли через траншеи, пропускали над головой немецкие танки. И вот «зверобои» — тяжелые советские самоходки — вышли на «тигров». Поле боя наполнилось воем моторов.

— Не отпускать противника от себя! — приказал своему полку Василий Грушин.

Это был последний его приказ. Раненый подполковник умирал на поле боя.

Уже стоял полдень. Линия была прорвана. Остывало поле боя и обнажалось под лучами солнца. У чахлах кустов, где орудия старшего лейтенанта Андрея Вишневого и старшего сержанта Павла Ковтуна встречали в тумане «тигров», было тихо. Полковник Бибиков прощался со славными артиллеристами. Андрей Вишневский и все батарейцы лежали на лафетах и стволах своих орудий, обняв их. Павел Ковтун встретил смерть, широко раскинув руки. Ясная улыбка застыла на его тонком, хорошем лице, словно он был на веселом пиру.

— Штурмовать доты! — приказал полковник Бибиков.

«Зверобои» подошли к дверям дотов и, опустив стволы вниз, открыли огонь...

Так пала линия Дейме.

Перед войсками открылся Земландский полуостров. Предстояло протаранить сплошной лабиринт новейших укреплений, возведенных как единое сооружение обороны.

Первой вставала укрепленная линия Кенигсберг—Кранц. Она ограждала Кенигсберг с северной стороны. Но это была лишь деталь. Под лесами Земланда, глубоко под землей, работали артиллерийские, нефтеперегонные, патронные и пороховые заводы, таились там гигантские арсеналы.

И все-таки здесь, на Земландском полуострове, находился маневренный плацдарм кенигсбергской группировки немецких войск. Этим плацдармом необходимо овладеть, и только тогда можно думать о победе.

Войска наступали по всей линии Земландского фронта. Пехота и артиллерия шли вместе. Артиллерийские дивизионы наступали перекатами: одни перемещались, другие вели огонь. Пехота двигалась цепями. Броня таранила противника. Было это движение причудливо: ни одного километра войска не шли по прямой — обходы, охваты, удары во фланги поражали немцев в самых неожиданных местах и положениях.

Как стальной бурав, войска ввинчивались в замурованный Земланд и взрывали его. И в эти дни Кенигсберг услышал поступь советских солдат.

У немцев творилось то, что некогда творилось у французов под Парижем и над чем до уморы смеялись некогда те же немцы. Бесконечные толпы беженцев загрохотали все дороги, рубежи, убежища и позиции, направляясь в Кенигсберг. Схваченные чудовищной силой этих обезумевших толп, кружились и ползли вместе с ними назад немецкие войска — пехота, артиллерия, танки. Войска, спешившие из Кенигсберга в глубину полуострова, на поле боя, вязли в густом людском потоке, словно в трясине.

Людской оползень! Крепостной батальон капитана Лаубе цопал

ДОКУМЕНТЫ ТЕХ ДНЕЙ

П Р И К А З ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАН- ДУЮЩЕГО

командующему войсками
3-го Белорусского фронта
Маршалу Советского Союза
ВАСИЛЕВСКОМУ,
начальнику штаба фронта
генерал-полковнику **ПОКРОВСКОМУ**

Войска 3-го БЕЛОРУССКОГО фронта сегодня, 29 марта, завершили ликвидацию окруженной восточно-прусской группы немецких войск юго-западнее КЕНИГСБЕРГА.

За время боев с 13 по 29 марта немцы потеряли свыше 50 000 пленными и 80 000 убитыми, при этом войска фронта захватили 605 танков

и самоходных орудий и свыше 3500 полевых орудий.

В боях при разгроме группы немецких войск юго-западнее КЕНИГСБЕРГА отличились войска генерал-лейтенанта ЛУЧИНСКОГО, генерал-полковника ГОРБАТОВА, генерал-лейтенанта ШАФРАНОВА, генерал-полковника ГАЛИЦКОГО, генерал-полковника КРЫЛОВА, генерал-лейтенанта ЧАНЧИБАДЗЕ, генерал-лейтенанта ГУСЕВА, генерал-лейтенанта ИВАШЕЧКИНА, генерал-лейтенанта СЕМЕНОВА, генерал-лейтенанта ГЛЕБОВА, генерал-майора РОГАЧЕВСКОГО, генерал-майора ЩЕДРИНА, генерал-майора ПРИХИДЬКО, генерал-майора ЛЕВИНА, генерал-лейтенанта ИВАНОВА, генерал-лейтенанта КУЗНЕЦОВА, генерал-лейтенанта УРБАНОВИЧА, гене-

в эту движущуюся тряси́ну, едва перейдя линию Кенигсберг — Кранц, и не мог продвинуться вперед ни на шаг.

Лаубе поднялся на самоходную пушку, заревел в бешенстве:

— Дайте мне дорогу! Что вы делаете? Вы погубите Германию! Дайте дорогу!

Людская лавина увлекла с собою все — казалось, она унесет и аллеи вековых деревьев, что росли по обочинам шоссе. Батальон Лаубе был смят, поглощен многотысячной толпой на глазах его командира.

На другом шоссе танковая колонна, получившая приказ отходить к линии Кенигсберг — Кранц, на полном ходу врезалась в людское месиво и, не останавливаясь, прошла по нему гусеницами. Страшный вопль был услышан нашими войсками, что двигались следом.

...Битва ожесточалась.

Были брошены в бой офицерские части, крепостные батальоны и военные школы. Но натиск советских войск нарастал. Гвардия шла танком. Батальон майора Ивана Хорошавина двигался на броню. Гвардейцы пробили толщу немецких войск, ворвались на огневые позиции артиллерийского полка и, уничтожив его, захватили тридцать четыре орудия.

— Занимаюсь артиллерией, — докладывал майор Хорошавин. — На пехоту не хватает времени, оставляю ее у себя в тылу.

К полю боя ускоренным маршем шли резервы генерала Черняховского — испытанные войска. Из глубины готовился новый мощный удар, который должен был решить судьбу гитлеровских дивизий. По-

рал-лейтенанта КОШЕВОГО, генерал-лейтенанта ФОКАНОВА, генерал-лейтенанта КОЛГАНОВА, генерал-майора АЛЕКСАНДРОВА, генерал-майора ШВАРЕВА, генерал-майора БАТИЦКОГО, генерал-майора НИКИТИНА, генерал-майора КНЯЗЬКОВА, генерал-майора КЛЕШНИНА, генерал-майора ИВАНОВА, генерал-майора ПЕРЕКРЕСТОВА, генерал-майора КАЗАРЦЕВА, генерал-майора ПРОВАЛОВА, генерал-майора АРУШАНЯНА, генерал-майора ЛЮХТИКОВА, генерал-майора ГАРЦЕВА, генерал-майора ВЛАДЫЧАНСКОГО, генерал-майора ДАНИЛОВА, генерал-майора КУЗНЕЦОВА, генерал-майора МЫШКИНА, генерал-майора КОРЧИКОВА, генерал-майора ТУРЧИНСКОГО, полковника ШАЦКОВА, полковника ПОПОВА,

полковника РЫБАЛКО, генерал-майора ХВОСТОВА, генерал-майора МАЛЮКОВА, полковника ЦВЕТКОВА, генерал-майора МИХАЛИЦИНА, полковника ТЕЛКОВА, полковника РОМАНЕНКО, генерал-майора ВЕРЕВКИНА, полковника АБИЛОВА, полковника КРИВЕНЦОВА, генерал-майора КОНОВАЛОВА, полковника ВЯЗНИКОВЦЕВА, полковника ГРЕКОВА, полковника ЛЕВИНА, генерал-майора БЕРЕСТОВА, полковника БУЛАНОВА, полковника ДЕМИНА, полковника ХАУСТОВИЧА, генерал-майора САМОХВАЛОВА, генерал-майора ПРОНИНА, генерал-майора КАРИЖСКОГО, генерал-майора МАСЛОВА, полковника ТОЛСТИКОВА, генерал-майора КАЗАРЯНА, полковника ЦУКАРЕВА, полковника КУСАКИНА, генерал-майора ГОРОДОВИ-

тери же немцев были тяжелы: целые артиллерийские дивизионы попадали в плен с орудиями, с прислугой и запасами снарядов; в плену оказались совсем новые «тигры». Вместе с огромной толпой был захвачен и капитан Лаубе. Он брел один, без штаба и войск. Лаубе, закрыв лицо руками, стонал:

— О, позор, позор!.. Счастливы немцы, погибшие во Франции, — они пали еще за победу!..

Разгром ширился. Уже доносился голос кенигсбергских фортов — тяжелые крепостные орудия вели огонь. С глухим ревом снаряды разрывали воздух. Уже близка была линия Кенигсберг—Кранц, и оттуда шли свежие немецкие силы навстречу нашим войскам.

Противник наседал, а по цепям советской пехоты восторженно катилось:

— Даешь Кенигсберг! Перекопцы пришли, каменная гвардия!

Знаменитый Валентин Шевчук появился со своим орудием на линии встречи с немецкими танками. Три танка бешено неслись на его орудие. Они двигались клином вперед, разбрасывая грязь и снег. Наводчик Безуглый рванул шнурок. С грохотом полетела башня переднего танка. Как обезглавленный петух, танк еще бежал вперед. Его правый собрат закружился на месте, пронзительно визжа железом... Огонь артиллерии вздымал броню, бетон и землю к небу. И уже поднялась пехота и упрямо пошла вперед. Гвардейцы спрашивали друг друга в дыму:

— Где линия Кранц? Отчего ее все нет?

На плечах фашистов, в сплошном дыму, они перешли линию Ке-

КОВА, полковника ЛОГИНОВА, генерал-майора ДОНЕЦ, полковника ЗОРИНА, генерал-майора МАКСУТОВА, полковника КАТЮШИНА, полковника ЗЛОТАРЕВА, генерал-майора МАКСИМОВИЧА, полковника ПОЛИЩУКА, генерал-майора ЗАКУРЕНКОВА, полковника ВОЛКОВА, генерал-майора МОСКАЛЕНКО, полковника БИРСТЕЙНА, полковника ПАШКОВА, полковника ГРИГОРЯНА, полковника ПОГРЕБНЯКА, полковника СЕРЕБРОВА, полковника ЦЫПЛЕНКОВА, генерал-майора КАЗАКЕВИЧА, полковника ГРЕБНЕВА, генерал-майора БУЛАТОВА, генерал-майора ОПЯКИНА, полковника СОБОЛЕВА, генерал-лейтенанта ЛЮБЫЙ; артиллеристы: генерал-полковника артиллерии БАРСУКОВА, гене-

рал-майора артиллерии ПЕТРОПАВЛОВСКОГО, генерал-майора артиллерии ВЛАДИМИРОВА, генерал-майора артиллерии СЕМИНА, генерал-лейтенанта артиллерии СЕМЕНОВА, генерал-майора артиллерии ФЕДОРОВА, генерал-лейтенанта артиллерии СТРЕЛЬБИЦКОГО, генерал-лейтенанта артиллерии ТИМОТИЕВИЧА, генерал-лейтенанта артиллерии САЛИЧКО, генерал-майора артиллерии ПОПОВА, полковника КУЗНЕЦОВА, полковника СТРУЕВА, генерал-майора артиллерии КОРОЧКИНА, генерал-майора артиллерии КАРСАНОВА, полковника СЕДОВА, полковника МАРГУЛИСА, полковника ЗАСЕКИНА, полковника КИЛЕЕВА, полковника МЕРКУРЬЕВА; танкисты: генерал-полковника танковых войск

нигсберг—Кранц, не подозревая о своей победе. И тогда в прорыв вошла «каменная гвардия».

Это были гвардейцы, герои Перекопа. В 1944 году, весной, они таранили Перекоп, Ишунь и мрачный каменный Бельбек. Они форсировали Северную бухту Севастополя и взяли эту крепость с севера, откуда не могли взять Севастополь лучшие армии Европы.

Штыки наперевес бросились вперед солдаты «каменной гвардии»... В тот же день войска узнали, что левое крыло вышло на линию восточных фортов Кенигсберга.

Был вечер 28 января.

Начинался новый удар. Стремительный и мощный маневр захватывал всех: одним — идти прямо, строго на запад, другим — повернуть на юго-запад, третьим — полным поворотом налево стать лицом на юг.

И двинулись войска, рванулись, как три смертоносные стрелы.

Гвардейцы полковника Кожанова шли прямо на запад. Могучим ударом они должны были пробить Земландский полуостров до самого моря и, как меч, рассечь немцев надвое. А из-за правого плеча гвардейцев полковника Кожанова выходили войска на окружение Кенигсберга.

Тяжело шагая меж своих солдат, полковник говорил им:

— Теперь пойдём к морю! Не забудет нас Родина...

И они пошли.

...Был ли в те дни туман, был ли ржавый, мгlistый дождь — мало кто замечал: все жили в огне, все.

Наши войска вошли в гущу гитлеровских войск и укреплений. По-

РОДИНА, полковника БАБЕНКО, полковника ОПАРИНА, полковника ЛУКАШЕВА, полковника ПРОКОПЕЦ, полковника СЕМЕНЮКА, полковника ГОЛОВЧАНСКОГО, генерал-майора танковых войск НОСОВА, полковника ИВАНЦЕВА, полковника БЕЛИКА, подполковника СУРНИНА, полковника КОЗИКОВА; летчики генерал-полковника авиации ХРЮКИНА, генерал-полковника авиации ПАПИВИНА, генерал-лейтенанта авиации ДАГАЕВА, генерал-майора авиации БЕЛОВА, генерал-лейтенанта авиации ТУПИКОВА, генерал-лейтенанта авиации НЕСТЕРЦЕВА, генерал-лейтенанта авиации ЛОГИНОВА, полковника СКОКА, генерал-майора авиации ИВАНОВА, полковника ПРУТКОВА, полковника ХАТМИНСКОГО, ге-

нерал-майора авиации ШЕВЧЕНКО, полковника ЧУЧЕВА, генерал-майора авиации НЕЧИПОРЕНКО, генерал-майора авиации ЗАХАРОВА, полковника ЗИМИНА, полковника ШИНКАРЕНКО, полковника АНДРЕЕВА, подполковника ЗАКЛЕПА, подполковника САЖНЕВА, генерал-майора авиации МОЛОКОВА, полковника ЛЕБЕДЕВА, генерал-майора авиации АЛЕКСАНДРОВА, полковника КУЧМА, генерал-майора авиации АНДРЕЕВА, полковника КУРБАТОВА, майора ДЕЛЬФИНО, полковника ПЛАХОВА, подполковника РОДИНА, полковника БЕЛЫЙ; саперы генерал-лейтенанта инженерных войск БАРАНОВА, полковника ШИЛО, полковника ЖЕЛЕЗНЫХ, полковника ЛУКАШЕНКО; связисты гене-

луостров дрожал от грохота. Войска двигались к своим целям узким коридором, в четыре километра, охватывая Кенигсберг кольцом. Они вели сражение с перевернутым фронтом, и, казалось, они бросили вызов смерти. Отовсюду — справа, слева, впереди — наседали противник. Штабы принимали бой, охраняя тылы своих войск. Батареи вели огонь вперед и назад. Столкнулось огромное количество войск и техники с обеих сторон.

С головокружительной быстротой развивались события.

29 января, к исходу дня, солдаты генерала Олешева вышли к северным и северо-западным фортам Кенигсберга. Глубже всех, к западным фортам, в тыл городу, шла «каменная гвардия». Ее движение было сплошной атакой. 29 января гвардейцы прошли двенадцать километров, сокрушив на своем пути отборные крепостные батальоны немцев, — выбивали фашистов гранатами из дотов, выковыривали штыками из траншей, сбрасывали с укрепленных террас баронских вилл.

И до чего зловещая земля открывалась советским людям! Кругом были леса, на всех картах они значились пустыми и мирными. А на самом деле эти леса ломались от каменных построек заводов, железных дорог и башен. Это были секретные объекты, это была тайная Германия.

Батальон капитана Андрея Канаева двигался по этим лесам, полным опасностей. Вдруг разведчик Черкасов донес:

— Стою на немцах. Они под землей.

Гвардейцы бросились в темные галереи подземелий. Обширные, бесконечно длинные цехи военного завода, а в цехах — ряды зенитных пу-

рал-лейтенанта войск связи БУРОВА, генерал-майора войск связи МИШИНА, полковника ПЛОТКИНА, полковника БЕЛЫШЕВА, полковника ДАВЫДЕНКО, полковника ПРИХОДАЙ, генерал-майора войск связи КОКОРИНА, генерал-майора войск связи МАМОТКО, подполковника ЦИЛБОВА.

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях при разгроме группы немецких войск юго-западнее КЕНИГСБЕРГА, представить к награждению орденами.

Сегодня, 29 марта, в 23 часа столица нашей Родины МОСКВА от имени Родины салютует доблестным войскам 3-го Белорусского фронта, разгромившим восточнопрусскую

группу немецких войск юго-западнее КЕНИГСБЕРГА, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия ОБЪЯВЛЯЮ БЛАГОДАРНОСТЬ руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях при разгроме восточнопрусской группы немецких войск юго-западнее КЕНИГСБЕРГА.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

29 марта 1945 года. № 317.

леметов, пушек. Под землей вспыхнул бой. И у тех, кто был на поверхности, в лесу, отдавался в ногах, во всем теле гул подземного боя, непривычный, скребущий по сердцу. Черные, мокрые от пота выскочили гвардейцы из-под земли уже в другом конце леса.

Так они шли — поверху и под землей, в лесу и под корнями леса.

Угасал день 30 января.

Было уже близко море — южный берег Земландского полуострова. Валил туман. И в этом тумане, под самым Кенигсбергом, слышались тревожные гудки паровозов, рев самолетов, крики атакующих. «Каменная гвардия» наносила последний удар. Тяжело дышали гвардейцы, кашляли от едкой мглы, харкали пороховой пылью. Широко открытыми глазами, полными ужаса, смотрели на них гитлеровские солдаты, захваченные прямо в поездах.

Перед «каменной гвардией» стояли форты.

Нет таких трудностей, которых не мог бы преодолеть человек, вдохновленный идеей правды. Такими людьми были гвардейцы полковника Кожанова.

Войска, окружавшие Кенигсберг, чувствовали гвардейцев Кожанова живо, осязаемо, как чувствует человек защиту стены во время бури. Был далек и суров путь гвардейцев Кожанова — требовалась сила пушечного ядра, чтобы пробить до самого моря толщу гитлеровских войск и укреплений. Гвардейцы нашли в себе эту силу. В ночь на 2 февраля стрелки гвардии подполковника Андреева ворвались в Гермау, а стрелки майора Виноградова вышли к морю.

Здесь гвардейцы стали стеной. На помощь к ним катили мотоциклисты, неслись по шоссе амфибии, шла артиллерия.

...Командующий фронтом генерал армии Иван Черняховский медленно ходил по комнате. Была ночь, и было тихо на Земландском полуострове.

— Ваши войска, — сказал командующий негромко, обращаясь к Людникову, — совершили подвиг. Они шагнули к Кенигсбергу!

Людников, темноволосый сталинградец с лучистыми, добрыми глазами, так же негромко ответил:

— Возвышенный дух солдат...

В земле траншей, в бетоне оборонительных рубежей Кенигсберга в эту первую тихую ночь сомкнул людям глаза сторожкий сон — робкий и недолгий гость передовой линии. Глубоко дышали усталые, изнуренные солдаты и пили сон, сон — чуднейший из напитков... Пятнадцать суток они были в огне и не знали отдыха. Их ожидала новая борьба, и их руки и ноги не должны были чувствовать усталости и боли.

Пришло первое тихое утро.

Встала перед глазами Кенигсберга немая картина. Всюду, на десятки километров, во всех направлениях Земландского полуострова простиралось побоище. Нагромождение бесчисленной немецкой техники — танки, самолеты, автомашины, самоходки, сожженные и разбитые, целые и изуродованные, заваливали дороги, загромождали опушки лесов. Мертво чернели развороченные укрепления и доты, закопченные дымом. Кровь, железо и бетон были смешаны с землей.

Кенигсберг — это история преступлений Германии. Всю свою многовековую жизнь он жил разбоем. Другая жизнь ему была неведома. Молчаливы, мрачны здесь дворцы. В тиши их кабинетов, военных архивов и библиотек, в толстых крепостных стенах военных школ и аудиторий вызревали из десятилетия в десятилетие войны, грабительские походы.

Вокруг города-крепости выросли тяжелые, громоздкие сооружения крепостной обороны. В центре столицы — цитадель — остроконечный камень чудовищных размеров, в котором просверлены, высечены, выдолблены галереи, ходы, казематы. Они уходят глубоко под землю.

Форты тянулись грядой с правого берега реки Прегель, окаймляли Кенигсберг и снова выходили на Прегель, замкнув круг.

Гигантскую систему кенигсбергских укреплений немцы называли «ночной рубашкой Кенигсберга». Тевтоны любили спокойно спать.

Гитлеровцы бесновались. Во что бы то ни стало хотели они отбросить наши войска от города, но крепка была хватка советских войск. Гитлеровцы начали лихорадочно возводить укрепления на улицах и площадях. Все мужское население, способное поднять винтовку, было мобилизовано в фольксштурм. Из арсеналов выкатывались пушки. Минировались окраины. Дворцы в городе и виллы в окрестностях приспособлялись к бою.

Город замуровывался.

6 апреля 1945 года. Утро. Тишина.

Неуловимый трепет проносился по окопам — священные тайные минуты перед битвой... Гвардейцы генерала Кирилла Тымчика прильнули к орудиям. В эти мгновения все вокруг Кенигсберга молчало. Сотни тысяч глаз, десятки тысяч стволов орудий и пулеметов в безмолвии смотрели на Кенигсберг со всех сторон.

И все было готово к прыжку.

По рукам гвардейцев ходила тетрадь. Они брали ее, каждый записывал несколько слов и передавал товарищу. Тетрадь называлась: «Слово гвардейцев перед штурмом прусской столицы».

Слова клятвенные:

«Гвардия будет в городе Кенигсберге! Я заявляю об этом. Гвардии младший сержант Владимир Конфедератенко».

«На штурм! Никакие преграды не остановят гвардию. Гвардии ефрейтор Самсыкин Петр».

«Я воюю уже четыре года и дошел до стен прусской берлоги. Я пришел сюда по дороге моих предков. Я отдам все силы, а быть может, и жизнь, но Кенигсберг будет сокрушен навеки. Николай Грабков».

Кругом было тихо, и лишь слышался с немецкой стороны мокрый стук насосов. Немцы откачивали воду из траншей.

Десять часов утра.

Атака Кенигсберга началась...

И вот батальоны ринулись на врага. Штурмовой батальон старшего лейтенанта Соина сокрушал рубеж противника и его живую силу, точно ядро, — в батальоне двигались стрелки, пушки, танки, подрывники-саперы. Каждый делал свое дело. Старшина Мельников и его гранатометчики вихрем перелетели через вражеские траншеи, прошли по головам немцев. Затем на животах они поползли к доту, из которого ливнем хлестал огонь.

— В амбразуры! — закричал Мельников.

Дым закрыл их.

Вскоре они вынырнули из этого дыма, но уже далеко за дотом. Дот молчал.

Батальон Соина ударил прямо по форту «Лендорф». Форт захлебывался, изрыгая огонь. Упали гвардейцы на землю, обливаясь кровью. Форт устоял. Но он был схвачен за горло: гвардейцы лежали уже на валу форта и были готовы броситься к его амбразурам.

И тут пришел приказ: «Оставить форт и вперед к городу!»

Твердыни фортов обнажились. Многолетние леса, росшие на них, были снесены начисто. Главные силы прорвали линию фортов и бросились к городу. Но гарнизоны фортов продолжали вести огонь. Форт «Гнейзенау» держался упорно. К форту «Король Фридрих Вильгельм III» танки и самоходные орудия везли взрывчатку.

Отчаянно огрызался «Лендорф».

Между тем из дыма сражения потянулись первые колонны пленных. И это было столь ново — вместе с отчаянным сопротивлением с первого же шага много пленных.

Такова была сила удара. Оказались парализованными целые соединения и целые участки немецкого фронта. Удар не ослабевал. Артиллерия уже второй раз меняла свои позиции и подтягивалась вслед за ушедшей вперед пехотой. И новый вал артиллерийского огня обрушивал-

ся на немцев, новый натиск штурмовых батальонов сокрушал их оборону.

В два часа ночи генерал Кирилл Тымчик предложил гарнизону форта «Лендорф» сдаться. Парламентеры капитан Адашкевич и старший лейтенант Кузнецов спустились в форт «Лендорф». С глухим шумом лег через ров подъемный мост. Темнела под ним вода, белела на воде оглушенная рыба, всплывшая наверх. Немцы с удивлением смотрели на советских офицеров, вошедших в железобетонные катакомбы.

— Один час на размышление, — объявил Адашкевич.

И через час сто девяносто два солдата и пять офицеров вышли из форта с поднятыми руками.

Наступление продолжалось.

Возвышенный дух советских воинов одерживал верх над злобным упорством врага.

Гитлеровцы съежились, собрались в кулак.

Их расчет — заставить советские войска развернуться перед линией фортов, то есть перед городом, а затем втянуть их в затяжной бой — провалился. Сила, стремительность, организация, тактика удара советских войск оказались неожиданностью для немецкого командования. У немцев оставалась надежда, одна и последняя: устоять в центре города. Здесь были все резервы, главная артиллерия, отборные части.

ДОКУМЕНТЫ ТЕХ ДНЕЙ

П Р И К А З ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАН- ДУЮЩЕГО

командующему войсками
3-го Белорусского фронта
Маршалу Советского Союза
ВАСИЛЕВСКОМУ,
начальнику штаба фронта
генерал-полковнику **ПОКРОВСКОМУ**

Войска 3-го Белорусского фронта после упорных уличных боев завершили разгром кенигсбергской группы немецких войск и сегодня, 9 апреля, штурмом овладели крепостью и главным городом Восточной Пруссии — КЕНИГСБЕРГ — стратегически важным узлом обороны немцев на Балтийском море.

За день боев к 20 часам войска фронта взяли в плен свыше 27 тысяч немецких солдат и офицеров, а также захватили большое количество вооружения и разного военного имущества.

Остатки кенигсбергского гарнизона во главе с комендантом крепости генералом от инфантерии Ляшем и его штабом сегодня, в 21 час 30 минут, прекратили сопротивление и сложили оружие.

В боях за овладение городом и крепостью КЕНИГСБЕРГ отличились войска генерала армии БАГРАМЯНА, генерал-полковника КУРАСОВА, генерал-полковника ГАЛИЦКОГО, генерал-лейтенанта БЕЛОБОРОДОВА, генерал-лейтенанта ОЗЕРОВА, генерал-лейтенанта ЛЮДНИКОВА, генерал-

Солдаты харкали кирпичной пылью. Коричневая пыль душила улицы, полз тяжелый каменный туман.

Густо падал этот туман на асфальт, садился на стальные каски, проникал в карманы и сквозь шинели — к телу. Мелькали в коричневом тумане солдаты.

— Прижимайся к камню! — скомандовал младший сержант Данилов своим бойцам.

Последний прыжок. Все шестеро перелетели через улицу под очередь немецкого пулемета. Из окон особняка глянули немцы. Мелькнул в дверях пулеметчик. Младший сержант Махонин всадил в дверь очередь. Застрочили по окнам автоматы, со звоном полетела в окно граната.

Особняк замолк, оцепенел.

За ним, где-то близко, с шумом обвалилась стена дома. Послышались крики:

— Давай! Давай!

Свои. Рядом. Но путь к ним — через этот вражий, мрачный дом. И шестеро гвардейцев бросились в особняк, прокладывая путь огнем. Пусто. Тихо. Так ли?

— Хенде хох! — громко приказал Данилов. — Выходи, иначе взорвем! — Из особняка кто-то ответил, плохо выговаривая:

— Понимаем!

Первым показался майор Баденбух. Он вышел с поднятыми руками, бледный, как смерть. Со всех сторон, изо всех щелей ползли немец-

лейтенанта СЕМЕНОВА, генерал-майора МАСЛЕННИКОВА, генерал-майора ГАРНИЧА, генерал-майора СИМИНОВСКОГО, генерал-лейтенанта ЗАВОДОВСКОГО, генерал-майора ГУРЬЕВА, генерал-лейтенанта КОШЕВОГО, генерал-лейтенанта ЛОПАТИНА, генерал-лейтенанта КСЕНОФОНТОВА, генерал-майора СЕДУЛИНА, генерал-лейтенанта ЗАХАРОВА, генерал-лейтенанта ИВАНОВА, генерал-майора МУЛЬТАН, генерал-майора ОЛЕШЕВА, генерал-майора ИВАНОВА, генерал-майора ПОПОВА, полковника ТОЛСТИКОВА, генерал-майора ПЕТЕРСА, генерал-майора ЦЫГАНОВА, генерал-майора ПРОНИНА, генерал-майора КАРИЖСКОГО, генерал-майора ЧЕРНОВА, генерал-майора БУРМАКОВА, генерал-майора

МАСЛОВА, генерал-майора ЩЕРБИНА, полковника КРАСНОВА, генерал-майора ТЫМЧИКА, полковника ДОМРАЧЕВА, полковника ЧЕРЕПАНОВА, генерал-майора ЛУЦКЕВИЧА, полковника САФРОНОВА, полковника КРАСНОВСКОГО, полковника ДУЛОВА, генерал-майора БЕЛОНОВОГА, генерал-майора КРОНИКА, генерал-майора ДАЛМАТОВА, полковника ПЕРЕВОЗНИКОВА, полковника ЦВЕТКОВА, генерал-майора МАЛЮКОВА, генерал-майора ХВОСТОВА, полковника СМИРНОВА, полковника ТАРАСОВА, полковника КАЗАКА; артиллеристы генерал-полковника артиллерии БАРСУКОВА, генерал-полковника артиллерии ХЛЕБНИКОВА, генерал-лейтенанта артиллерии НИЛОВСКОГО, генерал-лейтенанта артиллерии СЕМЕ-

кие солдаты и офицеры. Топча трупы своих товарищей, быстро, бегом, они выстраивались на улице в колонну по четыре человека.

— Веди! — приказал Данилов автоматчику.

А сама — вперед. Но из-за угла показалась зеленая стальная каска, сверкнула пара сторожких глаз, скрылась. Затем послышался восторженный крик:

— Свои!

Гвардейцы генералов Галицкого и Белобородова соединились.

Неподалеку дымилась цитадель. Казалось, что эта громада побывала в ступке — так была она сокрушена, так истолчена!

А по улицам тянулись бесконечные колонны пленных. Грязные от пыли подвалов, коричневые от кирпичной пыли, какие-то оранжевые и синие, они походили на толпы раскрашенных дикарей.

И зримо начиналась уже в городе новая жизнь.

На всех парах прикатила солдатская кухня и стала в укрытие у парадного подъезда дома, сплошь заросшего плющом, уставленного гранитными львами. Пожилой повар начал подкладывать дрова в печку. Он был в белом фартуке и даже в белом колпаке. Всюду торжествовала победа, всюду были сияющие лица солдат, но кашевар был мрачен.

Генерал в комбинезоне подошел к нему, спросил:

— Что изготовил для солдат?

— Изготовил-то хорошо, — ответил кашевар, — да что толку? Второй день готовлю, не знаю зачем. Не принимает солдат пищу. Вот, прямо под огонь привез, и уж сам на передовую ходил с термосом, а бойцы

НОВА, генерал-майора артиллерии ЩЕГЛОВА, генерал-майора артиллерии ВАСИЛЬЕВА, генерал-лейтенанта артиллерии БАЖАНОВА, генерал-майора артиллерии АЛЕКСЕЕВА, полковника СТРУЕВА, полковника АВРААМОВА, полковника ПАВЛОВА, полковника РАДЧЕНКО, полковника ТИЩЕНКО, полковника СЕРДОБОЛЬСКОГО, полковника ПОПОВА, генерал-майора артиллерии КАРСАНОВА, генерал-майора артиллерии КОЛОТИЛОВА, генерал-майора артиллерии ЯКОВЛЕВА, полковника КУЗНЕЦОВА, полковника ТУРЧАНИНОВА, полковника КОРОТУНА; танкисты генерал-полковника танковых войск РОДИНА, генерал-лейтенанта танковых войск СКОРНЯКОВА, генерал-лейтенанта танковых войск БУТКОВА, полковника ЛЕСОВОГО, полков-

ника МЕНЬШОВА, полковника ШМЫРЕВА, полковника ЦИНЧЕНКО, подполковника ПРОХОРЕНКО, подполковника ОХРИМЕНКО, полковника ПЕТРОВСКОГО, полковника КУЗНЕЦОВА; летчики Главного Маршала Aviации НОВИКОВА, Главного Маршала Aviации ГОЛОВАНОВА, генерал-полковника aviации ХРЮКИНА, генерал-полковника aviации ПАПИВИНА, генерал-полковника aviации САМОХИНА, генерал-лейтенанта aviации ДАГАЕВА, генерал-лейтенанта aviации ПЕРМИНОВА, генерал-лейтенанта aviации УШАКОВА, генерал-лейтенанта aviации ЛОГИНОВА, генерал-лейтенанта aviации НЕСТЕРЦЕВА, генерал-лейтенанта aviации СЧЕТЧИКОВА, генерал-майора aviации БЕЛОВА, генерал-майора aviации ИВАНОВА, генерал-майора aviации

говорят: «Иди к черту, не до тебя!..» Взял бы я автомат, да и пошел, как было в Сталинграде, — чего мне тут без дела стоять?

И он в надежде спросил:

— Может, откушаете, товарищ генерал? Ведь и победа борща требует.

Генерал покачал головой.

— Спасибо, братец! Не время...

В центре города, недалеко от Королевского пруда, размещался оперативный штаб коменданта кенигсбергской крепости генерала от инфантерии Ляша.

Генерал держался упорно.

Но надвигался конец.

Гвардия Галицкого ворвалась в центр с юга, и более тридцати часов продолжался последний натиск.

Это была агония Кенигсберга.

Вслед за артиллерийским и танковым ударами, вслед за атакой штурмовых батальонов наступала короткая пауза, и две-три тысячи пленных выползли из дыма со всех сторон. Поток иссякал. Новый удар. И очередная порция пленных.

В кварталах Кенигсберга родилось острое слово «выколачивать пленных!»

Вот идет очередная партия «выколоченных». Они с огромным белым флагом. Командует ими офицер. Подчеркнуто четкий шаг. Офицер отдает честь русским офицерам.

БОРИСЕНКО, генерал - лейтенанта авиации ТУПИКОВА, генерал-майора авиации ШЕВЧЕНКО, генерал-майора авиации НЕЧИПОРЕНКО, генерал-майора авиации ЗАХАРОВА, генерал-майора авиации МОЛОКОВА, генерал-майора авиации АЛЕКСАНДРОВА, генерал-майора авиации ЛЕБЕДЕВА, генерал-майора авиации БАЛАШОВА, генерал-майора авиации ЧЕМОДАНОВА, генерал-майора авиации БРОВКО, генерал-майора авиации ШИРОКОГО, генерал-майора авиации ТИХОНОВА, генерал-майора авиации НАБОКОВА, генерал-майора авиации БЛИНОВА, генерал-майора авиации КОРТАКОВА, генерал-майора авиации ГЛУЩЕНКО, полковника СКОК, полковника ПРУТКОВА, полковника ХАТМИНСКОГО, полковника ЗАКЛЕПА, полковника ЧУ-

ЧЕВА, полковника ЗИМИНА, полковника АНДРЕЕВА, подполковника САЖНЕВА, майора ДЕЛЬФИНО, полковника ЛЕБЕДЕВА, полковника БЕЛЛОГО, полковника ФОКИНА, полковника КУЧМА, полковника КУРБАТОВА, полковника РЫКАЧЕВА, полковника ПЛАХОВА, полковника ГОРЕЛОВА, полковника МАНЖОСОВА, полковника КУРОЧКИНА, полковника СЛЕПЕНКОВА; саперы генерал-лейтенанта инженерных войск БАРАНОВА, генерал-лейтенанта инженерных войск КОСАРЕВА, генерал-майора инженерных войск КОЛМАКОВА, генерал-майора инженерных войск МЕЛЬНИКОВА, генерал-майора инженерных войск ПОШЕХОНЦЕВА, генерал-майора технических войск СМИРНОВА, полковника ГРИГОРЕНКО, полковника МОРГУНОВА, пол-

За спиной колонны не умолкает бой.

Многообразная горячая жизнь, что пришла вместе с победой, наполняла столицу Восточной Пруссии. Наступал вечер. Наша артиллерия прекратила огонь. Во всем городе уже работали советские военные комендатуры. Возле них стояли толпы освобожденных русских людей — невольников этого проклятого города. Слышался радостный смех, музыка.

Но в центре гитлеровцы еще держались.

— Кончать! — приказал генерал Галицкий.

Глубоким вечером советские парламентарии пришли к Ляшу.

Генерал Ляш капитулировал. Атака Кенигсберга закончилась полной победой. Последняя штурмовая ночь и следующий день принесли 50 тысяч новых пленных — последних в Кенигсберге гитлеровских солдат и офицеров.

Железобетонная скорлупа Кенигсберга, или «ночная рубашка Кенигсберга», как любило прусское юнкерство называть укрепления своей столицы, была действительно крепко сработана. Но нашелся мастер, который сумел вскрыть скорлупу, «перекроить» дьявольскую рубашку и сдать ее в утиль вместе с прусским государством.

Победа! Сокрушена прусская твердыня.

Это победа советского солдата, советского военного таланта, победа советской военной науки.

*Кенигсберг,
12 апреля 1945 года.*

ковника ЛУКАШЕНКО, полковника СОКОЛОВА, полковника КОРОТКОВА, подполковника ТИМОШЕНКО, подполковника ЧЕРЕПАНОВА; связисты генерал-лейтенанта войск связи БУРОВА, генерал-майора войск связи БАБКИНА, полковника ДАВЫДЕНКО, полковника ЗАХАРОВА, полковника ТЕЙКОВЦЕВА, подполковника ЦЫЛБОВА.

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за овладение городом и крепостью Кенигсберг, представить к присвоению наименования «Кенигсбергских» и к награждению орденами.

Сегодня, 9 апреля, в 24 часа столица нашей Родины МОСКВА от имени Родины салютует доблестным войскам 3-го Белорусского

фронта, завершившим разгром кенигсбергской группы немецких войск и овладевшим городом и крепостью КЕНИГСБЕРГ, двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трехсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия ОБЪЯВЛЯЮ БЛАГОДАРНОСТЬ руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за овладение городом и крепостью КЕНИГСБЕРГ.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

9 апреля 1945 года. № 333.

ГЛУБИНА ФРОНТА

Через несколько часов после тяжелого боя, когда танкисты и пехотинцы передохнули от многодневных атак, один из бойцов-пехотинцев постучал кулаком в броню танка и закричал:

— Подымайся, народ! Поедем дальше.

Он сказал это очень просто, понимая, что надо поторапливаться. Но и сам улыбнулся своим словам и особенно слову «поедем». Оно рассмешило всех, кто стоял, сидел или лежал рядом, отдыхая от непрерывного и трудного движения последних дней. Дремавшие проснулись, удивляясь спросонья общему веселью. Тишина схлынула. Люди зашевелились, смех пошел гулять по всем закоулкам, хотя причина его еще не каждому была ясна, и многие смеялись, оттого что рядом кто-то очень громко и заразительно хохочет.

— Так ты говоришь, ехать? — спрашивал один из танкистов стучавшего кулаком по броне солдата. — Ты посмотри, кому ты говоришь. Это ж не вол и не лошадь, милый ты человек. Это же танк — двигатель внутреннего сгорания, главный механизм наступления.

Всем ужасно понравился прыткий пехотинец, торопивший «поехать», и уже многие на все лады повторяли его слова, обращаясь к танкистам. Люди оживились, забыли о своей усталости, о пяти или шести днях долгого боя в глубине Восточной Пруссии, о бесконечных линиях обороны, которые они взламывали. Простодушное слово «поедем» потому и развеселило всех и в первую очередь танкистов, что под «ездой» пехотинец подразумевал не простое движение, а наступление, и спрашивал он, когда же танки снова поведут за собой действующую вместе с ними пехоту. В том, как просто и весело боец выразил свое нетерпение, и в том, как охотно его товарищи, еще недавно придавленные к земле тяжелой усталостью, присоединились к нему и стали с хохотом донимать танкистов, — во всем этом сказалось общее для всей нашей армии в эти дни бодрое и счастливое чувство победы.

Война стала не легче, а тяжелее оттого, что перешли на землю врага. Не только Кенигсберг, вся Восточная Пруссия — крепость, замаскированная на картах господскими дворами и фольварками. Ее приходится брать метр за метром, камень за камнем. Но войска не думают об усталости и тянутся к бою. Те же танкисты, потешавшиеся над молодым пареньком, торопившим «ехать», знали, что значит такая «езда». Тан-

кисты начинали бой в Пруссии не так, как обычно, когда их вводят в уже пробитые щели в полосе вражеской обороны. Границы Восточной Пруссии они прогрызли вместе с артиллерией и пехотой — траншею за траншеей, в дьявольском лабиринте укреплений, дотов, врытых в землю стальных бастионов, связанных в одну систему губительного, смертоносного огня. Лабиринт смерти уходил далеко в глубь Пруссии и встал в густую, как Млечный Путь, толщу прусских каменных дворов и поместий, способных выдержать удары артиллерийских снарядов.

Немцы справедливо считали Восточную Пруссию районом сплошной, ничем не пробиваемой обороны. И разве могли они предполагать, что на четвертом году самой изнурительной и небывало жестокой войны на них двинется здесь такая исполинская, не истраченная, а возросшая в испытаниях мощь, как Красная Армия 1945 года? Здесь на штурм сотнями тысяч снарядов шла ненависть Урала. Здесь Волга шла на великое мщение. Здесь народ наш рушил германскую оборону оружием, какого у немцев не было и не будет: обширной, смелой мыслью своих полководцев, неутомимой яростью своих солдат, организационным опытом всей страны, бросающей в Пруссию через огромные пространства России сотни и тысячи поездов с орудиями, танками, снарядами, самолетами, бомбами, от которых трещал прусский лабиринт смерти.

И там, под Кенигсбергом, поднимается с мокрой земли сморщенный солдатским сном пехотинец и стучит в броню танка и торопит: «Поедем дальше, танкисты!» Русский человек не любит пышных слов перед боем. Он сдобрит свою речь шуткой, но он знает, что значит такая «езда». Он видел танк Митрофана Варибока после одной из многих атак на этой земле. Старший лейтенант Варибок вел свой танк на немецкую батарею, преграждавшую путь нашей пехоте. Танк его был подожжен снарядом. Экипаж задыхался в дыму. Пламя рвалось внутрь кабины. Обожженные люди знали, что, может быть, через две-три минуты они погибнут, но они видели — впереди батарея, которая бьет наших, которую нужно уничтожить, раздавить. Варибок продолжал вести танк вперед. Издали было видно, как из люка выскользнул один из танкистов. Стоя на мчавшемся танке, он сбивал пламя шинелью. Огонь приближался к запасным бакам с горючим. Как демон мщения с огненными крыльями, танк Варибока летел к фольварку. Задыхающиеся, полуслепые танкисты ворвались в каменное гнездо фольварка. Немцы еще метались у пушки, когда, перегрызая зубьями гусениц немецкую орудийную сталь, пылающий танк подминал под себя стволы орудий, кузовы автомобилей, снарядные ящики и тех, кто еще минуту назад стрелял в нашу штурмующую пехоту.

Когда черный, страшный, покрытый ржавой опалиной танк Варибока вырвался из вражеского гнезда, путь для пехоты был открыт. Еще били с соседних фольварков пулеметы, но ядро немецкой обороны на этом километре рухнуло. Такие же черные, как танк, люди Варибо-

ка вышли наружу. Одежда тлела на них. Судорожно глотая воздух и грязный от пепла снег, они сбивали пламя, и сбили. Варибок пытался подать голосом команду. Но из горла, разъеденного горячим дымом, вырвался невнятный хрип.

Он не мог говорить. Он ткнул рукой вперед и стал забираться в люк. Танк Варибока, обожженный, закопченный, не остывший от пламени, остался в бою и влился в грохочущий вал наступления. Следом за танками шла пехота. Со свистом и шелестом пронеслись тысячи наших снарядов, и это был как бы шелест крыльев победы, летящей над войсками великого штурма.

Немцы в Восточной Пруссии еще пытаются вырваться из кольца. Февральская ростепель нагнала воду на балтийский лед. У немцев нет выхода — только в контратаку. На смерть их гонят — они идут. Их офицеры до сих пор не могут поверить в реальность грандиозного по размаху и смелости маневра Красной Армии, вышедшей к морю и забравшей в кольцо всю Восточную Пруссию, с сотнями ее городов и поместий.

— Мы уверены были, что прорвемся, — угрюмо твердил на допросе один из них. — В военной истории не было примеров такого невероятного окружения. За короткий срок немыслимо сомкнуть кольцо вокруг большой германской провинции. При этом должны были пострадать плотность и глубина вашего фронта, и я верил, что мы прорвемся. Да, еще вчера я верил...

Он говорит о глубине советского фронта. Но разве способен этот вытуженный немецким шаблоном механический человек судить о подлинной глубине нашего фронта? Она создается движением громадных масс — людей, танков, орудий, направленных вдохновенной и в то же время строгой мыслью полководцев Красной Армии.

Я проезжал через не так давно взятый прусский город. На железнодорожных путях свистели советские паровозы. Путейцы быстро и деловито монтировали разбитые семафоры, восстанавливали стрелки. Сотни людей трудились на станциях, службах и в мастерских. Взорванная, разбитая гитлеровцами станция уже принимала с запада поезда, набитые пленными немцами. Старенький машинист, сняв замасленную фуражку, вытирал платком лысину и бурчал, кивая на вереницу красных товарных вагонов, из которых высывались пленные:

— Немцы из-под Кенигсберга свежие, а я из Смоленска. Вот какие, значит, дела.

Через несколько часов мы прибыли на другой конец фронта, проехав всю его глубину — от возникающего из пепла железнодорожного узла до того края, где прорывается очередной пояс вражеской обороны. Глубина советского фронта измеряется не только пространством и количеством войск, но и мыслями, чувствами воинов, их поведением.

Здесь, в огне непрерывно тяжелого штурма, я видел воронку от снаряда. Края ее были отшлифованы телами людей, сидевших и работавших в ней двое суток. Воронка находилась тогда впереди расположения наших войск — неглубокая яма на так называемой «ничейной земле», лежавшей между нашими и неприятельскими позициями. Трудно сказать, как пробрались сюда наши люди по земле, вздымаемой роем снарядов и пуль. Они считали это необходимым, и они это сделали. Им уже не было выхода ни вперед, ни назад. Второй раз так испытывать судьбу невозможно. Они остались в воронке и пробыли в ней два дня и две ночи — маленький форпост Красной Армии.

Им было очень холодно. Они сидели в талой воде. Перед рассветом мокрые шинели покрылись коростой льда. Размяться, согреться не было возможности: лежали, плотно прижавшись к земле, и если бы кто-нибудь неловко высунул руку за края тесной ямы, пальцы и кисть раздробило бы пулями. В воронке лежали артиллеристы — майор Ведегуров с бойцами взвода управления. С ними был радист, бывший повар Силинский, которому было труднее, чем остальным: он был изнежен кухонным теплом. Но теперь он сидел в мокрой, холодной грязи и работал, как все. Тонкий телефонный шнур и радиоаппарат в деревянном ящике — вот все, что связывало эту группу наших людей с большой жизнью фронта. А разъединял их с этой жизнью ураганный огонь.

Они работали в своей яме, они направляли залпы батарей дальноточных орудий на препятствие, которое надлежало разбить силами артиллерии. Только они могли видеть это препятствие и результаты стрельбы, и потому они сидели в этой воронке, несмотря на то, что инстинкт самосохранения давил на их волю, толкал, тащил, гнал их из этой ловушки. Таких ям и воронок, таких гнезд наблюдения много на линии фронта, и люди, которые заползают в них, это — глаза, уши бога войны, бесчисленных батарей, исполинского и сложного механизма, ломающего на пути Красной Армии германскую оборону.

Сорок восемь часов провели эти люди под огнем на «ничейной земле». Когда кто-нибудь начинал замерзать и, теряя власть над собой, поднимался, чтобы размять онемевшее тело, его вталкивали вниз и силой прижимали к земле. У радиста руки окоченели. Когда он работал, пальцы стучали, как деревянные. Но он передал все, что нужно было. Потом у людей, окруженных с трех сторон немцами, хватило воли и силы, чтобы на исходе вторых суток выползти из ямы и выгнать из ближнего хутора последних застрявших там немцев. Связисты Комаров, Новиков, Валихмедов забрались на крышу крайнего дома, сбросили вниз немецкого пулеметчика и из его же пулемета били по окнам, дверям, амбразурам соседних домов.

Маленькая воронка на «ничейной земле» и люди, сидевшие в ней, сделали свое дело. Сотни орудий ударили по вскрытым укреплениям

противника, и только после того, как они были разрушены, люди майора Ведегурова, почти не владея отяжелевшими от стужи ногами, спотыкаясь и падая, пошли в свой дивизион, чтобы отогреться и назавтра снова начать свою обычную в этой обстановке работу.

Глубина советского фронта на германской земле определяется не только пространством, но и волей наших людей. Немцам этого не понять. Они твердят: «Это невозможно. Такого не было в истории войн». Такого не было. Красная Армия сделала это возможным силой народного гнева, велением сердца, зовущего мстить, пламенной мыслью своих полководцев.

«От Москвы 1670 километров», — читает боец надпись на столбе.

Своими ногами боец прошел весь этот путь. В сорок первом году его ранило в бою под Москвой, но он лечился, вернулся в армию. Три года был в непрерывных боях, теперь он идет по дорогам Восточной Пруссии. В его памяти глубина советского фронта уходит к предместьям Москвы, где он пролил свою кровь, где томила его жгучая боль отступления, где глубокий след оставило в нем зрелище разоренной врагом русской земли, осиротевших детей, женщин, раздавленных немецкими танками, стариков, заживо сожженных в крестьянских домах. В его простых мыслях это и есть глубина советского фронта: вся война, вся страна, весь народ — от Москвы 1670 километров.

Он говорит:

— Моя дорога! Всю сам прошел.

Разве он отдаст контратакующим смертникам Гитлера хотя бы один метр этой дороги великого мщенья?

Ему встречается русская женщина. За плечами у нее узел с вещами. Она спрашивает:

— Пройду я здесь на Смоленск?

Он отвечает:

— Далеко, гражданка, но теперь доберешься, дорога тебе свободная.

Из глубины Восточной Пруссии он показал ей путь на Россию, к Смоленску. Это право он завоевал подобно миллионам таких же, как он, солдат Красной Армии.

В ГЛУБЬ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ

За короткое пребывание в пограничных районах Восточной Пруссии бойцы хорошо поняли, что это за страна. Правда, войска, вторгшиеся на вражескую землю, застали безлюдными немецкие города и деревни, фольварки и господские двory. Но то, что осталось от бежавших, красноречиво рассказывало о владельцах.

Многое поведали бойцам ростсельмашевская молотилка, обнаруженная на усадьбе немецкого кулака Бекера, плуги, косилки, водоразборные колонки, мебель с марками советских заводов и фабрик. Бойцы наглядно убедились, куда шло добро из разграбленных немцами наших городов и сел.

Еще больше рассказали советские люди, угнанные немцами из родных мест и проданные в рабство прусским помещикам. Те из них, что не смогли избежать угона в глубь Германии, оставляли записки бойцам, скорбные письма, надписи на стенах. И у того, кто видел и слышал это, могло быть и было одно желание — скорее вперед, к жизненным центрам Восточной Пруссии, этой страны рабовладельцев, пере-

ДОКУМЕНТЫ ТЕХ ДНЕЙ

П Р И К А З ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАН- ДУЮЩЕГО

**командующему войсками
3-го Белорусского фронта
Маршалу Советского Союза
ВАСИЛЕВСКОМУ,
начальнику штаба фронта
генерал-полковнику ПОКРОВСКОМУ**

Войска 3-го Белорусского фронта сегодня, 25 апреля, овладели последним опорным пунктом обороны немцев на Земландском полуострове — городом и крепостью ПИЛЛАУ — крупным портом и военноморской базой немцев на Балтийском море.

В боях за овладение городом и крепостью ПИЛЛАУ отличились войска генерал-полковника ГАЛИЦКОГО, генерал-майора ЛЕДНЕВА, генерал-майора ГУРЬЕВА, генерал-лейтенанта СЕМЕНОВА, генерал-лейтенанта КОШЕВОГО, генерал-лейтенанта ЗАВODOVСКОГО, генерал-майора ТОЛСТИКОВА, генерал-майора ПЕТЕРСА, генерал-майора ЦЫГАНОВА, генерал-майора ПРОНИНА, генерал-майора КАРИЖСКОГО, генерал-майора ЧЕРНОВА, генерал-майора БУРМАКОВА, генерал-майора ЩЕРБИНА, генерал-майора МАСЛОВА; артиллеристы генерал-лейтенанта артиллерии СЕМЕНОВА, полковника КУЗНЕЦОВА, полковника СТРУЕВА, полковника СЕРДОБОЛЬСКОГО, пол-

трясти до основания разбойничье гнездо. И вот долгожданный момент настал. После относительного затишья на этом участке фронта войска генерала Черняховского перешли в наступление. Снова заговорила полным голосом наша артиллерия. Она билa по заранее разведанным и нанесенным на карту долговременным укреплениям, блиндажам, огневым точкам, батареям, сплошными разрывами накрывала лабиринты траншей и ходов сообщения.

Немецкий солдат 913-го полка 349-й пехотной дивизии Бартц оказался в плену в первые же часы боя. Он говорит:

— Действие русской артиллерии ужасно. Я все время лежал в траншее, засыпанный землей. Снаряды рвались рядом, и я каждую минуту ожидал смерти. Ничего нельзя было сделать. Я очнулся, когда уже пришли русские. Но после пережитого мне уже было все равно.

Вот свидетельство немецкого офицера лейтенанта Франца Розеву:

— В моем взводе было 18 солдат. Восемь из них были ранены во время артиллерийской подготовки, а остальные сдались в плен. Вся наша рота по существу была уничтожена. Мне никогда еще не приходилось испытывать огонь такой страшной силы.

Это на переднем крае. О том, что происходило в глубине обороны, рассказывает Карл Бааб:

— Огонь был очень силен и бил прямо по нашей минометной батарее. Прямым попаданием снаряда был уничтожен блиндаж, в котором находились командир взвода и три солдата. Все они были убиты. Затем были разбиты два миномета и возле них убиты восемь солдат. Я и еще

ковника МИРОНОВА; танкисты полковника ЛЕСОВОГО, полковника КОЗИКОВА, подполковника КИСЕЛЕВА, подполковника РОЖКОВА, подполковника КАЙДАШ, подполковника КАРТАШЕВА, подполковника ЕМЕЛЬЯНОВА; летчики генерал-полковника авиации ХРЮКИНА, генерал-полковника авиации ПАПИВИНА, генерал-полковника авиации САМОХИНА, генерал-лейтенанта авиации БЕЛОВА, генерал-лейтенанта авиации ДАГАЕВА, генерал-майора авиации СМИРНОВА, генерал-лейтенанта авиации УШАКОВА, генерал-майора авиации ИВАНОВА, генерал-майора авиации ПРУТКОВА, генерал-майора авиации ХАТМИНСКОГО, генерал-майора ави-

ации ШЕВЧЕНКО, генерал-майора авиации ЧУЧЕВА, генерал-майора авиации НЕЧИПОРЕНКО, генерал-майора авиации ЗАХАРОВА, генерал-майора авиации МОЛОКОВА, генерал-майора авиации САНДАЛОВА, генерал-майора авиации КОТЛЯРА, генерал-майора авиации АНДРЕЕВА, генерал-майора авиации АЛЕКСАНДРОВА, полковника ШИНКАРЕНКО, полковника ФОКИНА, полковника КУРБАТОВА, полковника КУЧМА, полковника МАНЖОСОВА, полковника КУРОЧКИНА, подполковника СЛЕПЕНКОВА, подполковника ЗАКЛЕПА, подполковника САЖНЕВА, майора ДЕЛЬФИНО; моряки вице-адмирала ВИНОГРАДОВА, капитана 1 ранга

два солдата спрятались в уцелевшем блиндаже. Из пяти наших блиндажей — три были разрушены.

Сотни немцев уже ничего не могут сказать — их трупами завалены траншеи и особенно ходы сообщения и тропинки, ведущие в тыл. Дело в том, что немецкое командование приказало солдатам на случай нашей артподготовки отходить в третью и четвертую траншеи. Но сигнал об отходе запоздал, и артиллерийский огонь, накрывший вражескую оборону на значительную глубину, многих солдат застал в пути.

Для Восточной Пруссии характерна резкая смена погоды. Солнечный день быстро сменяется туманным. Так было и в этот день. К моменту атаки вдруг осевший туман ограничил видимость до 150—200 метров. Это совершенно исключало действие авиации, затрудняло дальнейшую работу артиллерии и ограничило применение танков. Но нет преград для советской пехоты. Под покровом тумана наши подразделения скрытно сосредоточились вблизи немецких позиций и внезапно атаковали гитлеровцев. Туман помогал незаметно для врага обходить его укрепления там, где их не удавалось взять в лоб. Орудия сопровождения на руках подкатывались к немецким дотам и били в упор.

Тактика немцев, состоявшая в том, чтобы отвести основные силы в глубину обороны и там дать решающий бой, была разгадана нашими командирами. Расчетам врага они противопоставили тактику стремительного удара в глубину, не дающую возможности противнику привести себя в порядок ни в третьей, ни в четвертой траншее. Специально выделенные подразделения очищали от мелких групп врага первую и вторую траншеи, а основная масса атакующих устремлялась вперед

КУРНИКОВА, капитана 2 ранга КРОХИНА; саперы полковника ГРИГОРЕНКО, полковника СОКОЛОВА, подполковника КАЛЬНИЦКОГО, майора СТЕПУКА, майора БРАДУЛИНА, капитана ИВАНОВА; связисты полковника ДАВЫДЕНКО.

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за овладение городом и крепостью ПИЛЛАУ, представить к награждению орденами.

Сегодня, 25 апреля, в 23 часа столица нашей Родины МОСКВА от имени Родины салютует доблестным войскам 3-го Белорусского фронта, овладевшим городом и крепостью

ПИЛЛАУ, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия ОБЪЯВЛЯЮ БЛАГОДАРНОСТЬ руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за овладение городом и крепостью ПИЛЛАУ.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

25 апреля 1945 года. № 343.

и сразу же навязывала немцам рукопашный бой на значительной глубине обороны.

В системе обороны противника были также мощные опорные пункты, состоящие из долговременных укреплений, сплошных минных полей, фольварков и хуторов.

Об этих хуторах следует сказать особо. В большинстве своем это так называемые новые крестьянские поселения. Немцы наделяли здесь довольно крупными участками земли участников войны 1914—1918 гг., а после прихода к власти Гитлера — эсэсовцев и штурмовиков. По устройству этих хуторов можно судить, что их строили не архитекторы, а военные инженеры, которые заботились главным образом не об удобствах быта, а о военных целях. Хутор обычно занимает господствующее положение на местности. Окна легко превращаются в амбразуры, чердак — в наблюдательный пункт, подвал — в убежище.

Ряд таких мощных опорных пунктов был блокирован и обойден нашими подразделениями, а затем взят штурмовыми группами.

Уже во второй половине дня противник стал бросать в контратаки пехоту и танки. Однако все контратаки были отбиты. В результате боев в первый день наступления в условиях плохой погоды наши войска вклинились в долговременную оборону противника.

Бои не прекращались и ночью. На одном участке продвижение задерживал мощный опорный пункт Каттенау, господствующий над окружающей местностью... Ночью он был атакован и взят нашими штурмовыми группами.

С наступлением дня немцы стали предпринимать ожесточенные контратаки, стремясь восстановить положение. На участке в восемь километров они бросали в бой до трехсот бронеединиц. Завязались исключительно тяжелые бои. Основная тяжесть легла на артиллерию. Расчеты работали с огромным напряжением. Некоторые орудия так накалялись, что после выстрела переставали выбрасывать гильзу. Немцы потеряли свыше 50 танков, но продолжали лезть.

Перед вечером, когда погода улучшилась, над полем боя появились крупные массы нашей авиации. На контратакующего противника обрушились мощные бомбовые и штурмовые удары. Артиллерия врага замолчала. Только после этого контратаки пошли на убыль, а вскоре и вовсе прекратились.

Одновременно шли бои по расширению и углублению прорыва. На правом фланге немцы особенно упорно сопротивлялись в городе Пилькаллен. Это узел шоссейных дорог. В городе есть здания старинной кирпичной и каменной кладки, отличающиеся большой прочностью. Все они в сочетании с дотами и траншеями были приспособлены к длительной обороне.

Батальон капитана Касимова стремительной атакой ворвался на юго-западную окраину города и завязал бой на вокзале и кирпичном

заводе. Здесь основная роль принадлежала штурмовым группам, вооруженным гранатами, взрывчаткой, бронебойными ружьями. Рота старшего лейтенанта Сысойкина перерезала шоссе и проникла на улицы города. Дальше путь преградили немцы, засевшие в мельнице и церкви. Уличный бой шел днем и ночью. Группа старшего сержанта Плотникова гранатами перебила гарнизоны двух особенно важных укрепленных огневых точек. К утру в руках наших бойцов были наиболее крупные здания: вокзал, кирпичный завод, мельница, церковь. Но немцы продолжали сопротивляться.

К этому времени другие наши подразделения прорвали оборону противника южнее города и затем, повернув на северо-запад, перерезали вторую шоссеиную дорогу. Назревал маленький «котел», и это подействовало на немцев. Вскоре город был очищен от противника. С падением Пилькаллена немцы сразу же откатились на десяток километров. Прорвав полосу вражеских укреплений, наши войска подошли ко второй линии, так называемому Гумбинненскому рубежу, с ходу овладели его несколькими опорными пунктами и подошли вплотную к городу Гумбиннену, окружному центру Восточной Пруссии.

*«Комсомольская правда»,
20 января 1945 года*

Е. ВОРОБЬЕВ

ОКОПНАЯ НОЧЬ

До пулеметчика Вохминцева мы добрались, когда стемнело. Связной, которого здесь называли начальником штаба, пополз обратно, а я неловко спрыгнул в окоп и представился хозяину.

С трудом можно было рассмотреть лица Вохминцева и его соседей. Пospешный вечер уже затушеввал румянец на щеках, обожженных морозным ветром. Не видно губ, не различить цвета глаз.

Иван Михайлович Вохминцев — человек приветливый. Он держит себя в окопе, как домовитый хозяин, к которому пришел гость. Впрочем, в этом нет ничего удивительного — окоп Вохминцева для него на самом деле обжитой дом. Он и двигается в окопе как-то по-хозяйски,

неторопливо, не суетится, знает, где что лежит, и на ощупь может найти в нишах, на дне окопа все, что нужно.

«Максим» расчехлен, и его сильное тело хорошо вычерчивается на фоне снега. Вечер успел перекрасить снег в серый цвет.

Вохминцев совмещает обязанности командира расчета и наводчика. Василь Лещенко — второй номер, а Мехтиханов и Егармин — подносчики патронов.

Лещенко больше всех заинтересован появлением в окопе нового человека, он общителен и даже не в меру словоохотлив. Поскольку я пришел из штаба батальона, Лещенко относится ко мне, как к человеку из глубокого тыла и почти штатскому.

— Пулемет наш — кинжального действия, — солидно, стараясь говорить басом, объясняет Лещенко. — Конечно, если пятая рота попросит прикрыть ее огнем, — какой разговор? Вот она, запасная площадка. Почему не прикрыть? Но тогда мы уже получаем название — фланкирующий пулемет.

Даже в полутьме видно, как светятся его глаза. Лещенко упивается военными терминами, он жаждет прослыть завзятым пулеметчиком.

— А сколько вам лет, Лещенко?

Оживление собеседника сразу спадает.

— Девятнадцать скоро.

— Воюете давно?

— Третий месяц, — грустно говорит Лещенко, чувствуя, что его ореол бывалого воина быстро тускнеет.

Он забыл, что для солидности пытался разговаривать басом, и теперь, даже когда Лещенко говорит вполголоса, угадывается его мальчишески звонкий голос.

— Уже третий месяц? Порядочно. Значит, все-таки не новичок, — говорю я.

Лещенко сразу веселеет.

Потом мы стоим на ступеньках, навалившись грудью на окопную стенку. Земля промерзла и совсем не осыпается. Где-то впереди, на расстоянии 400 метров — немецкие окопы. Но сейчас ничего не видно, кроме вспышек, мерцания и сполохов огня — света переднего края.

Слева от окопа и впереди — поле, укороченное темнотой. Справа виден строгий профиль сосны, а подалее — столб высоковольтной линии электропередачи. Верхушка столба с изолятором в виде петли — заморского покроя, у нас таких нет. Сейчас верхушка не видна, но я знаю, как она выглядит, потому что такие же столбы-близнецы остались за спиной.

Рядом стоит и наблюдает Егармин, он самый низенький. Ступенька у него выше, чем у других.

— Тебе, наверно, и в кино за соседями ничего не видно, — подшучивает над Егарминым Мехтиханов. — Тебе, душа моя, нужно в пер-

Д Е Н Ъ З А Д Н Е М...
ОТ СОВЕТСКОГО
ИНФОРМБЮРО

19 января

Войска 3-го Белорусского фронта, перейдя в наступление, при поддержке массированных ударов артиллерии и авиации прорвали долговременную, глубоко эшелонированную оборону немцев в Восточной Пруссии и, преодолевая упорное сопротивление противника, за пять дней наступательных боев продвинулись вперед до 45 километров, расширив прорыв до 60 километров по фронту.

В ходе наступления войска фронта штурмом овладели укрепленными городами Пилькаллен, Раснит и сильными опорными пунктами обороны немцев Шилленен, Лазденен, Куссен, Науенингкен, Лангветен, Краупишкен, Бракупенен, а также с боями заняли более 600 других населенных пунктов и среди них Унтеррайсельн, Каллвеллен, Гирренен, Шуппинен, Драугупенен, Эдеркемен, Кармонен, Шоршинен, Грос-Клайн, Зодинелен, Аугштупенен и железнодорожные станции Грос-Шоллен, Раутенберг, Науенингкен, Тракенен, Грос-Клайн.

В ходе боев немцы понесли огромные потери в живой силе и технике. По неполным данным, нашими войсками за время наступления уничтожено до 300 танков и 600 орудий противника. Только убитыми немцы потеряли тысячи своих солдат и офицеров.

Наша авиация непрерывно наносит бомбо-штурмовые удары по скоплениям вражеских войск, по укреплениям противника и железнодорожным станциям. Советские летчики за пять дней наступления в воздушных боях сбили 123 немецких самолета.

вый ряд с ребенками садиться. Во-первых, удобнее, во-вторых, дешевле.

На меня Егармин не обращает никакого внимания, он занят своим делом.

— Наш снайпер, — шепчет мне Лещенко, кивая на Егармина. — Свой личный счет содержит.

Справа от нас начинают перепалку наши и немецкие пулеметы, к ним присоединяются автоматы. На ступеньку подымается Вохминцев и тоже вглядывается в серую мглу, подступившую к самому брустверу.

Ничего не видно, кроме всплесков огня. Почему-то сразу зябнет спина, хочется втянуть голову поглубже в плечи, а еще лучше спрятаться на дне окопа. Но все стоят и наблюдают.

Перестрелка стихла так же внезапно, как и началась.

У пулемета остается дежурить Лещенко, а Иван Михайлович начинает хлопотать по хозяйству. Он перетряхивает слежавшуюся солому в углу окопа, сверху прикрытого плащ-палаткой. Это довольно уютный закуток: парусиновая кровля, с трех сторон — земля, а с четвертой — полог из той же плащ-палатки. Два патронных ящика служат мебелью. В глубокой нише, рядом с гранатами, — котелки.

Мы усаживаемся на ящики и скручиваем сигарки. Вохминцев делает это ладно, со сноровкой, и можно поручиться, что он не просыпал в темноте ни крошки табаку.

Разговор завязывается не сразу. Вохминцев то и дело откидывает полог и настороженно прислушивается. Если он слышит что-нибудь подозрительное, то идет к пулемету, но вскоре возвращается.

— Все в порядке! — кричит он, хотя мне кажется, что где-то по-соседству началось светопреставление.

Когда перестрелка затихает и снова можно говорить, а не кричать, я спрашиваю:

— А скажите, Иван Михайлович, сколько окопов сменили вы за войну? И где пришлось вам первый раз взяться за лопатку? Или забыли тот день?

Вохминцев отвечает не сразу и долго сидит в раздумье, прежде чем ответить.

— Солдата, который не помнит своего первого окопа, — нет. Для пехотного человека первый окоп — все равно, что для летчика первый раз самому в воздух уехать или саперу первую мину своими руками разоблачить. На всю жизнь зарубка в памяти. В первый раз взялся я за лопатку и с непривычки руки попортил, а было это у деревни Скирманово, на Волоколамском шоссе. Деревня, можно сказать, подмосковная. Земля тогда мерзлая была, лопатка звенит, даже искры высекает. Все руки расквоянил. Кто их считал, окопы эти? Может, двести, может, триста раз сменил я квартиру. Копал окопы под Белгородом. Та земля особа каменная, будто в нее кто цементу подмешал. На Орловщине земля повеселее. До седьмого пота работал лопаткой на Смоленщине, земли там у нас незавидные — супеси, суглинки. Встречались и болотистые почвы, это — в Белоруссии. Намаялись, когда к Неману подошли, одни пески. Ты окоп роешь, а он наподобие воронки, того и гляди пулемет песком засыплет. Котелками, касками песок выгребали, а стенки отдельно мастерили... Доводилось в одном окопе по два месяца жить — каждый камешек заучишь, каждую травинку на бруствере. А когда немцев через Белоруссию прогоняли — поверите ли? — ни разу окопа полного профиля не отрыли. Все некогда было «максиму», катил и катил вперед. В Пруссии, от Гумбиннена почти до моря Балтийского дошли, только три раза лопатки доставали. Больше в немецких траншеях сидели. Земля ледниковая, а морозы такие, будто мы их сюда из Сибири привезли.

Вохминцев умолк и прислушался — ничего подозрительного, по-прежнему все в порядке.

— Между прочим, знаете? — продолжал Иван Михайлович доверительно. — Человек с окопом по-разному прощается. Лещенко уходит из окопа — даже не оборачивается. Мехтиханов же вперед торопится, но всегда при этом огорчается. Труда своего жалко? Или быстро к жилью привыкает? Все-таки земля эта уберегла его от пули, от осколка, а дойдет ли он до нового окопа — еще неизвестно. Егармину — тому безразлично: если немцев из того окопа удобно было караулить — жалеет. Он у нас человек пристрастный к стрельбе. Скажу про себя. Прежде чем окоп покинуть, я его осмотрю, попрощаюсь с ним честь честью. Может, туда другие пехотные люди придут. Пусть живут в нашем окопе

на всем готовом! Я даже, были случаи на Смоленщине, карточку стрелковую для пулеметчиков оставлял в окопе — ориентиры, расстояния обозначены... Ну, а восемнадцатое октября прожитого года — особый день. Первый раз в немецкой земле окоп вырыли. Земля, как земля, обыкновенный суглинок. Это Мехтиханов у нас думал, что немецкая земля какая-то особенная, другого рецепта. Он ее, когда границу переходили, даже в руках помял и понюхал.

Иван Михайлович снова свернул сигарку, достал огня. Лицо его показалось при свете спички сильно загоревшим, почти бронзовым. Затянувшись вдосталь, несколько раз подряд, он оживился.

— Сколько мы уже по этой чужой земле отшагали, сколько наших людей из каторги отвоевали! Недавно тут мужичок один смоленский прямо на батарею из рожи выехал через фронт. От помещика на телеге ускакал, и дочери при нем. Тулупы на них все в латках, старые, домашние. Мужичок мимо войска едет и все шапку снимает, благодарит. Снег метет, пурга, а он без шапки, все благодарит. Барышни на телеге то плакать принимаются, то смеются. И ведь куда путь держат — в Дорогобуж-город! Чуть не с того света возвращаются. Несметная сила русского населения идет по дорогам. И все домой торопятся. Да и не одни наши русские. Разных наций люди шагают. Выходит, что самый-то первый освободитель Европы — наш брат, красноармеец. К примеру, моя дорога от Москвы пролегла, а Мехтиханов и вовсе от Кавказских гор сюда дошел. И может, каждый из нас сто раз мимо своей смерти прошел, может, локтем ее задел, а все-таки не отстал от дела. Ведь в чем вся суть? А в том, что мы торопились воевать, не мешкали, на отдыхе не задерживались больше, чем полагается, на привале не жили и не искали чужой спины, которая пошире, чтобы за нее схорониться. Вот потому-то мы и успели раньше всех союзников: Освободили и девчат наших смоленских и все европейские нации от колючей проволоки, от решетки, а кого и от веревки... Между прочим, у нас в расчете в коммунистах только Егармин находится, и Лещенко на подмоге у него, комсомолец. А когда под Витебском на высоте дело дошло до рукопашной и политрук наш крикнул клич: «Коммунисты, вперед!» — мы поднялись и побежали всем расчетом. Как раз Егармин после той высотки заявление в партию представил, а до того случая тоже в беспартийном звании воевал...

С тяжелым шелестом пролетает над окопом снаряд. Он разрывается с сухим треском. Земля промерзла, воронка будет мелкой, а разлет осколков — большим. Вохминцев подымается и идет по окопу посмотреть, что и как, я иду следом.

Мрак окутал окоп со всех сторон. Немцы жгут ракеты, пытаюсь раздвинуть черную толщу ночи. Кажется, почти сверхъестественным, что в такую ненастную туманную ночь светится одинокая звезда. Она похожа на трассирующую пулю, замершую в своем полете.

Пулеметчики пятой роты ведут дуэль с немцами. Егармин бьет трасирующими пулями туда, где вспыхивает огневая точка немцев. Зеленые светлячки указывают цель.

Немцы, видимо, засекли Егармина, потому что пули начинают зло мяукать над нашими головами. Пули поют на два голоса. Те, что идут рикшетом, — более низкого тона.

Благословенна земля, верная защитница солдата, благословен глубокий окоп, в котором можно укрыться с головой!

— Опять наш Григорий вызвал немцев на откровенность, — говорит Вохминцев. — А может, они наш пулемет подозревают...

— Точно! Мы ведь на самом главном направлении стоим, — вмешивается Лещенко. — Соседи только флаги прикрывают, а всей группировкой командует наш комбат.

Солдату всегда хочется думать, что он находится на самом главном направлении, что именно у его окопа решается судьба всего боя.

Немцы еще не успевают угомониться, когда за нашими спинами раздается в темноте шорох и какая-то подозрительная возня. Рука невольно тянется к гранате и быстро нащупывает ее в темноте. Прикосновение к холодной рубашке гранаты сразу успокаивает.

— Стой, кто идет? — окликает Мехтиханов возбужденно, почти испуганно.

— Кто идет, кто идет... — ворчит кто-то в темноте, совсем близко. — Говорков идет, вот кто!

— Значит пообедаем! — весело говорит Вохминцев.

Мехтиханов принимает термос, поданный с тыльного бруствера, затем в окоп спрыгивает Говорков. Слышно, как бренчит фляга, привя-

Д Е Н Ь З А Д Н Е М...

ОТ СОВЕТСКОГО
ИНФОРМБЮРО

20 января

Войска 3-го Белорусского фронта 20 января штурмом овладели городами Восточной Пруссии — Тильзит, Грос-Скайсгиррен, Ауловенен, Жиллен, Каукмен — важными узлами коммуникаций и сильными опорными пунктами обороны немцев на кенигсбергском направлении, а также с боями заняли более 250 других населенных пунктов, среди которых Каркельн, Рагнит, Скепен, Бриттанин, Рукен, Йургайтшен, Грюнхайде, Штаблякен, Биркенфельде, Кугтен, Бибелен, Блумберг, Пройсендорф и железнодорожные станции Помлеттен, Аргенингкен, Верфен, Грюнхайде, Байтчен.

* * *

...В ходе боев войска фронта за день истребили до 4000 немецких солдат и офицеров. В числе убитых командир 69 немецкой пехотной дивизии генерал-лейтенант Райн. В течение дня подбито и сожжено 87 немецких танков и самоходных орудий, десятки полевых орудий и минометов.

Наша авиация активно поддерживала действия наземных войск и наносила удары по живой силе и технике противника, его тылам и коммуникациям. В воздушных боях и огнем зенитной артиллерии сбит 31 немецкий самолет.

занная к поясу, и этот звук сразу вносит оживление — значит, сегодня к обеду водочка.

В темном закуте из плащ-палаток при свете убогой мигалки идет ночная трапеза.

Сегодня наваристые щи, в них плавают большие куски мяса. Вохминцев делит водку, предназначенную для четверых, на пять равных порций и разливает ее в крышки котелков и кружки. Но Говорков выдает мне отдельную порцию. В пятой роте убит Иванов, и я, по законам солдатского наследия, получаю его долю.

За едой говорят мало, потом Лещенко спрашивает у Говоркова, который час, но тот не знает. Я смотрю на часы — двадцать минут третьего.

— А в Москве сейчас сколько будет? — любопытствует Лещенко.

— Столько же.

— Так. А в Сибири, например?

— Смотря где. Часа на три, четыре вперед. А то и на шесть. Кому плохо спится — уже встал.

— Ну, а Владивосток? — не унимается Лещенко. — Там уже развиднелось?

— А как же! Там на семь часов москвичей обгоняют. Добрые люди уже наработались сейчас.

— Вот, действительно, согласно радио — широка страна моя родная...

Мы выходим из укромного окопного угла, а Мехтиханов и Егармин занимают наши места и достают свои ложки. Говорков с изрядно опустевшим термосом уползает, и в окопе становится тихо.

Потом Мехтиханов укладывается спать, и я устраиваюсь с ним рядом на соломе, под парусиновой крышей.

Куда-то через окоп с назойливым посвистом летят снаряды. Они летят далеко за наш передний край, в тыл. Приятно думать, что тебя они минуют, а о том, что где-то они все-таки разорвутся, думать не хочется.

Далекий свист снарядов мерещится и во сне. Я просыпаюсь, лежу с открытыми глазами и прислушиваюсь. Оказывается, это присвистывает, выдыхая воздух, спящий Мехтиханов.

После непрочного окопного сна я подымаюсь, а на теплую солому валится подкошенный бессонницей Лещенко.

Остаток ночи мы проводим с Вохминцевым, сидя на корточках у пулемета. «Максим» хорошо виден в предрассветном сумраке. Я с уважением смотрю на заслуженный пулемет, который намотал на свои маленькие колесики несколько тысяч километров — от подмосковных деревень до немецкого хутора Альтенберг, близ побережья Балтийского моря, у автострады Кенигсберг—Берлин.

Иван Михайлович перехватывает мой взгляд и говорит:

— Воюем с этим «максимом» давненько. Семь благодарностей носим от командования.

Узнаю, что Вохминцев награжден орденом Красного Знамени, и поздравляю его.

— У нас и Лещенко орден Славы имеет, — говорит Вохминцев. — Только не носит, в платочке держит. Бойтся ленточку об глину измазать.

Напоследок я спешу узнать, откуда родом мои новые друзья, соседи по окопному ночлегу. Лещенко жил и работал в колхозе под Винницей. Мехтиханов из какого-то аула с трудным названием, аул этот затерян в каменной глуши Дагестана. Сам Вохминцев — смоленский, работал в леспромхозе, близ станции Угра. Егармин — с горы Благодать на Урале, работал запальщиком на железном руднике.

— Ну вот, Егармин вас до батальона и проводит, — решает Вохминцев.

Я пожимаю на прощание его большую шершавую ладонь и неловко выбираюсь на бруствер. Нужно поторапливаться, пока огонь притих.

Ночь уже чувствует прикосновение утра. Такой длинной и зябкой кажется только ночь, проведенная в окопе.

М. ШУР

ПРУССКАЯ ТВЕРДЫНЯ СОКРУШЕНА

Два месяца огнем нашей артиллерии и ударами с воздуха разрушалась крепостная оборона осажденного Кенигсберга. Столица Восточной Пруссии находилась в железной блокаде. Немецкий гарнизон изматывался и уничтожался день за днем.

О мощи оборонительных сооружений кенигсбергской крепости уже писалось достаточно подробно. Мы приведем для иллюстрации пример. Перед генеральным штурмом пехотинцы и саперы полковника Толстикова взяли один форт. Он представлял собой огромное сооружение из железобетона с двойными трехметровыми стенами, расположенное в виде буквы «П» и обращенное плечами вперед. В правом и левом плечах помещались боевые казематы с тяжелой артиллерией. Взорвав этот форт, штурмовые группы захватили в нем несколько орудий.

И все же мощная крепостная оборона Кенигсберга не смогла противостать сокрушительному натиску советских войск.

Черные тучи дыма плыли над Кенигсбергом. То исчезая в дыму, то появляясь в голубых просветах, над городом, над вокзалом и портом непрерывно кружили наши самолеты. Под их крыльями то тут, то там взметывались к небу все новые и новые облака черного дыма, застилавшие горизонт.

По обе стороны дороги, на которой мы остановили нашу машину, ревели во весь свой голос сотни орудий, гвардейских минометов и самоходных пушек. Здесь было столько артиллерии, что батареи располагались в нескольких шагах одна от другой.

Мы побывали на одной из главных улиц Кенигсберга, в штабе части, штурмовавшей центр города. Как раз в это время наблюдатели передали по радио командиру донесение:

— Видно, как по площади бегают немецкие генералы...

Это донесение не нуждалось в особых комментариях. Когда генералы мечутся на объятый огнем площади, они уже не управляют боем и бессильны повлиять на ход событий. Немцы оказались в катастрофическом положении, и каждая следующая минута приближала неотвратимую развязку.

— Ну, сейчас нужны темпы и еще раз темпы, — сказал один из наших офицеров. — Не дать им опомниться, не дать оглянуться!

И высокие темпы были во всем. Танки, действовавшие в штурмовых группах, занимали исходные позиции в 300—400 метрах от противника. Это значит, что при отличной скорости наших танков и при их высокой маневренности немецкие противотанковые пушки были заранее обречены на гибель под гусеницами могучих боевых машин.

Танкисты подполковника Охрименко, которых мы видели в городе во время уличных боев, рассказали о многих замечательных эпизодах, характеризующих высокий темп танковых атак. В течение двух дней им пришлось вместе с саперами и пехотинцами преодолеть четыре противотанковых рва, наполненных водой. При этом был применен такой метод действий. Головной танк везет на себе готовый мост. Мост сбрасывается на ров, саперы его тут же закрепляют, и весь штурмовой отряд быстро переправляется на другую сторону. Переправа наводится под огневым прикрытием танков.

Так брали наши войска форт за фортом, дот за дотом.

Мы проехали по предместьям и центральным городским улицам. На каждом шагу, на каждом перекрестке торчали глыбы развороченного железобетона. Те тысячи пленных немцев, которые бредут сейчас по дорогам все дальше и дальше от Кенигсберга, выкуривались из прочнейших казематов и бронированных дотов.

Вот холм, изрезанный траншеями. Наши снаряды начисто сбрили с него густую растительность и превратили в кашу землю и немцев, ко-

торые держали здесь оборону. Даже не трупы, а только скрюченные руки и ноги немецких солдат, торчащие из земли, можно разглядеть в этом месиве. Вот в глубоких воронках, уткнувшись стволами вниз, стоят вражеские зенитные пушки, а шагах в пятидесяти валяются отброшенные взрывной волной мертвые солдаты орудийной прислуги. Дальше — развороченная кирпичная стена подвала, за нею — разбитый немецкий пулемет и лежащий ничком пулеметчик.

Немцам в Кенигсберге были открыты только два пути: или в могилу, или в плен. Отступить было некуда. И комендант крепости генерал от инфантерии Ляш сдался со своим штабом нашим войскам, окруженный в самом последнем очаге сопротивления.

Идут и идут по улицам города и окрестным дорогам огромные колонны обезоруженных немецких солдат. Среди пленных есть и жандармы, и портовики, и резервисты из фольксштурма. Во главе колонн — офицеры. Одного из них — в чине капитана — мы остановили:

— Одну минуту. Ваше имя?

— Генрих Зааль.

— С вами ли ваши солдаты?

— Так точно, со мною.

— Не приходилось ли вам бывать в России?

— Так точно, бывал.

— Где именно?

— Нальчик, Эссентуки, Ростов, Мариуполь, Мелитополь и другие места.

— И солдаты ваши были с вами?

— Никак нет. Солдаты теперь другие. Тех уже нет в живых. Мне повезло...

Мы видели в Кенигсберге и «цивильных» немцев. По городу ходят в полном унынии местные «аристократы» — владельцы химических и машиностроительных заводов, целлюлозных и кондитерских фабрик и других предприятий. Им некуда было деться. В глубоких подвалах пересидели они дни штурма, а теперь уходят подальше от своих роскошных особняков, чтобы смешаться с толпой и сойти за средних обывателей. Но этих людей узнают в лицо их вчерашние невольники: русские, поляки — те, которые свободно ходят сегодня по улицам Кенигсберга.

Военная власть в городе — на месте. Комендатура уже приступила к исполнению своих обязанностей. Кенигсберг стал теперь тылом наших войск, идущих на Пиллау.

*Кенигсберг,
10 апреля 1945 года.*

КАПИТУЛЯЦИЯ ФАШИСТОВ В КЕНИГСБЕРГЕ

9 апреля в штабе командующего немецкими войсками и коменданта крепости генерала от инфантерии Ляша проходило совещание, на котором обсуждалось создавшееся положение. Однако военное командование и местное фашистское руководство ни до чего не договорились, и бои продолжались. Тем не менее единство мнений и действий в лагере врага было нарушено, а это было на пользу нашим войскам.

Вечером 9 апреля советское военное командование решило послать парламентариев для того, чтобы предложить немцам условия капитуляции, решить практические вопросы, связанные с капитуляцией, а также взять в плен генерала Ляша и его штаб.

Выполнение этих задач было поручено мне и офицерам Федорко и Шпитальнику.

Линию фронта мы переходили в сумерках. Улицы города были загромождены множеством мощных баррикад, минными полями, обломками разбитой и сожженной военной техники, танков и артиллерии. Центр города был сильно разрушен: это — работа англо-американской авиации, которая в августе — сентябре 1944 года, вместо оказания реальной помощи Советской Армии, освобождавшей Прибалтику, совершила на Кенигсберг два массированных налета по несколько сот бомбардировщиков и разрушила центр города, в котором размещались только жилые кварталы и не было никаких военных объектов.

В результате стремительного штурма крепости нашими войсками немцы несли очень большие потери. Их моральный дух резко падал.

С трудом нам удалось разыскать немецкий штаб, который в это время находился на бывшей Университетской площади в бетонированных подземных убежищах; в частности, немецкое командование находилось в убежище из 20 комнат, оборудованных всем необходимым для жизни и руководства войсками.

Придя в немецкий штаб, приблизительно в 21 час 9 апреля, мы предъявили письменный ультиматум советского командования. Ляш принял ультиматум, ибо другого выхода у него не было.

Во время переговоров в убежище Ляша прибыл его адъютант и доложил, что пришли нацисты и сказали, что будут стрелять. Это сообщение вывело немцев из равновесия, они труслили и начали проявлять шкурническую заботу о своей личной безопасности.

Во время переговоров командиры некоторых немецких частей непре-

ривно запрашивали, что делать: ждать письменного приказа или немедленно прекращать сопротивление. Мною тут же отдавались им устные распоряжения о немедленном прекращении сопротивления. Для того, чтобы капитуляция имела организованный характер и чтобы избежать неоправданных человеческих жертв, мы предложили отдать письменный приказ немецким войскам о прекращении сопротивления и сдаче в плен; это требование было также выполнено.

После того, как был подписан приказ и отданы другие указания, командующий войсками генерал от инфантерии Ляш, его начальник штаба полковник Зускенд, командир дивизии генерал-лейтенант Микош, начальник артиллерии полковник Байзе и около десятка других ответственных офицеров немецкого штаба были нами пленены и доставлены в штаб советских войск.

Д Е Н Ь З А Д Н Е М...

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

21 января

Войска 3-го Белорусского фронта 21 января штурмом овладели в Восточной Пруссии городом Гумбиннен — важным узлом коммуникаций и сильным опорным пунктом обороны немцев на кенигсбергском направлении, а также с боями заняли более 200 других населенных пунктов, среди которых Альт Лаппинен, Зекенбург, Таве, Гильге, Шанкендорф, Грос-Фридрихсдорф, Грос-Гирратишкен, Мелляuken, Попелькен, Патимберн, Падройен, Куббельн, Кутткунен, Вилькен, Йукнишкен, Кенигсфельде, Гавайтен, Плавшикен и железнодорожные станции Мюленау, Мелляuken, Буххов.

* * *

...В течение дня войска фронта уничтожили до 3000 солдат и офицеров противника. Взято в плен более 500 немцев.

Майор запаса
А. ПЕТРИКИН

КОММУНИСТЫ БЫЛИ ВПЕРЕДИ

4 апреля. На рассвете артиллеристы нашего дивизиона заняли огневые позиции на южной окраине Кенигсберга.

Туманное утро. Впереди вырисовываются контуры серых зданий с островерхими черепичными крышами. Прямо перед нами строения артиллерийского полигона противника. Здесь гитлеровцы учились сеять

смерть на земле, уничтожать наши мирные города и села. А теперь они почувствуют всесокрушающую силу наших артиллерийских залпов. Кажется, об этом думает каждый гвардеец, готовясь к штурму логова прусского юнкерства.

К стенам этого города мы шли тяжелыми военными дорогами. Позади жестокие битвы за нашу землю.

Недавно у нас прошло партийное собрание. Почти половина личного состава дивизиона — коммунисты. Какая это огромная сила! В каждом бою коммунисты были впереди. Они первыми пойдут и на штурм.

Как не восхищаться, например, нашим командиром коммунистом майором Максимом Неткачевым. Его грудь украшают ордена Красного Знамени, Александра Невского и другие высокие награды Родины. В боях на подступах к Кенигсбергу он получил девятое ранение, но остался в строю. Выступая на партийном собрании, еще не окрепший, он горячо говорил:

— Задача нам ясна: сокрушить последний оплот врага в Восточной Пруссии. Я уверен, что эта задача будет выполнена.

5 апреля. Начало наступления планировалось на сегодня. Поэтому ночью в первые траншеи выдвинулись пехотные подразделения первого эшелона.

К утру были полностью закончены работы по разминированию — сняты мины в наших минных полях и проделаны проходы в минных полях противника.

Стало известно, что ввиду ненастной погоды, которая исключала участие в боях авиации и затрудняла наблюдение за полем боя, начало наступления перенесено на сутки. За противником установлено усиленное наблюдение. Ведется уточнение целей противника.

Работой разведчиков командир дивизиона доволен. Да и может ли быть иначе? Ведь все они отлично владеют своей специальностью, особенно отличившиеся в боях приняты в ряды Коммунистической партии. На днях начальник политического отдела полковник В. Д. Акимов вручил партийные билеты начальнику разведки дивизиона лейтенанту Смеловскому и разведчику ефрейтору Горчакову. Трехлетний партийный стаж у старшины С. И. Абросимова и у старшего сержанта А. Н. Букликова.

Дальнобойная артиллерия продолжает вести огонь на разрушение долговременных оборонительных сооружений противника.

6 апреля. Прошла напряженная тревожная ночь. На наблюдательных пунктах и огневых позициях не спали...

Вскоре после полуночи началась разведка боем. За коротким артиллерийским налетом поднялись на врага стрелки. Уже к 3.00 гвардейцы ворвались в первую траншею противника, перерезали окружную шоссе-сую дорогу, овладели опорным пунктом фольварком Нойфорверк и захватили бункер № 102 в районе артиллерийского полигона.

В результате проведенной нашими пехотинцами разведки удалось не только уточнить край обороны фашистов, но и вынести исходный рубеж для атаки на шестьсот-восемьсот метров вперед и нарушить систему огня противника.

Разведчики захватили пленных.

Все это взбудоражило врага. Трижды гитлеровцы бросались в жаростные контратаки, пытаясь восстановить прежнее положение. Успешному отражению контратак во многом содействовал меткий артиллерийский огонь подразделений капитанов Тимохина и Клячина.

К рассвету низкая облачность и густой туман окутали поле боя. Наступило затишье. Но это была тишина перед сильной грозой. В 9.00 прозвучали залпы гвардейских минометов — сигнал начала артиллерийской подготовки атаки. Заговорили и наши орудия. Я видел, что бойцы до предела напрягают силы. Стволы орудий раскалились. За время артиллерийской подготовки каждое орудие выпустило свыше ста двадцати снарядов. На нашем участке на каждом километре фронта одновременно вели огонь сорок орудий и минометов, на головы гитлеровцев одновременно летели десятки тонн металла.

Впереди все заволокло дымом, кирпичной пылью.

— Фрицам не усидеть в своих фортах, — говорит мне командир одного из орудий 3-й батареи коммунист Волокитин.

Я смотрю на гвардейцев и думаю: «Да, для таких нет преград. Они знают, за что сражаются, и потому победят». 11.45. Мимо наших огневых позиций на боевых скоростях проходят танки. Мы машем танкистам шапками-ушанками: «Идите вперед! Желаем успеха!»

Где-то впереди уже завязала бой атакующая пехота. Штурм Кенигсберга начался.

Артиллеристы перенесли огонь в глубину вражеской обороны. А одна из батарей под командой коммуниста лейтенанта Николаева включается в состав штурмового отряда.

На переднем крае все выворочено и разрушено. Поэтому наступающие вначале не встретили никакого сопротивления. Стремительно продвигаясь вперед, наши стрелки уже к 12.30 подходят ко второй траншее первой позиции. Овладеть ею с ходу не удастся, так как уцелевшие гитлеровцы пытаются остановить наступающих. Положение усложняется тем, что низменная и болотистая местность оказалась почти непроходимой для наших танков.

С командного пункта дивизиона последовал сигнал, и массированный артиллерийский налет заставил гитлеровцев укрыться. Во время этого налета наши стрелки подобрались вплотную ко второй траншее, а в конце налета заняли ее.

Завязался бой за поселок Клайн-Понарт. Пулеметный огонь из бункера, находившегося в полукилометре юго-западнее поселка, особенно препятствовал продвижению вперед. На уничтожение гарнизона бун-

Д Е Н Ъ З А Д Н Е М...

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

25 марта

Войска 3-го Белорусского фронта, продолжая наступление, 25 марта овладели городом Хейлигенбейль — последним опорным пунктом обороны немцев на побережье залива Фришес-Хафф, юго-западнее Кенигсберга, а также заняли населенные пункты Партайнен, Ремзегут, Каймкаллен, Бреген, Штайндорф, Карбен, Прейс-Банау, Шеттниенен, Герлакسدорф, Рааде, Лейзунен, Бюстервальде, Рауенберг. В боях за 24 и 25 марта в этом районе войска фронта взяли в плен более 9000 немецких солдат и офицеров и захватили следующие трофеи: самолетов — 109, танков и самоходных орудий — 65, орудий — 245, пулеметов — 176, автомашин — 3330, бронетранспортеров — 69.

* * *

...Советские штурмовые группы, усиленные орудиями, выбили врага с территории железнодорожной станции и завода, расположенных в юго-восточной части города. В заводских корпусах захвачено 134 авиадвигателя.

Другие наши части очистили от противника район между реками Пасарге и Бенау, заняв при этом ряд населенных пунктов. Число взятых в плен немцев все время увеличивается.

нимают новые позиции на южной окраине Понарта.

Начальник штаба дивизиона коммунист Дейкин и командиры батарей готовят данные для предстоящего артналета.

Над нами непрерывно группами по шесть-девять самолетов проносятся штурмовики, сбрасывая свой смертоносный груз в стане врага.

кера подполковник Лопаткин послал роту под командованием капитана Разумова. Гвардейцы обошли бункер огородами и стремительным броском блокировали его. Семнадцать фашистов с двумя пулеметами сдались в плен. Теперь путь в город был открыт.

16.00. Пехота совместно с танками при поддержке артиллеристов ворвалась в южный район города — Понарт. Сюда передвинулись командный пункт и штаб дивизиона. Встречаю командира. Он, как и все мы, возбужден боем.

— Как идет перемещение огневых позиций? — спрашивает он.

Узнав, что в огневых взводах находится его заместитель по политической части, майор Кондратов успокоился.

Вскоре с новых позиций доложили о готовности к бою. К этому времени распогодилось. Ветер разогнал тучи, засияло солнце. Эскадрильи наших самолетов обрушили бомбовые удары на фашистов.

До глубокой ночи не утихает бой. Штурм продолжается.

7 апреля. Утро безоблачное и солнечное. В результате ночных боев полностью очищена восточная часть поселка Понарт. Впереди нас разветвленная сеть железнодорожных путей и Южный вокзал.

Гитлеровцы пытаются всячески воспрепятствовать продвижению наших частей. Из траншей и приспособленных к обороне зданий они ведут огонь из пулеметов и орудий прямой наводкой. К 7.00 наши огневые взводы за-

В 9.00 началась тридцатиминутная артиллерийская подготовка, поддержанная ударами наших бомбардировщиков.

К 11.00 штурмовые группы подошли к насыпи шоссе на дороге перед трамвайным депо. Дальнейшее продвижение наших подразделений задерживается пулеметным и автоматным огнем, который вели засевшие в многоэтажном здании гитлеровцы. А справа, вдоль шоссе, вел огонь крупнокалиберный пулемет.

Гитлеровцы несколько раз бросались в контратаки, но каждый раз откатывались назад, неся большие потери.

К вечеру командир отделения коммунист сержант Павлов попросил разрешения с отделением пойти в обход дома. В наступивших сумерках смельчаки обошли насыпь и, прижимаясь к земле, незамеченными подползли вплотную к дому. Стремительный бросок — и гвардейцы ворвались в первый этаж здания. Завязалась схватка. На помощь смельчакам поспешил взвод под командованием старшины В. Смолева. Вскоре весь дом был очищен от врага. Начались бои за овладение трамвайным депо.

В бою за дом особенно отличился рядовой Жиганов. Он выдвинулся вдоль насыпи вправо и, вызвав огонь крупнокалиберного пулемета на себя, дал возможность товарищам перейти шоссе.

На правом фланге, у самой железнодорожной платформы, ожесточенное сопротивление подразделению офицера Есипенко оказывали гитлеровцы, засевшие в железобетонном и кирпичном железнодорожных зданиях. Эти два дома враг превратил в опорные пункты. Оконные проемы были заложены кирпичом и оставлены только бойницы. Ведя интенсивный огонь из пулеметов, фашисты задержали наше продвижение вперед. Уничтожить пулеметчиков вызвался рядовой Степан Халатян. Под покровом наступающей темноты он подобрался к домам и послал в амбразуры гранаты. Вслед за взрывами пулеметы умолкли. Халатян ворвался в дом и огнем из автомата уничтожил уцелевших гитлеровцев. В это время во второй дом ворвались рядовые Валентин Карецкий и Владимир Вольский.

Теперь завязался бой за Южный вокзал.

8 апреля. Третий день идут жестокие бои. Южный вокзал взят. Это был важный узел сопротивления противника.

Фашисты отчаянно отстреливались, используя прилегающие к при вокзальной площади дома для пулеметных точек.

Полковник Толстиков принимает решение — выдвинуть артиллерию на прямую наводку. Выдвигается батарея гвардии старшего лейтенанта Н. Д. Феклистенкова. Но в секторе обстрела растут придорожные деревья, мешая вести огонь по целям. Деревья надо немедленно убрать. Сделать это под огнем врага вызвались коммунисты Козлов и Кулин. Они спилили деревья на виду у гитлеровцев. Наши орудия открыли разрушительный огонь по зданиям при вокзальной площади.

Орудия взвода, которым командует коммунист Осиян, заняли пози-

цию на железнодорожной платформе. Они ведут огонь в упор по амбразурам и бойницам.

Идут упорные бои, в результате которых все туже сжимается кольцо вокруг окруженного противника.

Радостное известие о том, что в 14.30 завершено полное окружение кенигсбергского гарнизона, сообщил нам заместитель командира полка по политчасти подполковник И. В. Тыванюк. Сообщение об этой победе вызвало боевой подъем у артиллеристов.

9 апреля. Всю ночь шли ожесточенные бои за каждый дом. Теперь не только из подвалов, чердаков и окон гитлеровцы встречают наступающих огнем из всех видов оружия. Путь советским воинам преграждают многочисленные завалы и баррикады.

Штурмовые группы продвигаются вперед по подвалам. Саперы делают проломы в стенах, а огнеметчики выжигают фашистов. От бесчисленных пожаров весь город окутан дымом и гарью. Жара невыносимая.

К утру мы приблизились к южному берегу Старого Прегеля. Пехота под огнем противника переправляется на остров. Нужна поддержка артиллеристов, а связи с огневыми позициями нет.

Командные пункты и штабы нашего полка и дивизиона расположились в подвале здания, которое стоит на берегу у биржи. Командир полка гвардии подполковник Гунько требует немедленно поддержать пехоту. Но радисты никак не могут установить связь с огневыми. Проходят напряженные минуты. И тут весь в пыли, потный, появляется бывалый связист коммунист Иван Шалак. За плечами у него катушка разматывающегося телефонного провода. Связь установлена!

Первые снаряды по замку прусских королей посылает батарея, которой командует капитан Клячин. Вскоре шквал огня обрушивается на гитлеровцев.

Началась переправа через Новый Прегель. Первым северного берега достиг гвардеец Владимир Вольский. А вскоре все стрелки первых эшелонов преодолели водный рубеж.

...К вечеру сопротивление противника было сломлено. Фашисты капитулировали. По дымящим улицам потянулись колонны пленных. Вот они, «вояки»! Опустившиеся, небритые, грязные. Следа не осталось от прежнего высокомерия и надменности. В эти минуты я вспомнил, как вели себя гитлеровцы в первые дни войны. В мои руки попал тогда дневник фашистского солдата. Он начинался 1 января 1941 года. Гитлеровцы, упоенные легкими победами на Западе, думали о походе на Восток. Фашисту не пришлось закончить свой дневник. 14 июля 1941 года он нашел себе могилу на Смоленщине.

...По радио передают приказ Верховного Главнокомандующего о штурме и взятии города и крепости Кенигсберг. Среди особо отличившихся и удостоенных благодарности отмечены войска полковника Толстикова. Гвардейцы ликуют, поздравляют друг друга с победой.

ПЕРВЫЙ БРОСОК

Наши войска вели бои за город и крепость Пиллау. Командир соединения торпедных катеров вызвал командира дивизиона Героя Советского Союза Осипова, подвел его к большой карте и, указывая на узкую, словно искусственно насыпанную полосу земли, уходящую далеко от материка, сказал:

— Нам поставлена задача: высадить на косу десант. — Помолчав, словно давая Осипову время подумать, он продолжил: — Задача трудная и, как вы понимаете, очень важная. Ваш дивизион будет высаживать первую группу.

Да, задача была очень важная. Это Осипов понимал хорошо. Захват советскими войсками косы Фрише-Нерунг приблизил бы окончательный разгром прижатой к морю фашистской группировки.

Командир вернулся к столу и, как всегда, коротко, обрывая фразы, приказал:

— Свяжитесь с командиром полка. Проведите несколько тренировочных посадок на катера. Прodelайте это сначала днем, а потом в ночное время. Действуйте энергично. Время на подготовку ограничено. Высадка ночью 26-го...

А когда все распоряжения были отданы, он сказал задушевно:

— Желаю успеха. Верю в вас и в ваших гвардейцев...

И вот окончены приготовления. Проинструктированы командиры звеньев и катеров. Проведены тренировки, во время которых десантники учились быстро занимать места на катерах и стремительно производить высадку. Состоялся короткий митинг. И теперь под покровом ночной темноты десантники первого броска бесшумно занимали места на катерах, тесно усаживались на палубах, в узких торпедных желобах. Тишина. Темнота. Изредка короткая, полупшепотом команда. Еще реже — приглушенный удар по металлу. Нервы у всех напряжены, лица нахмурены.

А Осипов неторопливо проходит по пирсам, уже ни о чем не напоминая и ни о чем не спрашивая, только вслушиваясь в шорохи ночной погрузки и настороженно ловя обрывки фраз, в которых сквозила озабоченность, но не было ни следа страха. Вот он подошел к катеру лейтенанта Калмыкова и остановился, услышав, как боцман, стар-

Д Е Н Ъ З А Д Н Е М...

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

29 марта

Войска 3-го Белорусского фронта 29 марта завершили ликвидацию окруженной восточно-прусской группы немецких войск юго-западнее Кенигсберга.

За время боев с 13 по 29 марта немцы потеряли свыше 50 000 пленными и 80 000 убитыми, при этом войска фронта захватили следующие трофеи: самолетов — 128, танков и самоходных орудий — 605, полевых орудий — свыше 3500, минометов — 1440, пулеметов — 6447, бронетранспортеров — 586, радиостанций — 247, автомашин — 35 060, тракторов и тягачей — 474, паровозов — 232, железнодорожных вагонов — 7673, складов с боеприпасами, вооружением, продовольствием и другим военным имуществом — 313.

* * *

...Противник, зажатый на мысе Кальхольцер-Хакен, прилагал отчаянные усилия, чтобы продержаться еще несколько дней, рассчитывая за это время вывезти морем остатки своих разгромленных соединений. Советские войска сорвали этот план немцев. Все оставшиеся в руках врага причалы подвергались непрерывным бомбардировкам авиации и артиллерийскому обстрелу. Тем временем наши танкисты и пехотинцы нанесли решающий удар по последнему оплоту немцев — прибрежному поселку Бальга и окружающим его высотам. Немцы сосредоточили в этом районе отборные отряды эсэсовцев. Под прикрытием мощного артиллерийского огня советские подразделения двинулись в атаку и после ожесточенного боя овладели поселком Бальга. Вслед за этим наши бой-

шина Иванов, стараясь умерить свой раскатистый бас, говорит десантникам:

— Плотнее, плотнее садитесь, ребята. Каюты люкс временно отменены. Держитесь крепче. Прокатимся с ветерком.

В этом отсутствии суетливости, в скупых словах приказаний и редких, вполголоса, шутках Осипов чувствовал силу и уверенность людей, которым скоро предстоял нелегкий бой.

Наконец около полуночи пришла долгожданная команда: «Заводи моторы!» Тотчас же послышался дружный, смягченный глушителями рокот, и торпедные катера, а вместе с ними катерные тральщики отдали концы и без огней, в охранении малых канонерских лодок, один за другим начали скрываться в ночной мгле. Первыми ушли в море группы торпедных катеров, выделенных для патрулирования на подходах к месту высадки десанта.

Погода благоприятствовала морякам. Побережье было подернуто дымкой. Но за дымкой, по мере того как катера продвигались вперед, на горизонте все яснее различалось зарево. Это горели фашистские сооружения и склады. Эхо доносило оттуда грохот орудийной канонады. С ночного неба летели струи разноцветных трасс — балтийские летчики штурмовали врага с воздуха.

Место высадки было уже близко, и с головного катера поступил приказ: перестроиться в строй фронта. Приказ отрепетован, выполнен. И вдруг в это время на катере командира дивизиона заметили впереди силуэты трех кораблей, которые быстро приближались к десанту. Это — фашистские корабли. Других здесь быть не могло. Скрытность десанта под угрозой. Колебать-

ся, медлить нельзя. Осипов быстро принимает решение. По его сигналу катера застопорили ход, и навстречу вражеским кораблям устремились две малые канонерские лодки. Они сблизжаются с противником и открывают артиллерийский огонь. Развалиясь надвое, фашистский корабль быстро погружается в воду. Наверно, снаряд попал в боезапас. Два других корабля поспешно отходят, скрываясь в темноте. И вновь все катера дают ход. Прямо по курсу открывается перед глазами моряков вражеский берег.

Первым подлетел к берегу торпедный катер, на котором держал свой вымпел командир дивизиона Осипов. Экипаж катера действовал умело и энергично. Застопорены моторы, отработан задний ход — катер, мягко коснувшись носом пологого песчаного грунта, замер на месте.

Началась высадка. Десантники с оружием и боеприпасами в руках быстро оббегают рубку и, словно подхваченные вихрем, устремяются к берегу. А слева и справа уже подошли и начали высадку остальные катера.

И только теперь всполошились, забили тревогу фашисты. Справа с пригорка из дзота и из прибрежных окопов хлестнули автоматные и пулеметные очереди. Откуда-то из темноты начала бить артиллерия врага. Над головами с воем проносились снаряды. Но уже захвачена полоска берега — плацдарм высадки. Десантники залегли, окопались и открыли дружный ответный огонь. Ободряющие застрекотали крупнокалиберные пулеметы катеров, поддерживая десант.

Осипов, поднявшись на рубку катера, наблюдал за ходом боя. К берегу подходили и подходили корабли. Стремительно маневрируя среди всплесков, они сбрасывали в воду дымовые шашки.

Прошли считанные минуты, и вот уже все десантники на берегу. Катера стали отходить, направляясь к назначенной точке сбора.

В этот момент торпедный катер, которым командовал лейтенант Калмыков, получил тяжелое повреждение. Экипаж прилагал героические усилия, чтобы спасти корабль, заделать многочисленные пробои-

цы заняли укрепленные высоты. В бою за поселок истреблено свыше 3 тысяч гитлеровцев, преимущественно эсэсовцев и штрафников. Захвачено 1800 пленных, много танков, полевых орудий, пулеметов, автомашин, склады с боеприпасами и военным имуществом. Стремительно продвигаясь на север, наши войска заняли опорный пункт Кальхольца. Оборонявшие его отряды немецких офицеров были уничтожены. Вслед за падением Кальхольца организованное сопротивление врага прекратилось. Немцы стали толпами сдаваться в плен...

По дорогам конвоируются тысячи взятых в плен немецких солдат и офицеров.

Корабли Краснознаменного Балтийского флота потопили в Балтийском море два немецких транспорта общим водоизмещением в 13 тысяч тонн. Кроме того, серьезно повреждены два других судна противника.

Наши торпедные катера в районе Клайпеды (Мемель) в ночном бою потопили два немецких катера.

ны, дать ход. Но волны и ветер гнали катер на мель, а вода в отсеках прибывала.

Осипов направил на выручку свой катер. Трижды под ураганным огнем противника заводились буксирные концы, и трижды рвались стальные тросы. Песчаный грунт цепко держал отяжелевший катер. Фашисты усилили огонь. А время не ждало. Нужно было спешить за новой группой десантников.

— Оставить корабль. Присоединиться к десанту! — приказал командиру поврежденного катера Осипов.

Сняв пулеметы, моряки прыгнули в воду и поспешили к берегу. А Осипов уже шел к остальным катерам. Вдруг резкий удар потряс корпус, и катер неловко свернул в сторону. Фашистский снаряд пробил рубку. Бессильно склонился над штурвалом тяжелораненый командир катера старший лейтенант Шлисс. Ранен был и механик. От взрыва загорелись на палубе дымовые шашки. Но прошли секунды, и катер снова лег на курс. За штурвал, замещая раненого командира, встал штурман дивизиона капитан-лейтенант Маряхин, вместо раненого механика встал командир отделения мотористов старшина Попов, а пулеметчик Парфенов, выбросив за борт пылающие дымшашки, обожженными руками вновь взялся за пулемет. Катер шел за новой партией десанта.

Бой на берегу становился все ожесточеннее. Особенно яростно атаковали гитлеровцы небольшую высоту. Встреченные дружным огнем десантников, они откатывались назад и снова кидались в атаку. С каждой минутой редели ряды морского десанта. Все тяжелее было сдерживать натиск врага. Но в тот момент, когда фашисты, получив подкрепление, снова ринулись в атаку и казалось уже не хватит сил, чтобы остановить врага, кто-то заметил подбежавших моряков. Это был экипаж лейтенанта Калмыкова.

— Подмога! — пронеслось по рядам. — Наши на помощь идут! Моряки идут!

И хотя их, подоспевших на помощь, было совсем немного, у всех словно прибавилось силы. И снова враг был отброшен.

А моряки, с ходу вступившие в бой, пользуясь минутной передышкой, надевали каски, окапывались, как пехотинцы. Боцман Иванов и моторист Микляев залегли у пулеметов. Лейтенант Калмыков с удовольствием наблюдал, как основательно, прочно и надолго устраивались моряки. Враг не должен пройти. Таков приказ. И он будет выполнен.

Передышка продолжалась недолго. Снова застучали пулеметы, снова замелькали грязно-зеленые фигуры фашистских солдат. Их было множество. Стремясь сбросить десант в море, враг не считался с потерями. Гитлеровское командование передало по радио, что из портов уже вышли корабли, которые должны снять окруженную группировку.

ровку. Фашисты имели огромный численный перевес. Надежда вырваться из окружения, пробиться к кораблям гнала их вперед. Но стойко держались десантники, выполняя приказ. Враг не должен пройти!

Группа гитлеровцев человек в пятнадцать прорвалась на позицию, занятую десантом, окружила моториста Микляева и боцмана Иванова.

В гитлеровцев полетели гранаты. Одна... вторая... десятая. Осколками своих же гранат были ранены Микляев и Иванов. Но прорвавшихся врагов моряки уничтожили. И снова заработали пулеметы.

Вот ранило в голову главного старшину Пустильникова. С помощью товарищей он сделал повязку и, не обращая внимания на страшную боль, продолжал вести огонь, целясь левым глазом.

Сколько времени это продолжалось, никто не помнил. Уже были отбиты десятки атак. Уже выросла перед позициями десантников гора фашистских трупов. А гитлеровцы все лезли и лезли к высоте. Но по-прежнему будто невидимая стена стояла перед ними, преграждая дорогу. Фашисты ползли, бежали согнувшись, бежали выпрямившись во весь рост и либо падали перед этой стеной, либо откатывались назад...

Лейтенант Калмыков потянулся к опустевшей фляжке, устало отодвинул ее в сторону и, облизывая пересохшие, потрескавшиеся губы, огляделся. Мало, совсем мало осталось защитников высоты. Вот неловко перезаряжает автомат раненный в руку матрос Вопилов. Вот, ожидая атаки, устраивается удобнее главный старшина Пустильников. Сейчас новая атака и нужно снова держаться, держаться до последнего, выполняя приказ Родины.

Опять ударили вражеские орудия, опять послышались крикливые голоса фашистских офицеров. Калмыков взвел автомат и на мгновение обернулся.

С моря подул порывистый ветер. Вместе с его холодным дыханием на боевые позиции донесся гул моторов. Это капитан 2 ранга Осипов вел к берегу торпедные катера. А за ними подходили и другие корабли. В грохот боя ворвались частые удары корабельных орудий. Начали бить по берегу крупнокалиберные пулеметы торпедных катеров. Дрогнув, стали поспешно откатываться фашисты.

А на сушу, на захваченный и удержанный героями первого броска плацдарм уже высаживались основные силы десанта. С автоматами на перевес солдаты бежали вперед, мимо рубежа, на котором сражались десантники первого броска, свято выполнившие приказ; мимо окопов, в которых, сжимая пальцами рукоятки пулеметов, погибли боцман Иванов и моторист Микляев. Солдаты продвигались вперед, тесня ошеломленного, растерявшегося врага, а навстречу им поднималось далекое зарево. Это перешли в наступление фронтовые части, чтобы завершить разгром окруженной группировки.

«Я — ПАРТОРГ...»

Продвигаясь к центру города, бойцы попали под сильный огонь. Гибель угрожала всему батальону. Нужно было во что бы то ни стало уничтожить дот с двумя пулеметами. На вызов артиллерийского огня потребовалось бы несколько минут, а тут была дорога каждая секунда.

— Товарищ капитан! Разрешите уничтожить дот. Есть добровольцы.

— Кто? — комбат посмотрел на старшину Ивана Чиликина.

— Я парторг, я и пойду...

...Старшина Чиликин полз к доту не больше минуты. Ему удалось бросить в амбразуру гранату. Бойцы поднялись в атаку и заняли новый квартал.

...Когда из строя выбыл командир роты, прозвучал призыв парторга: — Вперед! — и он первым ринулся на штурм центральной площади, где укрепились гитлеровцы. Его примеру последовала вся рота. Враг был смят и уничтожен.

Советское правительство высоко оценило подвиг коммуниста И. П. Чиликина, присвоив ему звание Героя Советского Союза.

В сложных уличных боях полностью раскрылись незаурядные организаторские способности комсорга батальона младшего лейтенанта Андрея Яналова. В одном из кварталов фашисты оказали упорное сопротивление. Открыл яростный огонь немецкий дот. Сбоку от него затрещали еще два пулемета. Казалось, невозможно пройти сквозь этот огневой дождь. Тогда младший лейтенант Яналов, прижимаясь к стенам домов, переползая через проломы, незаметно проник в расположение противника. Обезвредив вражеские пулеметы, младший лейтенант с группой бойцов устремился к доту и забросал его амбразуру гранатами.

Пробираясь к дому, из подвала которого бил по атакующим вражеский автоматчик, Яналов внезапно упал на мостовую. Бойцы склонились над ним. Куртка была мокрая от крови.

Бережно уложив младшего лейтенанта на плащ-палатку, бойцы вынесли его из зоны огня в укрытие. Раненый открыл глаза.

— Гранатами их... — почти беззвучно прошептал он. Это было последнее напутствие отважного коммуниста.

Пал смертью храбрых... Суровые и гордые слова. Они скупой и красноречиво говорят о неповторимых качествах советского человека, о его беспредельной преданности социалистической Родине. Именно таким, с

необыкновенно красивой и ясной душой, представляешь себе Андрея Яналова, чей подвиг обеспечил успех боевой задачи части.

Советское правительство посмертно присвоило ему звание Героя Советского Союза.

...Кровопролитные уличные бои не затихали ни днем, ни ночью. Город горел. Бои шли в нижних и верхних этажах домов, даже в подвалах. Девятнадцатилетний старший сержант Василий Попов возглавлял штурмовую группу. Случилось так, что ему пришлось вести неравную схватку с фашистами, засевшими в здании. Умело действуя гранатами и автоматом, он выбивал гитлеровцев из каждой комнаты. Попов захватил в плен 96 фашистов. Опорный пункт был ликвидирован. За этот подвиг Василий Лазаревич Попов удостоен звания Героя Советского Союза.

Умело и храбро действовали артиллеристы Героя Советского Союза младшего сержанта Алексея Федоровича Холецкого при занятии квартала № 284. Его орудие прямой наводкой уничтожило три самоходных орудия, шесть станковых пулеметов, стрелявших из окон и подвалов домов, подбило шесть автомашин с пехотой и грузом.

В первых рядах тех, кто завоевывал победу, всегда были коммунисты и комсомольцы. Поэтому я и решил напомнить об этих мужественных людях.

Ю. ПЛОТНИКОВ

ШТУРМ ФОРТА «ПОНАРТ»

Части дивизии, выполняя задачу по обходу Кенигсберга, вели наступление на южные пригороды. Погода немного улучшилась, прекратились дожди, значительно реже спускались туманы. Это облегчило наши действия. Однако чем ближе мы подходили к городу, тем мощнее были оборонительные сооружения.

Выйдя как-то из блиндажа, я столкнулся с начальником разведки полка капитаном Борисом Богацким. Я не видел его более суток. Посеревшие щеки, пробитый в нескольких местах маскхалат — трудно было сразу узнать обычно щеголеватого, всегда подтянутого Бориса. Чувствовалось, что он устал.

— Сейчас только с переднего края, — поздоровавшись, сказал он. — Вы видели вон ту рошу? — и показал на север. — Так вот, батальоны Яковлева и Виноградова ворвались в нее и захватили бетонные сараи, битком набитые толлом и другой взрывчаткой. Попробовали пробиться дальше, но не тут-то было. Мои разведчики, прячась за кустами, продвинулись вперед метров сто и натолкнулись на ров с отвесной каменной стеной. По ту сторону рва — искусственное сооружение, похожее на курган, заросший деревьями и кустарником. На скатах кургана видны кирпичные доты, из которых фрицы ведут пулеметный и артиллерийский огонь.

Пока мы разговаривали, прибыл командир полка подполковник Малышев. Выслушав доклад капитана, он заговорил. Понять его было очень трудно, он сильно простудился и почти полностью потерял голос.

— Только что по рации со мной разговаривал Толстик, — назвал Малышев фамилию командира дивизии, — и предупредил, что вокруг Кенигсберга проходит линия обороны, в которой имеются форты. Так что перед нами, вероятно, один из них.

Так оно и оказалось в действительности. 169-й гвардейский стрелковый полк 1-й гвардейской Московской (бывшей Пролетарской) стрелковой дивизии подошел к одному из них — форту «Понарт». Сколько подразделения полка ни пытались обойти его и прорвать внешнюю оборонительную линию, успеха добиться не могли. Не имели успеха и попытки штурмовых групп преодолеть ров, чтобы проникнуть в форт. Обычные способы действий в создавшейся обстановке не годились.

Наступила глубокая ночь. Мы все еще сидели в кирпичном бункере, выдвигали и отвергали различные предположения, но никак не могли выработать подходящего плана действий, хотя каждый имел за плечами солидный боевой опыт. Дело в том, что никому из нас ранее не приходилось штурмовать подобные укрепления. Зашел в бункер и инженер полка капитан Гудима.

— Товарищ подполковник! — обратился он к командиру полка. — Вы, когда переходили на НП, видели сараи из бетона?

— Да видел.

— Так вот, там в ящиках и бочках хранится большое количество взрывчатки. Я предлагаю подкатить к внешней стенке рва пару бочек тола и взорвать их. Стена от взрыва должна обвалиться и засыпать часть рва. Сразу же после подрыва стены штурмовые группы начнут атаку форта.

Всем нам стало как-то легче. Молодой инженер предложил план, позволявший быстро решить задачу и главное — простой по своему замыслу. Уточнив некоторые детали, командир полка приказал готовиться к штурму.

В эту ночь в полку мало кто спал. Я вызвал командиров батальонов и поставил им задачу. Капитан Гудима готовил все необходимое для

взрыва, начальник артиллерии полка майор Степанов организовывал артиллерийское обеспечение штурма. Большую работу с личным составом 2-го и 3-го батальонов, которым предстояло штурмовать форт, провел заместитель командира полка по политчасти подполковник Степченко.

Наступило утро. К штурму все было готово.

В 9 часов 15 минут по сигналу командира полка минометы, артиллерия открыли огонь и вскоре изолировали форт от остальных укреплений. Вражеский гарнизон был ослеплен. Тем временем группа подрыва во главе с капитаном Мозжухиным, в которую входили саперы Калинин, Шушарин, Горбачев и другие, подорвала отвесную каменную стену рва. Она рухнула, образовав почти сплошную земляную перемычку через ров. Штурмовые группы, руководимые заместителем командира 2-го батальона старшим лейтенантом Рогозиным, по перемычке ворвались в форт.

Завязался ожесточенный бой. Группа автоматчиков под руководством командира роты лейтенанта Леппо взобралась на форт и перебила находившихся наверху гитлеровских пулеметчиков и автоматчиков. Теперь вели огонь только вражеские минометы, установленные во внутренних двориках. Тогда младший сержант Ткачев и рядовой Иванов, вооруженные автоматами и гранатами, подобрались к огненным позициям гитлеровцев и сверху забросали их гранатами, а уцелевших фашистов уничтожили огнем из автоматов.

Итак, часть вражеского гарнизона, оборонявшаяся на поверхности, была перебита, но основные силы гитлеровцев засели во внутренних помещениях форта. Находясь в хорошо оборудованных каменно-бетон-

Д Е Н Ь З А Д Н Е М ..

ОТ СОВЕТСКОГО
ИНФОРМБЮРО

9 апреля

Войска 3-го Белорусского фронта после упорных уличных боев завершили разгром кенигсбергской группы немецких войск и сегодня, 9 апреля, штурмом овладели крепостью и главным городом Восточной Пруссии Кенигсберг — стратегически важным узлом обороны немцев на Балтийском море.

За день боев к 20 часам войска фронта взяли в плен свыше 27 000 немецких солдат и офицеров, а также захватили большое количество вооружения и разного военного имущества.

Остатки кенигсбергского гарнизона во главе с комендантом крепости генералом от инфантерии Ляшем и его штабом сегодня, в 21 час 30 минут, прекратили сопротивление и сложили оружие.

* * *

В течение 7 и 8 апреля авиация Краснознаменного Балтийского флота наносила удары по кораблям и транспортам противника в порту Пиллау и в Данцигской бухте. В результате этих ударов потоплено: девять немецких транспортов общим водоизмещением в 36 000 тонн, один миноносец, два сторожевых корабля и две быстросходные десантные баржи. Прямым попаданием бомб повреждены: один крейсер, один миноносец, один тральщик и два транспорта противника водоизмещением в 6000 и 4000 тонн.

ных капонирах, противник продолжал вести фланкирующий огонь. Это в значительной степени затрудняло переброску новых подразделений полка для штурма форта. Необходимо было заставить фашистов замолчать.

Выполнить эту задачу вызвались комсомольцы старший сержант Макаренко и рядовой Селиванов. Верные сыны Родины шли на смертельную схватку с одной мыслью — победить. И они победили! Ни бетон капонира, ни яростный огонь не спасли врага. Применив дымовые шашки, воины ослепили амбразуры, а затем два смельчака поползли к капониру, из которого ливнем бил огонь.

— Гранаты в амбразуры! — закричал Макаренко. Уничтожив гранатами гарнизон вражеского дота, Макаренко и Селиванов открыли путь к форту остальным подразделениям 2-го батальона.

Враг был окончательно парализован. Он уже не мог обороняться, но все еще отсиживался в нижнем этаже и не сдавался. По-видимому, фашисты надеялись на то, что их защитят толстые стены.

К рации вызвали подполковника Малышева. Командир дивизии потребовал доложить обстановку.

— Начальник штаба! Иди разговаривай. Все равно комдив не услышит меня, — и Малышев передал мне трубку. Он окончательно потерял голос.

Командир дивизии внимательно выслушал доклад, а затем заинтересовался, что мы намереваемся делать дальше.

— Используйте трофейную взрывчатку, — порекомендовал он. — Подорвите входы в казематы.

Опять закипела работа. Капитан Гудима с несколькими солдатами закладывал взрывчатку к железным дверям. Старший лейтенант Рогозин отводил солдат в укрытия, используя бункера, расположенные вокруг форта. В ожидании взрыва время тянулось медленно.

15.25, 15.27, 15.29, 15.30! Время! Ждем. Но в чем дело? Почему нет взрыва? Прошло еще две минуты. Вдруг что-то полыхнуло, и толстые вековые стены бункера, где мы сидели, ожили, заходили. Мы бросились к выходу. Открывшаяся перед нами картина потрясла всех.

Над фортом «Понарт» взлетели к небу деревья, вырванные с корнем, обломки бетона и кучи земли. Твердыня форта обнажилась. Многотлетние деревья, росшие на нем, были полностью снесены, валы разворочены.

Как обычно бывает в подобных случаях, после невиданной силы взрыва наступила тишина. И только изредка потрескивали горящие патроны. Что же случилось? Почему произошел такой сильный взрыв? Скорее всего оправдалось наше предположение о том, что форт начинен боеприпасами.

Спустя две-три минуты мы уже бежали вдоль рва к ранее образовавшейся перемычке. На значительном расстоянии от форта были раз-

бросаны груды бетона, битого кирпича и куски раздробленных стволов деревьев. Там, где раньше было центральное сооружение, зияла огромная воронка, дно которой продолжало дымиться. Диаметр образовавшейся воронки достигал 70 метров.

Наступившая ночь прошла спокойно. Гитлеровцы почти не вели огня, а только периодически освещали ракетами местность перед передним краем. Через час-другой после взрыва в полк стали прибывать офицеры различных специальностей из вышестоящих штабов. Их всех интересовало устройство форта, толщина стен, перекрытий, состояние рва и других оборонительных сооружений. Это было вполне закономерным. Армии генерала Галицкого только на внешнем оборонительном обводе города предстояло штурмовать еще четыре подобных фортов.

Гвардии майор запаса
С. ГРИНЬКОВ

У СТЕН КРЕПОСТИ

Все дальше и дальше уходят те дни, когда у стен Кенигсберга, на его улицах и площадях гремели бои, но не забудутся славные подвиги советских воинов, никогда не померкнут их боевые дела.

Мне пришлось участвовать в боях за город. И стоит сейчас лишь побывать в тех местах, где дрались гвардейцы нашей части — у форта «Понарт» или на окраине Калининграда в Балтийском районе, на вокзале, или у руин бывшей цитадели, и в памяти до малейших подробностей возникают картины упорных боев и жестоких схваток. Стоит лишь прикоснуться к документам тех дней — и с пожелтевших страниц встают герои, прославившие себя беспримерным мужеством и стойкостью.

30 января 1945 года. В оперативной сводке Совинформбюро, напечатанной на первой странице дивизионной газеты, сотрудником которой я был, сообщалось, что в Восточной Пруссии в числе других населенных пунктов занят Альтенберг. Этим поселком с ходу овладели наши гвардейцы. Из Альтенберга уже хорошо были видны серые стены кенигсбергских кварталов. Сюда, к этим стенам, докатилась могучая волна наступления войск 3-го Белорусского фронта, начавших всего каких-нибудь две недели назад битву за Восточную Пруссию. На подступах к городу, укрывшись за мощными железобетонными укреплениями, гитлеровцы оказывали ожесточенное сопротивление.

О том, что происходило здесь в те дни, напоминает листовка о доблести 23 гвардейцев.

...Недалеко от Альтенберга в кирпичном бункере обосновался наблюдательный пункт гвардейского стрелкового полка. Где-то совсем рядом, за рощицей, раздаются пулеметные очереди. Бьют орудия. Рвут землю взрывы вражеских снарядов.

Командир полка подполковник Малышев и его заместитель по политчасти подполковник Степченков склонились у стола над картой, освещенной огоньком стеариновой плашки.

— Понимаете, как трудно нам было бы раскусить этот орешек! — командир, пытливо глядя в лицо замполиту, стучал указательным пальцем по карте. Взрывы снарядов очередного артналета заглушили его слова. В плашке испуганно заметался красный лепесток огня.

— Ишь, беснуются! — со злостью проговорил Степченков, смахивая с карты крошки осыпавшейся штукатурки.

— Пусть теперь беснуются! — спокойно пробасил охрипшим голосом Малышев и направился в угол, где на полу у небольших серых коробочек сидели радисты.

— А ну-ка, вызовите Яковлева...

Командир полка присел на корточки, взял микротелефонную трубку.

— Сосна, я — Береза. Что там у вас? Прием.

Из черного круглого наушника послышался писк радиотелеграфа и приглушенный голос.

Малышев с напряженным вниманием слушал, курил папиросу, откусывая при каждой затяжке кусочек мундштука.

— Зашевелились — успокоим, подбросим «огурчиков»!

С подполковником Малышевым мне приходилось встречаться не один раз, видеть, как этот энергичный, волевой и храбрый офицер уверенно руководил в бою подразделениями. Где создавалось тяжелое положение, где угрожала опасность, там появлялся Малышев. Его бесстрашие, уверенность сообщались подчиненным, поднимали их боевой дух. Вот и сейчас, несмотря на то, что гитлеровцы бросались в яростные контратаки, вклинивались в наше расположение своими танками, Малышев придвинулся со своим наблюдательным пунктом вплотную к боевым порядкам. Солдаты были уверены: раз «батя» здесь — значит все будет в порядке, значит, когда нужно, помогут танки, будут подброшены «огурчики», то есть ударят залпами «катюши», и на головы врага посыплется сотни снарядов.

Таков был Малышев. Ему подражали в смелости и офицеры, и солдаты.

Переговорив по радиции, командир полка обратился ко мне с шутивым вопросом:

— Как ты попал сюда, редактор?

Я уже знал, что для командира полка любой сотрудник дивизионной газеты — редактор, и не удивился, что он назвал меня так, как не удивился и тому, что его заинтересовал мой приход. Это был просто предлог к беседе. Значит, у Малышева есть «зазор» в несколько минут, и он расскажет что-нибудь интересное. Действительно, то, что я услышал, заслуживало внимания.

Преследуя врага, батальон капитана Яковлева вечером приблизился к огромному форту, носившему, как потом стало известно, название «Понарт». Отступавшие гитлеровцы укрылись в бетонированных казематах этого старинного сооружения, окаймленного широким каналом с высокими обрывистыми берегами. «Достать» их было нелегко. Но гвардейцы не остановились. Под покровом темноты солдаты взвода, которым командовал лейтенант Копанцов, пошли в обход вражеского укрепления. Сняв часового, автоматчики Трунов, Плиев и Погребняк пробрались в тыл. Многие фашистские вояки, ошеломленные дерзостью гвардейцев, прекратили сопротивление и сдались в плен. Но эсэсовцы спрятались в лабиринтах подземных казематов, продолжали сопротивляться. Их участь решили подоспевшие саперы. Они взорвали главное сооружение форта.

Так был захвачен один из фортов, прикрывавших подступы к городу. Для гитлеровцев это было полной неожиданностью. Они полагали, что заранее подготовленные ими оборонительные линии в сочетании с системой мощных фортов надежно защитят их от советских войск, позволят оттянуть час своего разгрома.

Действительно, если бы наступающие замешкались и дали врагу собраться с силами, — взять форт, или «раскусить этот орешек», как говорил Малышев, было бы нелегко. Но форт был взят, во вражеской обороне пробита порядочная брешь. Ее надо было расширить. И наступление продолжалось. Батальон Яковлева на рассвете выбил гитлеровцев еще из одного укрепления — железобетонного бункера и, неуклонно продвигаясь вперед, овладел перекрестком дорог. Боевая задача была выполнена. Батальон получил приказ — закрепиться и оборонять захваченный рубеж.

Установилось некоторое затишье. Гитлеровцы, по-видимому, решили любой ценой вернуть утерянные позиции. Упорно бросались они в контратаки, но, каждый раз встреченные губительным огнем, откатывались назад. Тогда фашисты пустили на рубеж гвардейцев 14 тяжелых танков, которые разбили наши орудия прямой наводки. Гвардейцы укрылись в бункере и продолжали стойко отражать вражеский натиск, стреляя из амбразур и дверей укрепления. И хотя ряды батальона поредели, никто не дрогнул, не пал духом.

— Будем драться до последнего, не отступим! — решительно сказал комбат. И все, кто находился здесь, жили этим стремлением.

ОТ СОВЕТСКОГО
ИНФОРМБЮРО

10 апреля

...9 апреля, т. е. после прекращения сопротивления немецких войск в Кенигсберге, в течение ночи с 9 на 10 и днем 10 апреля сдалось в плен около 50 тысяч немецких солдат и офицеров.

Таким образом, за время боев по ликвидации кенигсбергской группировки немцев, т. е. с 6 по 10 апреля, взято в плен всего более 92 тысяч немецких солдат и офицеров.

За тот же период немцы потеряли убитыми до 42 тысяч солдат и офицеров.

В числе пленных 1819 офицеров и 4 генерала — комендант Кенигсбергского укрепленного района генерал от инфантерии Ляш, заместитель коменданта крепости генерал-лейтенант Микош, командир 61-й немецкой пехотной дивизии генерал-лейтенант Шпрель, командир 367-й немецкой пехотной дивизии генерал-майор Хенле.

Войска фронта захватили следующие трофеи: полевых орудий — 2030, танков и самоходных орудий — 89, минометов — 1652, пулеметов — 4673, бронетранспортеров — 119, бронепоездов — 2, автомашин — 8560, тракторов и тягачей — 137, паровозов — 774, вагонов — 8544, катеров и барж — 146, складов с военным имуществом — 441.

Уничтожено: самолетов — 120, полевых орудий — 1193, минометов — 568, танков и самоходных орудий — 104, бронетранспортеров — 82, автомашин — 1719, паровозов — 23, вагонов — 215, складов с военным имуществом — 77.

В течение 10 апреля на Земландском полуострове западнее Кенигсберга войска 3-го Белорус-

Фашисты вновь и вновь бросались в атаки. К стенам укрепления приблизились танки и в упор ударили из орудий. Но снаряды не брали толстых железобетонных стен.

— Рус, сдавайся, взорвем, — доносилось снаружи.

— А ну-ка, Маликов, заткни ему глотку, — предложил кто-то из солдат дежурному пулеметчику.

Тем временем сержанты Мальцев, Плиев и Волоткевич, рядовые Терехов, Шатковский, Спиридонов под прикрытием товарищей совершили дерзкую вылазку из бункера и гранатами подбили танк, уничтожили орудийный расчет.

Ночью фашисты начали долбить в земляном покрытии бункера щели, чтобы заложить туда взрывчатку и взорвать укрепление. Это не поколебало стойкости гвардейцев. Комбат вызвал по радио огонь артиллерии и тяжелых реактивных минометов на расположение своего осажденного гарнизона. Десятки залпов накрыли гитлеровцев. А вскоре на помощь батальону пришли другие подразделения.

Важный рубеж остался в наших руках. Прочно закрепившись на нем, гвардейцы начали упорно готовиться к штурму Кенигсберга. Днем и ночью в ближнем тылу обороны они учились штурмовать дома, забрасывать гранатами узкие амбразуры дотов и окна подвалов. Днем и ночью разведчики наметанными глазами прощупывали огневые точки, изучали вражескую оборону.

В начале апреля подготовка к штурму была завершена, поступил приказ о наступлении.

Перед боем в подразделениях состоялись митинги, партийные и комсомольские собрания, на которых зачитывалось и обсуждалось обращение Военного совета фронта.

«Перед вами, славные воины, — говорилось в обращении, — Родина поставила задачу сокрушить остатки немецко-фашистских войск, прижатых к морю и укрывшихся в Кенигсберге.

Вы у стен Кенигсберга. Здесь, в этом городе, фашистские разбойники торговали кровью и слезами наших жен и матерей, детей и подростков, десятками тысяч продавали их с молотка в рабство прусским помещикам.

В этом городе — змеином питомнике — гитлеровские бандиты выращивали свои кадры шпионов и диверсантов, крепостников и мародеров, грабителей и детоубийц — этих профессиональных погромщиков, этих средневековых мракобесов.

Вы пришли сюда как победители, как мстители и судьи над фашистскими извергами за все их бесчисленные злодеяния».

Обращение Военного совета звало воинов вперед, на штурм Кенигсберга. И туманным апрельским утром с рубежа, который захватил и отстоял батальон Яковлева, они рванулись вперед, к серым городским кварталам.

ского фронта с боями заняли населенные пункты Метгеген, Модиттен, Клайн-Фридрихсберг, Грос-Хольштейн...

ОТ СОВЕТСКОГО
ИНФОРМБЮРО

25 апреля

Войска 3-го Белорусского фронта 25 апреля овладели последним опорным пунктом обороны немцев на Земландском полуострове — городом и крепостью Пиллау — крупным портом и военно-морской базой немцев на Балтийском море, а также заняли населенные пункты Лохштадт, Ной-Хойзер, Химмельрайх, Плангате, Камстигалл.

Генерал-майор запаса
М. СМИРНОВ

МЫ ВХОДИМ В КЕНИГСБЕРГ...

В конце марта я был вызван в Военный совет 3-го Белорусского фронта. Командующий войсками Маршал Советского Союза А. М. Василевский и член Военного совета генерал В. Е. Макаров объявили мне о назначении комендантом города и крепости Кенигсберг. Получив исчерпывающие указания, а также документ, удостоверяющий мою должность и права, я приступил к формированию военных комендатур. Накануне штурма оно было закончено.

Утром 6 апреля я выехал на наблюдательный пункт командующего 50-й армией генерал-лейтенанта Ф. П. Озерова.

Я прибыл к генералу Озерову в тот момент, когда артиллерия заканчивала огневой налет по переднему краю и готовилась перенести огонь в глубину. Пехота и танки сосредоточились к атаке. Шли последние доклады о готовности, уточнялись задачи штурмовых групп. Наконец, подана команда: «В атаку, вперед!»

Опять доклады о переходе в атаку, о преодолении противотанкового рва, об овладении первой траншеей. Прошло еще некоторое время, пока атака не вошла в свое обычное русло. И только тут генерал Озеров, повернувшись ко мне, сказал:

— Ну, а теперь поговорим...

Я сообщил ему о своем назначении, а также передал решение Военного совета фронта о назначении его начальником гарнизона города и крепости Кенигсберг.

Мы быстро договорились обо всем, что требовалось.

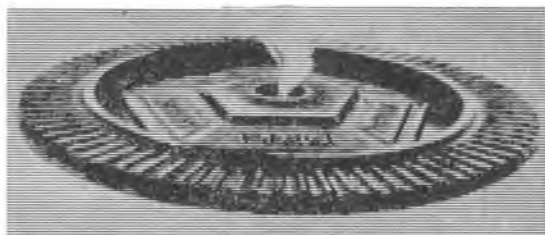
Я оставался еще некоторое время на наблюдательном пункте генерала. В стереотрубу, находившуюся на высоком дереве, было видно, как идет бой, как наши части овладевали траншеями, продвигаясь вперед.

Все части военной комендатуры Кенигсберга к этому времени вышли на исходное положение. Только рассвело, мы тронулись в путь. Объехали Кенигсберг с северо-запада и вышли на шоссе, ведущее в город. Двигались нескончаемым потоком войска вторых эшелонов. Шли иностранные рабочие, оставленные немцами в городе для работы на военных заводах. Выходили из города освобожденные из плена советскими войсками американцы, англичане, французы, итальянцы, голландцы, датчане, чехи, югославы, поляки. Они с восторгом приветствовали свою освободительницу — Советскую Армию.

Мы смогли доехать на машинах только до перекрестка улиц Гинденбурга и Линцмана. Впереди шли бои, и двигаться дальше было нельзя. Комендатура развернулась в ближайших к этому перекрестку улицах и начала работу.

9 апреля гарнизон города и крепости Кенигсберг капитулировал.

Было создано временное гражданское управление, восстановлены водопровод, электроосвещение, организована бесплатная медицинская помощь немецкому населению. Возвращались на родину иностранные граждане и бывшие военнопленные союзных армий. Им были обеспечены всесторонняя помощь и содействие.

БЕССМЕРТИЕ

ИВАН ДАНИЛОВИЧ ЧЕРНЯХОВСКИЙ

В сквере у железнодорожного вокзала станции Черняховск есть скромный памятник. На нем бюст человека с молодым волевым лицом. Под широкими, густыми бровями угадывается ясный, устремленный вперед взгляд. Этот памятник сооружен в честь славного сына советского народа генерала армии Ивана Даниловича Черняховского, чье славное имя увековечено в названии бывшего прусского города Инстербурга.

И 39 лет не прожил молодой полководец, прославившийся как один из самых выдающихся советских военных деятелей. Вся его короткая жизнь была ярким примером беззаветного служения своему народу, своей Родине.

Отец Ивана Даниловича служил железнодорожным стрелочником на станции Умань на Украине. Великая Октябрьская социалистическая революция открыла перед людьми труда светлое будущее, и старый железнодорожник мечтал создать сыну счастливую жизнь. Но в 1918 году двенадцатилетний Ваня Черняховский лишился родителей. Ему не оставалось ничего другого, как уйти подпаском в ближайшее село. Года три он работал у деревенских богатеев, но его тянуло на железную дорогу, и товарищи отца устроили подростка учеником слесаря. То были годы гражданской войны, годы борьбы с разрухой, годы становления Советской власти на Украине.

Шестнадцати лет, в 1922 году, Иван Черняховский вступил в Коммунистический Союз Молодежи и вскоре стал активистом комсомольской ячейки. Огромная жажда знаний, неутомимость в труде, неугасимый юношеский задор обратили на себя внимание. И когда потребовалось послать самых лучших комсомольцев в военное училище, выбор пал на Ивана Черняховского. Было это в 1924 году — году, когда со-

ветский народ и весь мир потеряли великого вождя человечества Владимира Ильича Ленина.

Жить по-ленински, учиться по-ленински, отдавать все силы служению народу — это стало мечтой и целью жизни будущего полководца.

С тех пор вся жизнь и деятельность Ивана Даниловича Черняховского были неразрывно связаны с укреплением могущества Вооруженных Сил Советского Союза.

— Не думайте, — говорил Черняховский, — что в учебе есть какая-то точка, достигнув которой, можно сказать: «Хватит, дальше идти некуда».

И сам он никогда не довольствовался достигнутым.

После артиллерийского военного училища он продолжает учебу в Военной академии механизации и моторизации и блестяще заканчивает ее. Курсант, командир взвода, затем батальона, полка, дивизии Иван Данилович Черняховский хорошо знал солдатскую жизнь. Великую Отечественную войну он начал командиром танковой дивизии, позднее командовал танковым корпусом и армией, а с 1944 года — 3-м Белорусским фронтом.

Славен и труден боевой путь коммуниста полководца.

Никогда не будут забыты героические действия танкистов соединения, которым командовал полковник Черняховский, отражая натиск гитлеровцев в Прибалтике. Под литовским городом Шяуляем советские танкисты проявили беспримерную стойкость и мужество, нанесли огромный урон отборным гитлеровским механизированным войскам. Несколько дней и ночей подряд не выходили из боя танкисты Черняховского под древним Новгородом, отстаивая каждую пядь родной земли.

В 1942 году И. Д. Черняховскому было присвоено звание генерал-майора и поручено командование одной из армий, сражавшихся на Воронежском фронте. Эта армия находилась на самых трудных и ответственных участках.

Когда в августе 1943 года героические советские войска приступили к освобождению Украины, части под командованием Черняховского получили приказ захватить важные узлы коммуникаций — Глухов, Кролевец, Конотоп, Бахмач, Нежин. Несколько дней упорных, умело проведенных боев, и над этими городами вновь взвился красный советский флаг. Развивая свое стремительное наступление, части под командованием Черняховского форсировали Днепр и захватили плацдарм на правом его берегу. Так началось освобождение Правобережной Украины от немецко-фашистских захватчиков.

Полководческий гений генерала Черняховского с особенной силой развернулся в наступательных операциях 1944—1945 гг. Назначенный в апреле 1944 года командующим 3-м Белорусским фронтом, Иван Данилович Черняховский вместе с генералами и офицерами своего

штаба начал подготовку к решительному наступлению на территории Белоруссии. Огонь многих тысяч орудий, натиск авиации и танков на позиции врага положили начало стремительному броску на запад. Спустя 20 дней и ночей непрерывных ожесточенных боев, передовые части фронта вышли к берегам Немана. Позади остались освобожденные столицы двух союзных республик — Белоруссии и Литвы, впереди было тогдашнее логово фашистского зверя — Восточная Пруссия.

Войска 3-го Белорусского фронта не только форсировали Неман, но и успешно развивали наступление, сокрушая мощную долговременную оборону восточнопрусской группировки гитлеровцев. Начиненная взрывчаткой, изрытая траншеями и ходами сообщений, укрепленная железом и бетоном, эта земля казалась неприступной. Но перед мощью советских войск, перед мужеством и отвагой советских воинов рушились все преграды.

В ту пору Черняховского особенно часто видели в войсках. Генерал пробирался в окопы передовой линии, инспектировал офицеров, беседовал с рядовыми бойцами.

Как-то отвечая на вопрос генерала, один из солдат посетовал:

— У фашистов все бетон да бетон.

— А у нас все железо да сталь, и воля у нас стальная, — возразил Черняховский. — Что устоит против нас? Ничто.

Эти слова командующего передавались из роты в роту, их сохранила для истории фронтовая солдатская газета.

В самом начале 1945 года части фронта возобновили наступление. Новый прорыв вражеской обороны был осуществлен 19 января, а уже на следующий день красный флаг взвился над Тильзитом, 21 января — над Гумбинненом, 22 января — над Инстербургом, носящим теперь имя Черняховского.

В течение нескольких последующих дней вражеское сопротивление было сломлено в таких крупных опорных пунктах, какими являлись города Велау, Даркемен, Тапиау, Фридланд, Лабиау, Норденбург. А 27 января победоносно завершился прорыв долговременной, глубоко эшелонированной обороны гитлеровцев в районе Мазурских озер. Тем самым все больше сжималось кольцо, затягиваемое советскими частями вокруг цитадели прусского милитаризма — города-крепости Кенигсберг.

Ранним утром тридцать шестого дня наступления генерал армии Черняховский выехал на левый фланг фронта. Это была его последняя поездка. Тяжелое осколочное ранение оказалось смертельным. 18 февраля 1945 года Ивана Даниловича не стало.

Тело дважды Героя Советского Союза И. Д. Черняховского с воинскими почестями похоронено в столице Литвы — Вильнюсе. В центре города, освобожденного войсками под командованием Черняховского, сооружен монументальный памятник из гранита и бронзы.

СТЕПАН САВЕЛЬЕВИЧ ГУРЬЕВ

Тысяча девятьсот сорок пятый год...

Январь метет мокрым снегом. Мороз по ночам крепчает, и тогда полы шинели покрываются ледяной коркой. Дороги, идущие в сторону от шоссе, размякли. В непроглядной тьме слышен тяжкий рокот моторов.

Колонны войск — моторизованных и пеших — движутся по шоссе, проселками, по бездорожью. Если бы можно было зажечь фары, обозначились бы надписи на бортах впереди идущих машин: «На Кенигсберг!», «На Берлин!»

Только что войска 3-го Белорусского фронта совершили беспрецедентный по тому времени прорыв сильно укрепленной долговременной вражеской обороны. Гитлеровцы бросили в контратаку мощные войсковые соединения, поддерживаемые танками. Положение создалось напряженное. Надо было немедленно наращивать удары, не дать опомниться гитлеровцам, смять их, отбросить назад.

Командующий фронтом генерал армии Черняховский все чаще и чаще задавал один и тот же вопрос:

— Как Гурьев?

Каждые пятнадцать минут ему докладывали о продвижении частей соединения генерала Гурьева. Командующий требовал: «Торопите!» По телефонным проводам и по радио летели приказы, уточняющие боевую задачу находившимся на марше гвардейским полкам. Мчались, брызжа мокрым снегом, мотоциклисты-связисты. Хозяева фронтовых дорог — военные регулировщики — направляли на второстепенные проселки весь транспорт, без которого можно было обойтись в эти решающие часы. Пусть быстрее продвигаются гурьевцы!

И гурьевцы спешили.

Их машины, танки, артиллерийские тягачи шли безостановочно.

Люди не знали отдыха и не хотели его, они рвались в бой.

На языке военных это стремительное движение называлось форсированным маршем. «После форсированного марша, — стучали телеграфисты по клавишам своих «СТ», — соединение гвардии генерал-майора Гурьева было введено в прорыв. Несмотря на усталость личного состава, оно в первый же день сломило оборону противника и глубоко вклинилось в расположение врага».

Тесно взаимодействуя с другими частями, соединение генерала Гурьева разгромило инстербургскую группировку противника и с ходу форсировало реку Прегель. Стремительным ударом советские войска прорвали мощные укрепления этого вражеского рубежа. Гитлеровцы

не успели опомниться, как передовые гвардейские части 29 января оказались на ближних подступах к Кенигсбергу. Город-крепость был теперь виден невооруженным глазом. В укреплениях внешнего обвода, в фортах и дотах, опоясавших змеиное гнездо прусской военщины, все труднее становилось укрываться врагу от снарядов, посылаемых советскими артиллеристами.

Преодолевая бешеное сопротивление врага, наступающие войска все теснее сжимали вокруг Кенигсберга кольцо окружения, подготавливались к решительному штурму.

Советская Армия хорошо знала генерала Гурьева. Семнадцатилетним юношей он в 1919 году добровольно взял в руки оружие, чтобы защищать молодую Советскую республику. Почти три года он бесстрашно сражался на фронтах гражданской войны, а когда она закончилась полной победой нашего народа, остался на военной службе. Из рядового бойца Степан Савельевич Гурьев вырос в опытного, волевого, талантливоего командира. Учеба в военной академии обогатила знаниями, расширила политический кругозор будущего полководца.

Боевые заслуги Гурьева Родина отметила многими наградами. И рядом с орденом Ленина, четырьмя орденами Боевого Красного Знамени и другими наградами он с гордостью носил две скромные, но так много значившие для него медали — «XX лет РККА» и «За оборону Москвы»...

Во всю силу развернулся могучий полководческий талант генерала Гурьева при штурме Кенигсберга. Непрерывно совершенствуя выучку войск, он готовил свои части к сокрушительному удару по врагу. Приземистая генеральская машина появлялась то в одном, то в другом полку. Только недавно выведенные из боя батальоны с гвардейским упорством овладевали сложной тактикой уличного боя.

В те дни генерала часто можно было видеть среди солдат, штурмовавших учебные городки — группы разрушенных зданий. Гурьев не уходил, пока не убеждался, что в учении все делается, как в бою.

Иногда, изменяя план занятий, он ставил перед командиром какую-либо новую задачу. И если бойцы роты умели, к примеру, стремительно взобраться по выступам зданий на верхние этажи, втащить туда пулеметы, Гурьев радовался от души.

— Вот это гвардейцы! Вот это суворовцы! Спасибо за отличную службу, — говорил генерал.

На партийно-комсомольских собраниях, где обсуждались задачи коммунистов и комсомольцев в штурме Кенигсберга, много говорилось об опыте учебы. Гурьев требовал обобщать опыт наиболее натренированных штурмовых батальонов и групп, широко распространять его.

— Тактикой уличного боя должен владеть каждый командир и сол-

дат, — говорил Гурьев, ясно понимавший, что взятие Кенигсберга будет чрезвычайно трудным делом.

Как и ожидалось, гитлеровцы обороняли Кенигсберг с отчаянием и злобой обреченных. Свои укрепления они считали неприступными, и не без оснований.

Соединение Гурьева при поддержке артиллерии, танков и авиации взломало на своем участке насыщенную огнем и бетоном вражескую оборону в течение одного дня, обеспечив тем самым успех остальных соединений.

Против соединения Гурьева гитлеровцы бросили свои лучшие части. В их составе были специально сформированные офицерские батальоны. Командующий кенигсбергским гарнизоном генерал от инфантерии Ляш возлагал на них особые надежды...

В те трудные часы, когда казалось, что воздух раскалывается от разрывов, генерал Гурьев, не считаясь с опасностью, лично управлял своими частями. Его исключительное мужество и твердость передавались командирам и солдатам. Они упорно продвигались вперед. Вечером штурмовые батальоны вышли к Прегелю. Река несла горящие обломки баркасов и бочек с пылающим мазутом. Из зданий на северном берегу немцы вели ураганный обстрел реки. В удушливый, задымленный воздух взмывали тысячи осветительных ракет.

«Как поступить?» — этот вопрос Гурьев читал в глазах окружающих его офицеров. Ответа на этот вопрос, его приказа ждали командиры штурмовых отрядов. И Гурьев, не колеблясь, отдал единственно возможный, вытекавший из общего плана штурма Кенигсберга, предельно короткий приказ:

— Форсировать!

Ночью, подавляя огневые точки врага, гвардейцы пересекли Прегель. Перебирались на понтонах и обнаруженных поблизости лодках, на дверных створках, сорванных с разрушенных зданий, переплывали кто как мог. А под утро храбрецы, первыми перебравшиеся через Прегель, закрепились на отвоеванных участках северного берега.

В тесном взаимодействии с другими наступающими частями соединение генерала Гурьева окружило крупную группировку войск противника и вынудило кенигсбергский гарнизон гитлеровцев к безоговорочной капитуляции.

Воинский подвиг гвардии генерал-майора Степана Савельевича Гурьева при штурме Кенигсберга Родина отметила высшей наградой — присвоением ему звания Героя Советского Союза.

Из полыхавшего пожарами Кенигсберга Гурьев писал жене о радости близкой победы. «Скоро увидимся», — обещал он в письме. Но заветная мечта Степана Савельевича не сбылась.

На подступах к Пиллау Степан Савельевич Гурьев был смертельно ранен. Это случилось 22 апреля 1945 года.

Скорбная весть быстро облетела войска. Кипучей ненавистью наполнились сердца гвардейцев. Они поклялись с честью выполнить боевую задачу. И клятву свою сдержали.

В ночь с 23 на 24 апреля 1945 года начался штурм последней вражеской крепости, последнего пристанища фашистских разбойников в Восточной Пруссии — порта и крепости Пиллау.

«Навеки вписаны в историю подвиги войск генерал-майора Гурьева, — писала «Правда» об этом сражении. — Всем памятен ожесточенный бой за форт № 8 у залива Фришес-Хафф, окончившийся капитуляцией гарнизона».

Советские люди свято чтят светлую память о славном сыне нашей великой Родины, коммунисте, талантливом и отважном генерале Степане Савельевиче Гурьеве. Его имя увековечено в названии города Гурьевска и Гурьевского района Калининградской области.

Бюст Героя Советского Союза С. С. Гурьева установлен в городе его имени и в Калининграде у обелиска в память советским воинам, павшим при штурме Кенигсберга.

СТЕПАН КУЗЬМИЧ НЕСТЕРОВ

Ночь накануне была ветреной, шелестела последними охалками схваченных морозом звонких листьев. Никто из советских бойцов не спал. Леса, перелески, деревни и хутора километров на двести по фронту жили напряжением грядущего боя.

Улучив пару минут, гвардии полковник Нестеров быстро побрился при свете аккумуляторной лампы и вышел из блиндажа.

Отлично ориентируясь в темноте, полковник обходил танковые батальоны, останавливался возле громадных «КВ» и его любимых Т-34, расспрашивал экипажи о готовности к бою. В ответ он слышал одни и те же, идущие от самого сердца слова, — слова решимости добить врага, прославить любимую Родину новой победой. Каждый хотел пережить границу обязательно первым. А над лесом уже поднималось блеклое октябрьское утро...

Вот каким сохранила для истории это утро, этот день оперативная сводка Совинформбюро:

«На рассвете в воздухе появились сотни советских штурмовиков и бомбардировщиков. Несколько часов подряд они наносили удары по укреплениям противника и его прифронтовым коммуникациям. Затем началась артиллерийская подготовка. Большое количество орудий разных калибров обстреливали позиции немцев, подавляя их огневые точки. Вслед за огненным валом в атаку двинулась советская пехота. Стремительным броском наши бойцы преодолели многочисленные заграждения и три сплошные линии траншей, усиленных дотами, дзотами и бронированными колпаками. Противник яростно сопротивлялся и непрерывно переходил в контратаки...

Отбивая контратаки противника, наши танкисты и пехотинцы настойчиво продвигались вперед и овладели немецким городом Шталлупененом...»

Бой близ города вел танковый Краснознаменный корпус, где заместителем командира по строевой части служил гвардии полковник Степан Кузьмич Нестеров.

Степан Кузьмич Нестеров был одним из храбрейших и опытнейших советских офицеров. Из 33 лет жизни 16 он отдал непрерывной службе в Вооруженных Силах нашей страны. Армия дала ему отличное военное образование, закалила его волю. Большевицкая партия, достойным членом которой он был и оставался до последнего дня своей жизни, воспитала его пламенным патриотом Родины.

Первое боевое крещение Степан Кузьмич Нестеров получил в финскую войну. А в 1941 году танковая бригада, которой он командовал, приняла на себя один из первых вражеских ударов и нанесла гитлеровцам огромный урон.

Советское командование и правительство высоко оценили боевые заслуги С. К. Нестерова. Он был награжден орденом Ленина, орденом Суворова II степени, орденом Красного Знамени, орденом Александра Невского.

При прорыве вражеской обороны и вторжении в Восточную Пруссию командование поручило гвардии полковнику Нестерову руководить боем и координировать действия Краснознаменной ордена Суворова танковой и мотострелковой бригад, которые вели наступление на левом фланге корпуса. Нестеров блестяще справился с этой задачей.

Особенно напряженная обстановка создалась после прорыва первой линии обороны противника. Гитлеровцы рассчитывали задержать наступающие советские войска на рубеже реки Писсы.

С западного берега немцы вели многослойный непрекращающийся артиллерийский, минометный и пулеметный огонь по переправе. Но не было силы, которая могла бы остановить могучую лавину наступающей Советской Армии.

Как только была обеспечена переправа главных сил, гвардии полковник Нестеров немедленно двинул передовые части на позиции про-

тивника, укрепившегося на западном берегу. В эти часы его можно было видеть в самой гуще войск, на самых опасных и ответственных участках.

Бесстрашие командира, его приказы, бьющие всегда по главной цели, решили успех стремительного, сложного боя. Противник был смят, уничтожен. Остатки его разбитых полков в беспорядке отступали на запад.

Так наши головные части, совершив прорыв, смело вклинились в глубину обороны противника, обеспечив победу всему корпусу. Вскоре другие части корпуса с боем овладели городом Шталлупененом — одним из мощных опорных пунктов обороны противника.

Когда над Шталлупененом взвился красный стяг победителей, Степан Кузьмич Нестеров, двое суток не смыкавший глаз, продолжал все с той же энергией и решительностью командовать наступлением. Западнее местечка Коссубен Степан Кузьмич Нестеров был смертельно ранен вражескими автоматчиками...

Боевые друзья, на руках которых умирал истекающий кровью герой-офицер, не могли сдержать слез.

Президиум Верховного Совета СССР посмертно присвоил Степану Кузьмичу Нестерову звание Героя Советского Союза. В представлении, сделанном правительству, командование отмечало, что «пав смертью храбрых на поле боя, гвардии полковник Нестеров до конца выполнил свой воинский долг».

Никогда не изгладится из народной памяти светлый образ храброго солдата, негибаемого большевика, верного сына Советской Родины товарища Нестерова. Славное имя его осталось жить в названии Нестеровского района и нового советского города Нестерова, поднявшегося на руинах Шталлупенена, — города, близ которого пролилась кровь героя.

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ГУСЕВ

В селе Студенки, близ города Липецка, в семье рабочего Ивана Гусева в 1918 году родился сын Сергей. Ко времени, когда Сережа Гусев окончил семилетку, в городе были построены крупные предприятия. На одно из них — металлургический завод — и поступил юноша. Он с отличием окончил школу фабрично-заводского обучения. На завод пришел знающим свое дело электрокрановщиком.

Потом, выполняя почетный гражданский долг, Сергей Гусев стал красноармейцем. Его военная служба проходила в суровых условиях Забайкалья. Здесь молодой рабочий, ставший солдатом, получил воинскую закалку. Командиры гордились им как отличником боевой и политической подготовки, а товарищи брали с него пример.

В октябре 1940 года Сергей Иванович Гусев был демобилизован и возвратился в Липецк. Еще более разросшийся и похорошевший завод встретил Сергея веселым неумолкающим гулом станков. Старые мастера, знавшие его рабочую хватку, наперебой звали к себе. И скоро в числе передовых рабочих Липецкого металлургического завода появилось новое имя. Молодой рабочий, умевший увлечься книгой и спортом, прославившийся высокопроизводительным трудом на заводе, мечтал стать инженером. Но не суждено было сбыться его мечте.

Вероломное нападение гитлеровских захватчиков на нашу Родину нарушило мирные планы всего советского народа. В сердце Сергея кипела неукротимая ненависть к врагу. Разве было в ту пору хоть одно сердце патриота, не клекотавшее гневом?

Молодой патриот ходил в военкомат, к секретарю парткома завода, в комитет ВЛКСМ и требовал послать его на фронт. Ему говорили: работай, твой труд тоже нужен фронту, а понадобится — позовем. И он работал — за троих, за четверых. Работал с яростью, перестав различать день и ночь, забывая, какую смену подряд он не отходит от станка. Так прошло лето.

В октябре 1941 года Липецкий горвоенкомат удовлетворил просьбу Сергея Ивановича Гусева. Он был направлен в одну из частей, оборонявших героический Ленинград.

В одном из жестоких боев — это было 6 февраля 1942 года — Сергей Гусев был ранен. Из Горького, где два с лишним месяца пролежал в госпитале и где узнал о своем награждении орденом Красной Звезды, он послал маленькой дочери Нине фотографию на память, а жене и родителям письмо, полное непоколебимой веры в победу. В том же 1942 году Гусев вступил в ряды большевистской партии.

Ему довелось воевать под Сталинградом, форсировать Днепр. На его груди прибавился еще один орден — Отечественной войны II степени, и еще одна золотистая нашивка — свидетельство о тяжелом ранении — появилась над карманом его гимнастерки.

Полк, вместе с которым капитан Гусев — заместитель командира батальона по политической части — когда-то форсировал Днепр, в 1944 году вышел с боями к границе Восточной Пруссии.

15 октября 1944 года Сергей Иванович писал в Липецк родным:

«Сообщаю вам, что за отличные боевые действия против немецких захватчиков командование меня наградило орденом Отечественной войны I степени. Эта высокая награда обязывает меня еще крепче бить фашистских захватчиков, да и нет никакого сомнения, что эту правитель-

ственную награду и доверие нашего народа я с честью оправдаю. Не сомневаюсь в том, что ты, папа, вместе с мамой верите в мои силы, обещаю, что я никогда вас не подведу, достойно выполню любой приказ командования... Мы с каждым днем подвигаемся ближе к фашистскому логову...»

В боях при прорыве сильно укрепленной, глубоко эшелонированной обороны немцев в Восточной Пруссии батальон, где служил Гусев, сражался с исключительным мастерством и отвагой. Молодой политракторщик капитан Гусев сумел завоевать любовь и уважение солдат. Каждый воин готов был на подвиг во славу Родины. Чувство лютой ненависти к врагу и беспредельной любви к своему народу, к родной партии утраивало силы солдат.

Пять дней — с 13 по 18 января 1945 года — ни на минуту не умолкал бой. Вражеская оборона была прорвана, наши воины громили отдельные узлы сопротивления немцев.

Ожесточенные бои развернулись на подступах к Гумбиннену. Отборные немецкие части, усиленные артиллерией и танками, оказывали наступающим советским войскам отчаянное сопротивление.

Замечательную победу одержал батальон 17 января 1945 года на подступах к населенному пункту Грос-Байтчен. Капитан Гусев в этом бою находился на левом фланге батальона. Враг отчаянно отбивался, и была минута, когда казалось, что он отбросит наши наступающие цепи. Но в этот момент, со свойственным ему хладнокровием и мужеством, капитан Гусев с группой солдат зашел противнику во фланг. Стремительной атакой советские бойцы под командованием Гусева нанесли фашистам неожиданный удар, отрезали от основных сил и уничтожили до роты гитлеровцев.

В бою непосредственно за Грос-Байтчен во время вражеской контратаки, поддерживаемой танками, выбыл из строя командир стрелковой роты старший лейтенант Вепринцев. Чтобы не допустить и малейшей растерянности, выиграть бой, капитан Гусев принял командование ротой на себя.

«Отомстить врагу за смерть командира!» — этот клич, брошенный Гусевым, был подхвачен бойцами. Они поднялись в решительную атаку. Впереди, увлекая за собой роту, шел заместитель командира батальона капитан Гусев. Развивая успех роты, полк успешно выполнил поставленную командованием боевую задачу. Гитлеровцы оказывали отчаянное сопротивление. Их приходилось выкуривать из каждого дома, из каждого подвала, с чердаков. В одной из рукопашных схваток пал смертью храбрых капитан Сергей Иванович Гусев.

В ночь на 21 января батальон первым ворвался на улицы Гумбиннена. За неделю боев батальон, солдаты и офицеры которого за совершенные ими подвиги были награждены орденами и медалями Советского Союза, нанес врагу огромный урон. Он уничтожил свыше 300 гит-

леровских солдат и офицеров, 18 автомашин и 26 повозок с грузами; в трофеи батальона были зачислены отбитые у врага 8 орудий, 26 пулеметов, 19 минометов, 5 автомашин.

Мужественному офицеру, горячему патриоту Родины Сергею Ивановичу Гусеву правительство 19 апреля 1945 года посмертно присвоило звание Героя Советского Союза.

Его славное имя носят город Гусев и прилегающий к нему район.

АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ КОСМОДЕМЬЯНСКИЙ

Жестокой и справедливой была священная месть советских воинов за Зою Космодемьянскую, за лишения и страдания, нанесенные нашему народу гитлеровскими захватчиками. Воином-мстителем, воином-освободителем решил стать и младший брат Зои, Александр Космодемьянский.

— Чужие люди пишут тебе: «Мы будем мстить за Зою», — говорил он матери, прося ее согласия на поступление в военное училище. — А я, родной брат, останусь дома? Да как же я посмотрю в глаза людям?

В мае 1942 года Александр Космодемьянский стал курсантом танкового училища. Из стен училища он вышел в звании лейтенанта, которое присваивалось особо отличившимся в учебе курсантам. А в октябре 1943 года в «Правде» среди сообщений из действующей армии были помещены следующие строки.

«Части энского соединения добивают в ожесточенных боях остатки 197-й немецкой пехотной дивизии, офицеры и солдаты которой в октябре 1941 года в деревне Петрищеве замучили и убили отважную партизанку Зою Космодемьянскую... Здесь отважно сражается и мстит за сестру брат Зои — комсомолец-танкист, гвардии лейтенант Космодемьянский. В последнем бою экипаж танка «КВ» под командованием т. Космодемьянского первым ворвался во вражескую оборону, расстреливая и давя гусеницами гитлеровцев».

Советская Армия шаг за шагом продвигалась вперед, на запад. И для Александра один бой сменялся другим, еще более ожесточенным, еще более трудным. Он писал матери из освобожденной Литвы: «Я был ранен, но не покидал поле боя... Сейчас у меня все затянулось и зажило. Спасибо за поздравление, я действительно получил золотой орден —

орден Отечественной войны I степени. У меня на руках приказ о награждении орденом Красного Знамени».

В боях, развернувшихся в Восточной Пруссии, Александр Космодемьянский был ранен, но скромно сообщил домой, что его «малость поцарапало». А 6 апреля 1945 года отважный гвардеец был среди тех, кто положил начало штурму Кенигсберга...

К тому времени Александр Космодемьянский стал командиром мощной артиллерийской самоходной установки, сочетая в себе качества артиллериста и танкиста. К боевому счету Александра прибавилась уничтоженная им вражеская артиллерийская батарея, взорванный склад с боеприпасами, десятки истребленных гитлеровцев.

После капитуляции немцев в Кенигсберге Космодемьянский был назначен командиром батареи. Выполняя боевой приказ, советские гвардейцы преследовали отступающего врага. В населенном пункте Фирбруденкруг артсамоход молодого командира батареи раздавил четыре вражеских противотанковых орудия и уничтожил десятки гитлеровцев. Но в этом тяжелом бою оборвалась жизнь Александра Космодемьянского.

Светлым именем Героя Советского Союза Александра Космодемьянского назван один из рабочих поселков Калининграда.

ИВАН МАРТЫНОВИЧ ЛАДУШКИН

С группой советских войск, которые громили врага у Мазурских озер, освобождали древние польские земли, действовала танковая часть, где служил гвардии лейтенант Ладушкин. Было это в начале 1945 года, когда ему едва сравнялось двадцать три года.

В двадцать два года Иван Ладушкин командовал танковым взводом, а свой двадцать третий год начал командиром роты. Это был среднего роста крепыш, с добрыми глазами, широко раскрытыми под густыми ресницами. Веселый балагур на привалах, спокойный в спорах с друзьями, он преображался в бою. Его выдержанность, хладнокровие и мужество в полку ставили в пример.

— Настоящий гвардеец, — говорили о нем старшие командиры.

Бывалые офицеры-танкисты часто удивлялись: когда Ладушкин успел так основательно изучить танк и тактику танкового боя? Правда, он окончил танковое училище, но ведь это было уже во время Великой

Отечественной войны, когда занятия велись по сокращенной программе и месяцы заменялись неделями. Видно, сказалась горячая приверженность юноши к технике, зародившаяся еще в школьные годы.

В крестьянской семье, жившей в Алтайском крае, делал первые шаги маленький Ваня. Потом родители переехали под Алма-Ату, вступили в колхоз, и мальчик стал учиться. Перед самой войной он закончил десятилетку.

Став танкистом, Иван Ладушкин действовал умело и отважно. Скоро орден Красного Знамени — награда, которой удостоиваются только самые храбрые, — украшал его гимнастерку. В боях мужала воля и закалялся характер отважного танкиста. Родина отметила его ратные подвиги еще двумя наградами — орденами Отечественной войны. Все такой же скромный, отзывчивый, Ладушкин был требовательным командиром. В редкое фронтовое затишье учил подчиненных и учился сам. А в минуты короткого отдыха испускивал два-три листочка тетради и, сложив уголком, посылал домой.

«Дорогие папа и мама, сестренка Саша, Митя и Вася! — писал он в один из февральских дней 1945 года. — Сообщаю о том, что я жив и здоров, причем нахожусь на старом месте, т. е. в Пруссии, где добываем окруженную группировку противника. В общем, фрицы стали не те, что были осенью в 1941 и 1942 годах. Они сдаются в плен пачками и делаются жалкими трусами...»

Но, хотя обстановка на фронте изменилась, бои все еще шли ожесточенные.

Превосходящие силы противника обороняли местечко Дёйч-Тирау, расположенное близ нынешней советско-польской границы и носящее теперь название Иванцово. Дёйч-Тирау являлось одним из опорных пунктов, прикрывавших выход в центр восточнопрусской группировки немцев. И тут вместе со своей частью наносила удар танковая рота под командованием гвардии лейтенанта Ладушкина.

Атаки начались 16 марта на рассвете. А перед этим Ладушкин сумел, прикрываясь темнотой ночи, подвести танки своей роты почти вплотную к вражеской обороне. Маневр удался и стоил гитлеровцам 15 противотанковых орудий и одного артсамохода, не считая потерь в живой силе. Но впереди предстоял еще более жестокий бой.

Танк Ладушкина загорелся от вражеского снаряда, сам командир был ранен. Истекая кровью, он под вражеским обстрелом перешел в другую машину, и танкисты вновь слышали в подшлемных наушниках твердый голос гвардии лейтенанта. А рация командира батальона голосом гвардии майора Устиновича спрашивала:

— Сил хватит? Крепись, помни — ты коммунист, Иван Мартынович. Высылаю тебе поддержку, действуй решительно, сейчас все зависит от тебя...

Вырвавшиеся вперед танки роты Ладушкина выполнили свою труд-

ную задачу, но выполнили дорогой ценой: вражеский тяжелый снаряд пробил башню командирского Т-34, Ладушкин погиб смертью героя. Героем Советского Союза за этот подвиг нарекла его Родина.

Именем Ивана Мартыновича Ладушкина назван Людвигсорт — город, взятый советскими гвардейцами двумя днями позднее — 18 марта 1945 года. Здесь над могилой героя возвышается обелиск, увенчанный бюстом бесстрашного человека в шлеме танкиста.

ЕЛЕНА БОРИСОВНА КОВАЛЬЧУК

Лучше всего могут рассказать о ней бывшие фронтовики, которым она спасала жизнь. Тот, кто, истекая кровью, лежал под вражеским огнем, не имея сил ни ползти, ни шевелиться, навсегда запомнил ее лицо и прядь темных волос, выбивавшихся из-под солдатской шапки. Запомнил имя ее: Лена. Вода из ее фляги смочила запекшиеся губы. Ласковые руки ее перевязали кровоточащие раны. Разве можно забыть человека, вернувшего тебя к жизни!

Отважная Лена — санитарка Елена Борисовна Ковальчук — вынесла с поля боя сотни раненых солдат и офицеров. О ее беззаветной храбрости рассказывали друг другу бойцы, о ее славных подвигах писали солдатские газеты.

Осенью 1945 года у только что открытого тогда величественного памятника героям штурма Кенигсберга сержант-гвардеец рассказал приехавшей делегации рабочих Москвы эпизод, ярко рисующий образ отважной санитарки.

— Это было в Литве. Фашисты без боя не сдавали ни одной позиции, но мы их крушили и гнали почти без остановки. В кровопролитном бою наш батальон занял высоту. Высотка безлесная, укрыться можно только в воронках от бомб или в окопчике, если успел его выкопать.

Старшей санитаркой у нас была Елена Ковальчук, а помощницей у нее — девушка по имени Лиза. Вынесли они раненых с высоты и зашли к нам в землянку отдохнуть немного, соскоблить грязь с шинелей. Раненых все больше ползком выносить приходилось, встать стрельба не давала, оттого и шинели у наших санитарок быстро ветшали...

Вот спрашивает Елена свою помощницу:

— Всех вынесла, Лиза?

— Всех, — отвечает. — Только трое убитых остались. Двое наших, а третий, видно, из десантников — не нашего батальона.

Передернуло Елену. Видим, ремень стянула потуже, сумку санитарную надела и — в траншею. Никто сказать ничего не успел, а Лена наша уже через бруствер перекинулась и поползла по склону. Рядом пули немецкие цвикают, повременить следовало бы.

Лиза кричит вслед: «Не ходи, Лена! Мертвый тот солдат. Шея у него совсем перебита». А Лена, слышим, отвечает: «Не отговаривай. Ты его не за нашего бойца посчитала, плохо посмотрела, а он, может, живой, спасения своего ждет».

Наша Лена в помощь никого не взяла. «Зачем, — говорит, — вдвоем рисковать, если одной управиться можно?» А боец тот живой оказался. На себе десантника притащила, ласковым словом согрела. Благополучно обошлось у нее. Остальное врачи сделали...

Рассказ сержанта не будет полным, если не сказать, что Елена Ковальчук за время войны пять раз была ранена. Два легких ранения она перенесла, оставаясь в строю.

— Мое место в бою, — убежденно говорила она.

Пять правительственных наград — орден Ленина, два ордена Красного Знамени и медали — свидетельства беззаветной отваги и мужества Елены Ковальчук, ее боевых заслуг. Посмертно она была награждена орденом Славы.

Елена Ковальчук погибла на тридцать третьем году жизни. Она пала смертью храбрых, спасая жизнь героя-бойца...

В память о славной патриотке ее имя носит один из колхозов Гвардейского района. Именем Елены Ковальчук названа одна из улиц Калининграда.

С. ДРИГО

ПЕТР ИЛЬИЧ РОМАНОВ

...**З**ападнее поселка Романово есть высота. В начале февраля 1945 года это место было ареной ожесточенных боев советских воинов с фашистами. Здесь совершил бессмертный подвиг командир батальона 140-го стрелкового полка 182-й стрелковой Дновской дивизии капитан Петр Ильич Романов.

Вот как рассказывается об этом в наградном листе на присвоение капитану Романову звания Героя Советского Союза:

«...Образцы исключительного героизма, стойкости и боевого мастерства показал капитан Романов в наступательных боях с 31 января по 8 февраля 1945 года. Воля и энергия, высокая воинская культура офицера Романова обеспечили успешную победу над врагом в боях за вражеские опорные пункты Надрау и Побеттен и высоту у местечка Побеттен.

После захвата нашими войсками опорного пункта врага на этой высоте фашисты предприняли ряд ожесточенных контратак с целью вернуть утерянные рубежи. Первая и вторая контратаки вражеской пехоты с танками были отбиты бойцами батальона Романова.

На рассвете 8 февраля враг снова при поддержке танков и самоходных артиллерийских установок с трех сторон возобновил штурм занятой батальоном высоты, пытаясь любой ценой добиться восстановления прежнего положения. Несмотря на то, что в батальоне оставалось всего 10 бойцов во главе с капитаном Романовым, они героически отстояли завоеванный рубеж, уничтожили много гитлеровцев и подбили один танк.

Организовав круговую оборону высоты, Романов вместе с оставшимися бойцами поклялся ни на шаг не отступить с завоеванного рубежа.

В ходе боя из строя выбыло еще несколько бойцов, а сам Романов был несколько раз ранен. Но он продолжал руководить боем и лично участвовать в нем — лег за пулемет и в упор расстреливал наседавших фашистов.

До последнего дыхания отстаивал завоеванный рубеж герой и патриот полка капитан Романов. В ленте пулемета кончились все патроны, и силы стали покидать отважного офицера. Но Романов не сдался и тогда, отбиваясь от противника гранатами, он вызвал на себя огонь своей артиллерии. Романов погиб смертью героя, так и не пустив врага на высоту...»

В тридцати километрах севернее Тулы раскинулся районный центр Лаптево. Неподалеку от него находятся земли совхоза «Авангард», в который теперь входит и бывшее колхозное село Панское. Это село — родина Героя Советского Союза Петра Ильича Романова. Здесь прошли его детство и юность.

В селе Панском живет мать героя — Александра Игнатьевна, бывший колхозный бригадир, а сейчас пенсионерка. В совхозе «Авангард» работает кузнецом брат Петра Ильича — Иван Ильич Романов. В Пан-

ском и окрестных селах многие до сих пор помнят веселого, никогда не унывавшего Петю Романова.

Петр Ильич Романов родился в 1919 году. Очень рано лишился отца. С юных лет он был приучен к нелегкому крестьянскому труду.

В Панском в 1934 году Петр окончил семилетку и начал работать в колхозе.

18-летним юношей комсомолец Петр Романов уехал в Москву. Там он овладел специальностью штукатура. В столице, в разных районах города, стоят десятки добротных домов, в строительстве которых он участвовал.

Вскоре Петр освоил новую специальность — слесаря — и перешел работать на завод «Рессора». Мастера, товарищи, с которыми он трудился, — все уважали юношу за трудолюбие, сноровку и смекалку. На заводе Петр был ударником, здесь он вступил в комсомол.

В ноябре 1939 года Романова призвали в Советскую Армию. В звании сержанта он встретил начало Великой Отечественной войны.

Впервые с глазу на глаз с фашистами Петр Романов столкнулся на шестой день войны, когда полк, где он служил, получил задание остановить противника, уже дошедшего до берегов Западной Двины. В оборонительных битвах отделение сержанта Романова сразу же проявило высокую стойкость и организованность. Сказывались прежде всего хладнокровие и выдержка командира, его вера в людей, умение вовремя поддержать в них боевой дух, вселить уверенность в победу.

В бою под городом Островом, прикрывая отход роты, Романов с группой бойцов в течение нескольких часов удерживал позиции, отбивая атаки наседавших гитлеровцев. Во время налета вражеской авиации Петр был контужен, но поле боя не покинул до тех пор, пока не вывел бойцов на новый рубеж.

...Командир роты не удивился, когда через три дня Романов был снова в строю и лишь для проформы ротный сказал Петру:

— Что-то вы быстро. Я, признаться, раньше как через две недели вас и не ожидал.

— Некогда, товарищ лейтенант, отлеживаться по тылам, — ответил Романов. — Да и со здоровьем ничего. Не жалуясь.

— Я всегда надеялся на вас, Романов, — офицер крепко пожал руку и по-дружески обнял Петра. — А пришли вы, прямо скажем, кстати. Во втором взводе выбыл командир. Идите и принимайте хозяйство. Думаю, что ни командир батальона, ни комполка против вашей кандидатуры возражать не будут. Людей вы знаете, представлять не нужно. Желаю успеха. — И улыбнулся.

«Что это он такой веселый сегодня? Где-то, видимо, фрицев здорово побили? Зря не спросил», — подумал Романов, глядя вслед лейтенанту. Нет, фашисты еще были сильны, они наступали. Впереди предстояли тяжелые бои. Командир роты радовался другому, — что под рукой у него в этих сражениях будет еще один хороший помощник, человек, на которого всегда можно положиться.

Кто в сорок первом воевал на Северо-Западном фронте, видимо, помнит Старую Руссу. Здесь нашей армии пришлось провести немало горячих сражений. День и ночь кипели на берегах Ловати и озера Ильмень кровопролитные бои. Рубежи то и дело переходили из рук в руки. Под Старой Руссой были осуществлены первые успешные наступательные операции Советской Армии. К середине августа 1941 года наши войска оттеснили гитлеровцев на запад на 60 с лишним километров. Участником старорусской «эпопеи» был и Петр Романов.

«В жестоких боях под Старой Руссой, — читаем в наградном листе героя, — командуя взводом, тов. Романов проявил высокое мастерство, мужество и стойкость. Когда нужно было во что бы то ни стало овладеть дер. Чириково — сильно укрепленным опорным пунктом противника, — тов. Романов умелым обходным маневром обеспечил выполнение боевого приказа. В этом бою он показал личный пример бесстрашия и выполнения воинского долга: смело вступил в единоборство с группой фашистов и огнем из автомата и гранатами истребил несколько гитлеровцев, а одного захватил в плен».

Попытки гитлеровцев прорвать наш фронт на старорусском направлении окончились полным провалом. Дальше реки Ловать советские воины не пустили врага.

18 февраля 1944 года войска 2-го Прибалтийского фронта штурмом овладели городом Старая Русса и погнали врага на запад. Петр Ильич Романов к этому времени уже был капитаном, командовал стрелковым батальоном.

В 140-м стрелковом полку батальон капитана Романова был всегда правофланговым, в наступательных боях действовал обычно на направлениях главного удара. В полку и за его пределами немало шло разговоров о «романовской стратегии». В безвыходных, казалось, положениях капитан Романов, как правило, добивался победы над врагом.

При форсировании реки Великой у деревни Глыжино на Псковщине батальон первым переправился через водную преграду и, с ходу сбив вражеские заслоны, занял сильно укрепленный опорный пункт. Чувствуя угрозу всей обороне, гитлеровцы предприняли против смельчаков серию контратак пехоты с танками. Пока силы были равны, советские воины без особого труда отражали натиск врага. К концу дня в батальоне осталось всего три с небольшим десятка бойцов, а гитлеровцы сосредоточили под Глыжино новую ударную группировку. Романов

понимал, что очередную контратаку будет отбить труднее предыдущих, но командиру полка спокойно сказал:

— Удержимся, товарищ подполковник. Об одном только прошу — не обижайте артиллерийским огнем.

Свой командный пункт Петр Ильич перенес непосредственно на передний край. Сам поставил задачу каждому солдату. А когда началась вражеская контратака, Романов лег за пулемет. Пропустив фашистские танки, Петр Ильич приказал открыть огонь по идущей за ними пехоте. Наша артиллерия стала в упор расстреливать вражеские машины, оказавшиеся вблизи ее огневых позиций. Понеся большие потери, гитлеровцы отошли, а с наступлением темноты отказались от попыток вернуть утерянный рубеж.

Плацдарм на западном берегу Великой был удержан. На рассвете сюда подошли свежие силы, и 182-я стрелковая Дновская дивизия перешла в решительное наступление. В ходе наступления батальон, которым командовал Петр Ильич Романов, не раз показывал героизм и отвагу, стойкость и упорство.

В Калининской области в Себежском районе есть небольшая деревушка Жуки. Ей суждено было стать свидетельницей жестоких сражений советских воинов с фашистами. Здесь батальон капитана Романова в течение трех дней сдерживал наседавшего противника. Семнадцать контратак отбили воины, возглавляемые капитаном Романовым. Семнадцать раз казалось: вот-вот враг добьется успеха, и семнадцать раз Петр Ильич, умело маневрируя огнем, заставлял противника откатываться назад. Часто он не только руководил боем, но и лично участвовал в нем. Солдаты видели комбата и за пулеметом, и в рукопашной схватке.

...Нескольким фашистским танкам удалось почти совсем окружить командный пункт батальона. Романов бросился к телефону просить у командира полка пособить артиллерийским огнем.

— Связь, видимо, повреждена, — то бросая трубку, то снова беря ее в руки, волнуясь, сообщал телефонист.

Вскоре в том направлении, куда ушли связисты-поверяющие, послышались выстрелы. Значит, фашисты просочились в тыл. Что делать? Танки врага все ближе к командному пункту. Вот они уже почти что рядом. И тут, вскинув связку гранат, Романов молча пошел навстречу головной машине.

— Ребята! — крикнул кто-то из солдат. — Это же комбат наш. А ну, вставай, хлопцы!

И пусть из двух подбитых танков ни одного не выпало на долю Петра Романова, он совершил не менее важное — в критический момент нашел возможность поднять людей на подвиг.

Во второй половине 1944 года Советская Армия решительно погнала врага на запад. Капитан Романов воевал с гитлеровцами на террито-

рии Латвии и Литвы. Вместе с другими подразделениями и частями его батальон в числе первых вышел на берег Балтийского моря недалеко от города Клайпеды.

За успешное выполнение заданий командования, личную храбрость и отвагу в боях Петр Ильич Романов был награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I и II степени.

В январе 1945 года 182-я стрелковая Дновская дивизия вошла в состав 3-го Белорусского фронта. Вместе с другими соединениями она составила Земландскую группу войск, которая очищала от гитлеровцев полуостров. Активное участие в этих боях принимал стрелковый батальон, которым командовал Петр Ильич Романов.

В районе нынешнего поселка Каштановка Зеленоградского района стремительной ночной атакой батальон перерезал шоссе и железную дорогу, соединяющие Кенигсберг с городом Кранц. Вслед за этим батальон отбил у гитлеровцев сильно укрепленные позиции у поселка Надрау. И хотя далеко позади остались соседние части, Петр Ильич приказал своим подразделениям, не оглядываясь, идти вперед. Вбив еще один «клин» в оборону фашистов, войны вскоре вышли в район Побеттен. Здесь, поредевший в предыдущие дни, батальон принял неравный бой с противником. Здесь Петр Романов пал смертью героя.

...Он был еще совсем молод. В день гибели Петру Ильичу исполнилось двадцать шесть лет. Романов принадлежал к поколению людей, от которых война потребовала суровых испытаний и лишений, судьбы которых она взяла в свои недобрые руки. И оно — это поколение — смело приняло на себя все невзгоды, вместе с отцами и старшими братьями грудью встало на защиту Родины.

Ф. КИВОЛЯ

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ МАМОНОВ

25 июля 1947 года Указом Президиума Верховного Совета СССР город Хейлигенбейль, расположенный на территории Калининградской области, был переименован в поселок Мамоново в честь славного героя Великой Отечественной войны Николая Васильевича Мамонова. Николай Васильевич Мамонов родился в 1919 году в крестьянской

бедняцкой семье, в селе Пашенино, Сокольского района, Вологодской области. Окончив восемь классов средней школы, он поступил в молочно-консервный техникум в городе Соколе. Окончил техникум в тревожные предвоенные годы.

Вскоре был призван в ряды Советских Вооруженных Сил. Учился в школе младшего начальствующего состава при отдельном пограничном полку в городе Львове. В 1940 году был послан для продолжения военного образования в Саратовское пограничное училище, которое окончил в 1941 году и получил звание лейтенанта.

Когда разразилась Великая Отечественная война, Николай Мамонов вместе с миллионами советских людей с оружием в руках стал на защиту всемирно-исторических завоеваний Великого Октября. Боевые действия начал в должности командира истребительного взвода. Проявил себя хорошим организатором, был стоек и отважен в обороне. Вскоре Мамонов принимает стрелковый батальон в составе войск Калининского фронта. В период наступления под Москвой командовал отдельным стрелковым батальоном на ржевском направлении, содействовал успеху правофланговых частей и соединений Западного фронта.

В апреле 1943 года Николай Мамонов вступил в должность командира 331-го стрелкового полка 96-й дивизии 48-й армии Центрального фронта. Войска Красной Армии на всем советско-германском фронте перешли к обороне. 48-я армия заняла рубеж на орловско-курском направлении, где немцы готовили главный удар.

Готовясь к решающим сражениям на Курской дуге, подполковник Мамонов обучал личный состав полка тактическим приемам истребления танков врага. В течение 90 дней и ночей шла непрерывная боевая учеба. 5 июля 1943 года огромными силами танков и авиации гитлеровцы предприняли наступление.

Главный удар пятисот танков противника в первый день боя пришелся по 13-й армии и левофланговым соединениям 48-й армии, которой командовал генерал Романенко. 331-й стрелковый полк приступил к тщательно организованному, методически последовательному уничтожению живой силы и танков врага.

В течение четырех дней стойко сражались солдаты Николая Мамонова. Прекратив бесплодные атаки, немецко-фашистские полчища отошли. Перед фронтом мужественных воинов 48-й армии лежало кладбище боевой техники гитлеровцев.

Первый орден Красного Знамени был заслуженной наградой отважному командиру, показавшему образцы стойкости, мужества и умения в организации и ведении оборонительного боя.

Командующий армией генерал Романенко говорил о Мамонове, что двадцатипятилетний подполковник бьет пятидесятилетних немецких полковников по всем правилам военного искусства.

22 июня 1944 года началась битва за Советскую Белоруссию, а

28 июня 48-я армия, в составе которой сражался 331-й стрелковый полк, завершила окружение бобруйской группировки противника.

В ходе ожесточенного сражения к утру 29 июня Бобруйск был полностью очищен от фашистских захватчиков.

В этот же день столица нашей Родины Москва могучим артиллерийским салютом возвестила о своей благодарности героическим воинам 1-го Белорусского фронта, в том числе и солдатам Мамонова, штурмом овладевшим Бобруйским укрепленным районом. Орден Красной Звезды был наградой Родины молодому подполковнику за отличные боевые действия, мужественное и умелое руководство личным составом полка в бою.

Овладев Бобруйском, войска 48-й армии теперь преследовали противника, отходящего на запад, и в составе 2-го Белорусского фронта вышли к восточным границам Польши.

С целью улучшения исходных позиций для осуществления предстоящей Восточнопрусской операции в октябре 1944 года начались упорные бои за мощный узел сопротивления город Пултуск.

На рассвете 26 октября 1944 года, наведя переправы через реку Пельта, подразделения 331-го стрелкового полка приступили к ее форсированию.

Гитлеровцы предпринимали одну контратаку за другой, цепляясь за каждый рубеж, укрепление, за каждую складку местности.

Отбив многочисленные контратаки, мамоновцы овладели водной преградой. Ненадолго установилось относительное затишье. Гвардии подполковник Мамонов со своим связным шел по дороге в направлении командного пункта полка. В этот момент со стороны противника по линии дороги начался обстрел, посыпались вражеские мины. Командир полка и сопровождающий его солдат бросились к землянке. Подбежав к двери, связной остановился, чтобы пропустить в землянку своего командира. Мамонов схватил связного и толкнул его в укрытие. В это мгновение разорвалась вражеская мина. Она оборвала жизнь талантливого командира, любимца полка, неутомимого воина, отважного солдата, неоднократно смотревшего смерти в глаза.

Президиум Верховного Совета СССР посмертно присвоил Николаю Васильевичу Мамонову звание Героя Советского Союза.

Вскоре войска 2-го Белорусского фронта, взломав твердыню восточнопрусских приграничных укреплений, начали генеральное наступление и 26 января 1945 года вышли к заливу Фришес-Хафф.

Последним узлом обороны немецкой группировки был город Хейлигенбейль, на подступах к которому в конце марта разыгрались кровопролитные бои. В ликвидации этого узла сопротивления принимали участие славные воины 331-го стрелкового полка.

25 марта 1945 года полной победой наших войск закончился штурм города.

После окончания боев в Восточной Пруссии однополчане Н. В. Мамонова перевезли его останки из района Пултуска в город Хейлигебейль. С воинскими почестями, под звуки орудийного салюта, гр с телом героя был бережно опущен в могилу. Над могилой установлен бюст героя.

331-й стрелковый полк, в котором героически сражался Николай Васильевич Мамонов, носит его имя.

Жители города Мамонова свято чтят память славного героя.

Г. КОЗЕНКО

СЛОВО О СЫНЕ

Восьмой десяток хожу я по земле. Много видел, испытал, пережил. Был батраком и мастеровым, солдатом и рабочим. Перед уходом на пенсию занимал должность заместителя начальника цеха химического предприятия.

Но из всего, что было отпущено на долю моего поколения, с особой глубиной врезались в память годы 1941 и 1945. Начало и конец войны. Для меня эти цифры памятли вдвойне. В июне 1941 года на пограничной заставе в районе Бреста погиб мой первый сын — Николай, а в апреле 1945 года у Кенигсберга второй и последний — Василий.

Молодыми уходили от меня мои ребята. Такими они и остались моей памяти, и хотя одному сейчас было бы 45, а второму 42 года, представляю их такими, какими провожал на ратный подвиг. Эта память, видимо, навсегда сдружила меня с молодежью. Нередко бываю пионером школы № 22 города Актюбинска, где учился младший сын и в соседней шестнадцатой, в отряде, который носит имя Василия Кзенкова. Теперь, когда боль улеглась, устоялась, я рассказываю им Василии — командиру эскадрильи штурмовиков, майоре, Герое Советского Союза.

Василий был самым обыкновенным мальчуганом. Вечно возился железками, что-то сооружал. А уж позже, лет с четырнадцати, приш настоящее увлечение — авиацией, которая стала смыслом всей его жи

ни. Работал токарем и учился в 8-м классе вечерней школы. Хорошо, задушевно пел песни, играл на балалайке. Летними вечерами допоздна слышались юношеские голоса у окон. Очень часто Вася заводил свою любимую: «Раскинулось море широко».

Старший мой сын Николай служил в это время на границе в районе Бреста.

В первый день войны Вася отправился в городской военный комиссариат, но там и слышать не хотели о немедленной отправке на фронт.

А в начале июля его приняли в авиационную школу. Последняя наша встреча была тяжелой. Я принес Василию горькую весть о том, что у безвестной станции Черемха в первых боях с немецко-фашистскими захватчиками погиб его брат Николай.

— Ничего, папа, держись! — сказал он тогда.

Я крепко сжал ему руку.

В октябре 1942 года старший сержант Василий Козенков получил свой первый самолет.

Какому отцу нелестно узнать о необыкновенных ратных подвигах своего сына, но, честно признаться, мне особенно дороги воспоминания о нем, как о человеке.

Заместитель командира эскадрильи Герой Советского Союза Борис Осадчих вспоминает, что жили они одной дружной семьей, общими интересами. Василий всегда напоминал: «На земле вместе и в бою вместе». Хотя им всем было по 19—20 лет, но они как-то невольно выделяли Васю. Может быть, за то, пишет Борис, что любовь его к друзьям была простой, искренней, неподкупной, а воевал он, как и жил, горячо, с полной отдачей.

Один из товарищей Васи в письме приводит такой эпизод. При штурмовке одного из аэродромов в Крыму, когда было разбито и сожжено много самолетов противника, группа Козенкова потеряла одну машину — самолет лейтенанта Бориса Бучина. Стрелок погиб, машина вспыхнула, а Борис выбросился с парашютом. Василий передал эскадрилье приказ возвращаться на аэродром, а сам, отвлекая на себя огонь, до тех пор кружил вокруг Бучина, пока тот не приземлился и не скрылся в лесу. А потом сам едва дотянул до базы.

Бывший командир дивизии генерал-лейтенант С. Д. Прутков писал мне в одном из писем: «Трудно перечислить все подвиги, которые совершил ваш сын. Его знала вся дивизия. Храбрость, скромность, уважение к своим боевым друзьям, пренебрежение опасностью, ради выполнения поставленной задачи — вот характерные черты Василия. Молодым, комсомольцам он всегда будет примером беззаветного служения Родине, своему народу».

Да, доволен я сыном — выполнил он отцовский наказ. Об этом красноречиво говорят его награды: Золотая Звезда Героя, орден Ленина,

4 ордена Красного Знамени, ордена Красной Звезды, Александра Невского, Отечественной войны I степени и медали.

23 марта 1945 года на одном из аэродромов в Восточной Пруссии немцы сосредоточили для эвакуации ряд штабов. Группа Василия, выйдя точно на цель, внезапно атаковала дома, где располагались штабы и стоявшие около них автомашины. 6 домов были сразу накрыты бомбами и подожжены, кроме того, штурмовики уничтожили 10 легковых автомашин, около 20 автобусов и расстреляли десятки гитлеровцев.

А ведь в это время ему только-только исполнилось 22 года. Но он был уже испытанным воином, за плечами которого два с половиной года войны и путь от старшего сержанта до майора, командира эскадрильи.

На фронте произошло знаменательное событие, о котором он мечтал с комсомольских лет. Коммунисты эскадрильи приняли его в ряды Коммунистической партии Советского Союза.

В апреле 1945 года во время штурма Кенигсберга он погиб. Его самолет упал в районе нынешнего завода «Электросварка», где теперь установлена мемориальная доска.

Я горд тем, что имя моего сына дорого не только мне и моей семье, о нем вспоминают многие. Есть улица Героя Советского Союза Василия Козенкова в Вильнюсе, его именем названа одна из улиц в Актюбинске.

ХРОНИКА МУЖЕСТВА И ГЕРОИЗМА*

Фронтовые листовки о солдатских подвигах

«Сержант Иван Ковалев притронулся к кожуху своего боевого друга — «максима». Кожух был накален после горячей работы. Перед позицией храброго пулеметчика на снегу лежали трупы гитлеровцев. Вокруг «максима» валялись стреляные гильзы.

Передышка длилась недолго. Подтянув до батальона пехоты, противник перешел в четвертую контратаку. На рубеж, обороняемый небольшой группой советских воинов, двигались густые цепи гитлеровцев.

Справа и слева ударили наши орудия, зачастили винтовочные выстрелы. Но Ковалев еще не стрелял. Когда расстояние до вражеских цепей сократилось до 200 метров, пулеметчик открыл по ним огонь.

Ленту за лентой сменял Ковалев. Десятки гитлеровцев валились на землю, но, видя перед собой одного советского воина, продолжали лезть вперед. Иным из них удалось приблизиться к пулемету на 20 — 30 метров. Ковалев сразил и их. Но вот израсходована последняя, двенадцатая лента. Пулемет замолк. И тотчас поднялись три гитлеровца. С перекошенными от злости лицами бросились они на храброго советского воина.

Иван Ковалев, схватив автомат, выпустил по немцам очередь. И этим фашистам не удалось добежать до позиции пулемета.

В это время могучее красноармейское «ура» прокатилось близко от Ковалева. То бойцы офицера Еськова, измотав врага, перешли в атаку».

Отпечатано в типографии
красноармейской газеты
«Защитник Отечества».

* В этом разделе сборника собраны листовки, издаваемые политическим управлением фронта и политотделами соединений и частей. В некоторых листовках сделаны незначительные сокращения.

«Схватка с врагом разгорелась на шоссе. Пехота немцев при поддержке танков бросилась в контратаку.

Один танк врага вплотную подошел к пулеметчику Сманцеру.

Будучи тяжело раненым, Сманцер открыл сокрушительный огонь по смотровым щелям бронированной машины, а когда танк остановился в двух шагах от него и начал разворачиваться, чтобы раздавить пулеметчика, в это мгновение Сманцер бросил под него две гранаты.

С поврежденной гусеницей немецкий танк все же упорно полз на гвардейца. И тогда в третий раз содрогнулась земля от оглушительного взрыва.

Последняя граната была подложена под танк врага железной рукой героя-гвардейца».

Отпечатано в типографии
красноармейской газеты
«На штурм!»

«Смирнов одним из первых перебрался через реку вплавь, разведал местность и подыскал несколько лодок. Переправив своих пулеметчиков на западный берег, Смирнов организовал на занятом им клочке земли оборону. С горсточкой пулеметчиков он всю ночь отбивал атаки немцев, прикрывая тем самым переправу основных сил. К утру наши подразделения уже были на левом берегу Немана. Эта ночь с 13 на 14 июля 1944 года яркой страницей будет вписана в историю Великой Отечественной войны, и в числе верных сынов социалистической Отчизны на первом месте в ряду сотен имен будет стоять имя славного офицера — командира пулеметной роты Константина Григорьевича Смирнова.

Наше правительство высоко оценило подвиг товарища Смирнова. Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и героизм ему присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Издание красноармейской
газеты «За Родину»

«В прошлом харьковский рабочий, Федор Бендеберя — на фронте с первых дней Отечественной войны. Четырежды раненый, он каждый раз возвращается в строй, чтобы еще лучше и беспощаднее наносить удары по немецко-фашистским захватчикам. В боях за Советскую Белоруссию и Литву Бендеберя только в рукопашных схватках уничтожил более 50 гитлеровцев. Он одним из первых переплыл Неман, провел глубокую разведку и тут же переправил свои расчеты противотанковых ружей на западный берег реки. Удерживая захваченный плацдарм, гвардейцы под командой офицера Бендеберя в первые же сутки отразили 10 яростных контратак врага, чем обеспечили боевой успех всего подразделения.

В боях тех дней бронебойщики взвода тов. Бендеберя уничтожили 6 бронетранспортеров, один танк и подавили более 15 вражеских огневых точек».

Выпуск красноармейской
газеты «Красноармейская
правда».

«Рота поднялась в атаку. Гвардейцы уже подходили к предместью вражеского города. Неожиданно ударили два немецких пулемета. Гитлеровцы укрывались в доте. Огнем они преграждали путь нашим бойцам.

Тогда вперед вышел комсомолец, кавалер ордена Славы Александр Виноградов.

— Из дота я выкурю немцев гранатами! — И пополз навстречу ливню вражеского огня.

Верный сын нашей Родины, пламенный воин комсомолец Александр Виноградов шел на смертельную схватку с одной мыслью — победить врага!

И он победил!

Ни бетон дота, ни яростный огонь не спасли немцев.

Комсомолец Виноградов, зайдя с фланга, ворвался в дот. Закипел жестокий гранатный бой.

Двенадцать гранат полетели в немцев. Умолкли вражеские пулеметы. Дот стал могилой для семи гитлеровцев».

Издание красноармейской
газеты «На штурм!»

«Гвардейцы-саперы подразделения старшего лейтенанта Федора Медведева под яростным неприятельским огнем сняли 1300 мин и проделали десятки проходов в проволочных заграждениях противника.

Сутки, предшествовавшие прорыву немецкой обороны под Кенигсбергом, саперы офицера Медведева провели в самоотверженной работе и непрерывных схватках с врагом. Гвардейцы Лузянин, Ендовицкий, Леонов и Чернопрудов перед немецким фортом сняли минное поле и проделали 30-метровый проход в колючей проволоке. Немцы их забрасывали гранатами. Гвардейцы отвечали врагу автоматным огнем и своими гранатами, но работа не прекращалась.

Саперы Седов, Винокуров, Черненко и Шаповалов сняли 80 мин противника и перед вражескими траншеями сделали 30-метровый проход в проволочных заграждениях. Такую же работу перед вторым вражеским фортом проделали гвардейцы Зайцев, Лимский, Дербин и Говорунов.

Благодаря героической самоотверженной работе саперов пехота стремительным броском без потерь преодолела минные поля и проволочные заграждения противника».

Выпуск красноармейской
газеты «Красноармейская
правда».

«Десятки вражеских пулеметов, установленных в доте, изрыгали смерть. Пули непрерывно свистели над головами бойцов, приковывали их к земле. Вместе со своим пулеметом, навстречу огню и смерти, полз вперед пулеметчик. Он обошел бункер слева и

приблизился к немцам с фланга. Не успели гитлеровцы опомниться, как внутрь укрепления полетели гранаты — одна, другая, третья. Вслед за разрывами послышался повелительный голос Алимбекова:

— Хенде хох!

10 гитлеровцев сдались в плен.

С противоположного берега немцы вели бешеный огонь, стараясь преградить путь наступающим стрелкам. И снова победил доблестный пулеметчик Ергали Алимбеков. Плотнo прижимаясь к насыпи, которая пересекала озеро, он выдвинулся вперед и открыл уничтожающий огонь по врагу. Тем временем пехотинцы преодолели обстреливаемый участок и вместе с пулеметчиком закрепились на противоположном берегу озера».

Отпечатано в типографии
красноармейской газеты
«За Родину».

«Дымки очередей показали, что гитлеровцы были в подвале каменного дома.

Прижимаясь к стене здания, Демчук подобрался к выступу дома. Отсюда он увидел узкое окно подвала. Гвардеец немедленно ударил по нему очередями свинца. Пулемет фашиста умолк.

Стремительным броском Демчук подбежал к дому. Метнул в дверь «лимонку», а за ней — сам ворвался в комнату. Граната сделала свое дело: ее разрывом были убиты два гитлеровца.

Выкурив немцев из комнат, Демчук пробрался на чердак. Он обнаружил в соседнем здании еще одну группу немцев. Гвардеец снова двинулся вперед. Он перескочил через забор. Скрытым путем Демчук подошел к дому с тыла и метнул в окна комнат несколько гранат. Два фашиста упали замертво. Остальные немцы выскочили в дверь, но здесь попали под огонь наших пулеметчиков.

В бою секунда дорога —
Смелей врывайся в дом врага!
Входи в проломы, лезь в окно —
Спаستись фашистам не дано.
Чтоб фриц живым не вышел вон,
Дом атакуй со всех сторон».

Издание красноармейской
газеты «Защита Родины».

«...Форт был опоясан линией сильно укрепленной полевой обороны и обводным каналом с отвесными каменными стенами 5-метровой высоты. По фронту он вытянулся больше чем на километр. Железобетонный каркас форта, зарытый глубоко под землей, служил надежным укрытием даже от огня мощной артиллерии.

Взять такую махину «в лоб» силами и средствами, имевшими в распоряжении капитана Федорова, было невозможно. Тогда предприимчивый офицер решил применить смелый маневр.

В сумерках, пока немцы могли еще наблюдать все происходившее вокруг, Федоров правдоподобно разыграл перед ними подготовку атаки форта с фронта.

А перед утром, под прикрытием предрассветной темноты, большинство сил штурмовой группы было переброшено в тыл форта. Перед началом штурма мощь большинства огневых средств была сосредоточена по воротам форта.

У немцев создалось впечатление, что форт штурмуют по крайней мере вдвое большие силы.

Недаром комендант форта, немецкий майор, потом на допросе объяснил причину своей сдачи в плен именно тем, что, как ему показалось, он имел дело с превосходящими силами советских войск.

Мастерство гвардейцев помогло успешно выполнить замысел командира. Артиллеристы гвардии лейтенанта Матяшева бесшумно сменили огневые позиции, подкатили пушки на 30—50 метров к крепостным воротам.

Готовясь к штурму форта, гвардии рядовые парторг Зорин, Ихененко и Батюк соорудили и принесли сколоченные из досок лестницы для преодоления внешнего обводного канала.

Несмотря на короткий срок, операция по захвату блокированного форта была тщательно подготовлена.

Гвардейцы-федоровцы завоевали победу не числом, а умением.

Геройство наших солдат и офицеров оказалось сильнее вражеских крепостей. Когда с рассветом был дан сигнал к атаке, гвардейцы довели огонь своего оружия до наивысшего напряжения.

Коммунист Козыков одним из первых поднялся в атаку и занял со своим подразделением траншею и дзоты. Отважно действовал с ним его связной гвардии рядовой Батюк.

Решающую роль в этом бою сыграли пулеметчики офицера Филькина.

Командиры расчетов коммуниста Калинина и комсомольцев

Кибальского и Шапки, умело меняя позиции, обеспечили надежное огневое прикрытие наступающим стрелкам.

Комсомолец Радченко со своими бойцами первым вырвался к воротам форта.

В это время Федоров передал осажденным гитлеровцам предложение сдаться.

Вскоре в открывшиеся ворота вышел весь гарнизон во главе с комендантом и двумя офицерами. Подходя к капитану Федорову, они поочередно складывали к ногам победителя свое оружие.

Плененный гарнизон форта оказался по численности втрое больше наших штурмующих стрелков. Над немецкой крепостью взвился победный алый флаг, водруженный парторгом Зориным».

Издание красноармейской
газеты «За счастье Ро-
дины».

«**К**омсомольцу Тишкову было поручено водрузить красный флаг над первым зданием вражеского города.

Когда до здания, превращенного немцами в крепость, оставалось 30 шагов, комсомолец Тишков с криком «Ура!» увлек за собой всех бойцов роты, забросал врага гранатами, убил четырех гитлеровцев и поднялся над крепостью.

Над предместьем города взвился красный флаг. Этот флаг водрузил мужественный воин Тишков.

Красный флаг, полыхавший огнем над полем сражения, придал новые силы нашим бойцам, вдохновил их на беспримерные схватки с врагом».

Издание красноармейской
газеты «На штурм!»

«**К**огда развернулся мощный штурм вражеских укреплений, гвардейцы штурмовых отрядов офицеров Ряполова и Шапкина дружно, с возгласами: «Вперед, на Кенигсберг!» поднялись в атаку.

Первым преодолел минное поле и проволочное ограждение парторг гвардии сержант Иван Кисилев. Следуя его примеру, устремились вперед все бойцы штурмового отряда. Умело сочетая огонь и движение, гвардейцы приблизились к форту пруссаков.

Гитлеровцы открыли сильный огонь по атакующим. Они стреляли из пушек, пулеметов и автоматов.

На удар врага гвардейцы ответили тройным ударом. Штурмовые отряды стремительно обошли форт с флангов и стали угрожать полным окружением.

— Парторг у форта, на штурм! — раздался чей-то голос.

С новыми силами гвардейцы бросились в яростную атаку. Гвардии рядовой Игнатъев в числе первых прорвался к форту и водрузил над ним красный флаг. В амбразуры и щели полетели гранаты. Вражеский гарнизон не выдержал всесокрушающего натиска советских богатырей.

Форт пал. Более 100 немецких солдат и офицеров сдались в плен.

Вот имена героев штурма форта:

Гвардии капитан Ряполов, гвардии капитан Шапкарин, гвардии лейтенант Батищев, гвардии лейтенант Петренко, гвардии старший сержант Дымшаков, гвардии сержант Кисилев, гвардии сержант Докука, гвардии сержант Бигнатобетов, гвардии сержант Романов, гвардии рядовой Дубовский, гвардии рядовой Игнатъев, гвардии рядовой Агабебян».

Отпечатано в типографии
красноармейской газеты
«За Родину».

«Под покровом темноты гвардейцы Дадаева стремительно ворвались на железнодорожный вокзал и умело блокировали два многоэтажных дома, занятых гитлеровцами. В яростной рукопашной схватке бойцы Дадаева полностью истребили вражеские гарнизоны.

В многоэтажных домах, превращенных немцами в опорные пункты, гвардейцы захватили 12 пулеметов и 28 автоматов. В комнатах, на лестничных площадках и в коридорах осталось свыше 60 вражеских трупов.

Гвардейцы Дадаева, захватывая дом за домом, первыми вышли к реке Прегель и во главе со своим командиром немедленно форсировали ее».

Выпуск красноармейской
газеты «Красноармейская
правда».

«**Б**ойцы, ворвавшиеся в центр Розенау, были встречены яростным огнем противника из углового многоэтажного здания. Гвардии старшина Жабров командовал:

— За мной, вперед!

Гвардейцы стремительным броском достигли опорного пункта врага и через проломы в стенах устремились внутрь здания. Гвардии рядовой Максим Куземский подбежал к лестнице и гранатой уничтожил 3 гитлеровцев, выбежавших на лестничную площадку. Уцелевшие немцы разбежались по комнатам. Куземский взбежал на 2-й этаж и дал очереди по коридору и дверям первой комнаты. Выбив часть двери, он бросил в комнату гранату. Еще пять гитлеровцев нашли себе смерть.

Комсомолец гвардии рядовой Василий Костеров, спрыгнув в ход сообщения, обнаружил группу немцев, засевших в подвале. Фрицы лихорадочно готовились к обороне. В подвал полетела противотанковая граната. Восемь гитлеровцев были искромсаны взрывом, девятый вступил в рукопашную схватку с Костеровым. Отбив выпад немца, гвардеец яростным ударом проткнул гитлеровца штыком.

Старшина Жабров, выбивая противника из здания, в рукопашном бою уничтожил шесть фашистских мерзавцев».

Выпуск красноармейской
газеты «Красноармейская
правда».

«В ночь на 8 апреля первой вышла к реке рота офицера Окунева.

Не ожидая подхода переправочных средств, отважные гвардейцы роты Брыков и Абашев во главе с парторгом Третьяковым быстро разыскали лодку, первыми переплыли на другой берег и завязали бой с немецкими автоматчиками.

Маленькая горстка советских воинов зацепилась за вражеский берег. И ничто не могло сломить их гвардейского упорства.

Кто на чем мог — на плотках, лодках, бревнах — бросились гвардейцы роты Окунева на другой берег и с ходу ворвались в городские кварталы.

Издание красноармейской газеты «На штурм врага».

«Гвардеец Каванькин первым устремился к реке и, не медля ни минуты, поплыл к противоположному берегу. Противник обнаружил смельчака. Над головой бойца пролетали пули. Вражеские снаряды поднимали фонтаны воды. Каванькин упорно плыл вперед, будто не замечая яростного огня противника.

Вот и противоположный берег. В наспех открытых ячейках находилось более десяти фашистов. Они обстреливали переправляющихся бойцов. Гвардеец Каванькин ползком выдвинулся вперед, автоматными очередями уничтожил 8 немцев, а остальных обратил в бегство.

Затем храбрец ринулся к двухэтажному дому. Раздались два оглушительных взрыва. Это Иван Каванькин швырнул в подвал противотанковые гранаты. А потом, ведя огонь из автомата, первым ворвался в подвал. Перешагнув через шесть немецких трупов, бесстрашный боец ринулся в глубь подвала. В это время из темного угла выскочили три гитлеровца, намереваясь напасть на гвардейца. Каванькин очередью из автомата замертво свалил фрицев. Затем он метнул вперед себя еще две «лимонки» и вместе с бойцом Клоковым ворвался в каземат. Гитлеровцы, ошеломлен-

ные внезапным нападением, покорно подняли руки. Около ста вражеских солдат было доставлено в штаб».

Издание красноармейской
газеты «Защита Родины».

«**Н**едалеко от моста, на северном берегу реки Прегель, немцы построили два мощных дзота. Основная задача перед оборонявшимися в них фашистами заключалась в том, чтобы держать мост под обстрелом и препятствовать нашим бойцам на случай переправы по мосту.

Еще ночью, перед форсированием реки, лейтенант Меркулов разведал месторасположение огневых точек противника.

Перебежать мост Меркулову и его бойцам удалось быстро и без потерь. Лейтенант воспользовался дымом, окутавшим мост. Но как только гвардейцы ступили на берег, немцы открыли огонь.

— По шесть человек на дзот, бегом! — скомандовал Меркулов и первым устремился вперед. За ним последовали бойцы.

Гитлеровцы успели сделать всего две пулеметные очереди, как в амбразуры и в дверь дзота полетели гранаты.

Точно так же получилось со вторым дзотом, который был атакован остальными шестью гвардейцами Меркулова».

Издание красноармейской
газеты «За Родину».

«**Г**вардии старший сержант Павел Гордеев переправился через Прегель, заменил выбывшего в бою командира взвода, и в схватке с врагом его взвод истребил до сотни фашистов.

Под пулеметным и артиллерийским огнем противника Гордеев с группой бойцов первым переплыл Прегель на подручных средствах. С занятого им вражеского берега он смело повел своих

бойцов на штурм немецкого дзота и принял на себя основной удар врага с тем, чтобы дать возможность всему взводу быстрее переправиться через реку. Здесь каждая минута решала исход боя.

Славный гвардеец умело руководил своими воинами, очистил от врага группу домов, расположенных на берегу, приступом взял немецкий дзот.

Немцы пытались сбросить с берега в Прегель наших гвардейцев. Они бросили в бой до батальона пехоты, поддержанной артиллерией. В этой неравной схватке был ранен командир взвода. Павел Гордеев принял на себя командование взводом и отбил шесть контратак врага.

Вместе со своими гвардейцами он уничтожил до 100 гитлеровцев и удержал занятый рубеж до подхода наших основных сил».

Издание красноармейской
газеты «За Родину».

«Молодцы артиллеристы, — отзываются бойцы, когда огонь по врагу ведет орудийный расчет старшины Федора Присяжного.

За время наступательных боев в Восточной Пруссии расчет старшины Присяжного прямой наводкой уничтожил 2 танка противника, один бронетранспортер, 4 орудия, 16 пулеметов и до роты гитлеровских солдат и офицеров».

Выпуск редакции газеты
«Воинская доблесть»
и агитмашины № 2 ДКА.

«Как только на переднем крае приутих огневой шквал нашей артиллерии, гвардейцы офицера Лопаткина, преодолевая многочисленные препятствия, стремительным броском ворвались на вражеские позиции. Закипели ожесточенные схватки. Штурмуя

дерзко и решительно, наши бойцы в упор расстреливали гитлеровцев, крушили их гранатами, громили прикладами в рукопашных схватках.

Во взаимодействии с артиллерией гвардейцы Лопаткина нанесли сокрушительный удар по врагу. Около 200 гитлеровцев сложили оружие. Траншеи, воронки, просеки были завалены вражескими трупами. Шагая по ним, гвардейцы двинулись вперед.

Стрелки Вишневский, Чагаев, Кутов, Ковалев первые поднялись в атаку и истребили не меньше чем по десятку немцев. Пулеметчики Кисилев и Боженков в упор расстреливали огневые точки немцев. Артиллеристы Горбачев и Богданов громили врага прямой наводкой, не отставая от стрелков. Офицеры Климов, Вишняков, Кузенский и многие другие — герои этого боя. Они возглавили наступательный порыв гвардейцев и добыли победу.

За отличные боевые действия командующий объявил благодарность всему личному составу подразделения офицера Лопаткина».

Издание красноармейской
газеты «На штурм!»

«Н австречу немецким пушкам Георгий Медведев выкатил свою самоходку. Никакой огонь, никакие опасности не могли остановить его в эти минуты.

В дыму разрывов машина неслась вперед, останавливаясь и стреляя, подминая под себя трупы немецких бандитов.

В этом бою экипаж самоходной установки уничтожил батарею вражеских пушек, 3 пулемета и истребил до 20 гитлеровцев. Опорный пункт немцев на косе разбит, и наша пехота ринулась вперед».

Отпечатано в типографии
красноармейской газеты
«За Родину».

«Замаскировав свой пулемет в 100 метрах от противника, Пискунов выждал, пока откроют огонь вражеские пулеметы. Три вражеские огневые точки выявил отважный пулеметчик и ливнем огня заглушил их... Гвардейцы-пехотинцы в этот момент бросились вперед и ворвались на немецкие позиции.

Через час на левом фланге расчет Пискунова подавил еще две огневые точки врага. Пулеметчики ни на шаг не отставали от передовых цепей пехоты.

Не выдержав гвардейского удара, немцы начали откатываться в центр Пиллау. Расчет Пискунова поднял пулемет на третий этаж дома и метким огнем уничтожил более 30 гитлеровцев.

Выпуск красноармейской
газеты «Красноармейская
правда».

«После артиллерийской подготовки немцы перешли в контратаку. Цепь за цепью рвались они к нашим боевым порядкам. Позади двигались нагруженные пехотой бронетранспортеры.

Грянули первые наши артиллерийские выстрелы. Это открыли огонь орудия гвардии старшины Николая Кувыркина и гвардии сержанта Михаила Черноусова.

Столбы земли и дыма поднялись в гуще вражеских цепей. Смертоносный металл наповал разил фрицев. Все меньше и меньше становилось бегущих вперед. Наконец все они были прижаты к земле. И 80 из них — навсегда.

Следующими залпами гвардейцы уничтожили две немецкие пушки, стоявшие на прямой наводке, и бронетранспортер».

Отпечатано в типографии
красноармейской газеты
«Гвардеец».

«По наступающим открыли огонь три вражеских танка «тигр». Тогда расчет Василия Палауса выкатил противотанковое орудие вперед и с дистанции в 300 метров открыл огонь по немец-

ким танкам. Первыми пятью снарядами был подбит головной танк, тут же загоревшийся. Только три снаряда потребовалось сержанту Палаусу и наводчику Кочеткову, чтобы вывести из строя вторую вражескую машину.

В этот же день расчет Василия Палауса уничтожил более 30 гитлеровцев и подавил огонь немецкой минометной батареи».

Выпуск красноармейской
газеты «Красноармейская
правда».

«Гвардии рядовой комсомолец Василий Шишков первым ворвался на окраину города. В смертельной рукопашной схватке он убил пять гитлеровцев и одного прикончил прикладом.

Гвардии старший сержант Пасичников из ПТО разбил два немецких пулемета и, захватив вражеский крупнокалиберный пулемет, быстро повернул его в сторону противника, метким огнем истребил 10 гитлеровцев.

Навсегда войдут в историю части подвиги героев боя за Пиллау — гвардии рядовых Владимира Вольского, Алексея Федотова, Боженского, гвардии сержанта Шуйского, гвардии сержанта Владимира Крупнова, Анатолия Новопашина, Рахимова, доблестных воинов — офицеров Лопаткина, Манукяна и многих других. Они первыми шли в атаку, своими гвардейскими ударами побеждали врага».

Издание красноармейской
газеты «На штурм!»

«В вечернем тумане, под непрерывным огнем противника, саперы гвардии сержант Николай Тарасов, гвардии сержант Федор Власов и гвардии рядовой Алексей Калачев на понтонной лодке переправили через канал первую группу храбрецов-гвардейцев. На захваченный плацдарм саперы тут же перевезли артиллеристов и орудия сопровождения пехоты.

Гвардии лейтенант Павел Маслов с рядовым Константином Седовым на вражеском берегу обнаружили укрытый в заливе катер, завели его и под обстрелом противника угнали на северный берег косы. Катер принял на буксир плоты с пехотой и боеприпасами. Он непрерывно курсировал по каналу.

Во время рейса через канал сапер Марсагет Галезитдинов был ранен, но он ни на минуту не покинул боевого поста, обеспечивая переправу пехоты».

Выпуск красноармейской
газеты «Красноармейская
правда».

Гарнизон дота, состоявший из 23 гвардейцев, защищал важный рубеж. Немцы обрушили на него сильный артиллерийский огонь. Не помогло! Тогда немцы бросили в бой 14 танков. Не помогли и танки. В отчаянной злобе немцы подвезли машину взрывчатки, пытаясь взорвать дот. Гвардейцы расстреляли машину, сорвали замыслы врага.

Свой дот гвардейцы сделали неприступной крепостью для врага. В течение 8 часов немцы предпринимали яростные контратаки, но не могли сломить упорство и выдержку воинов-богатырей. Вокруг дота валялось более 100 трупов гитлеровцев. Героический гарнизон дота удержал свой рубеж, вышел победителем.

Вот имена героев — защитников дота:

Гвардии капитан Н. Яковлев; гвардии старший лейтенант Ф. Хорев; гвардии младший сержант В. Мальцев; гвардии сержант Г. Плиев; гвардии старший лейтенант И. Линич; гвардии рядовой Т. Ивасюк; гвардии рядовой А. Погребняк; гвардии старший сержант Е. Маликов; гвардии старший лейтенант А. Зыков; гвардии рядовой П. Федорцов; гвардии старший сержант Н. Волоткевич; гвардии лейтенант А. Копанцов; гвардии младший сержант В. Ткачев; гвардии младший сержант Ф. Михалев; гвардии рядовой В. Терехов; гвардии лейтенант Г. Ткаленко; гвардии рядовой А. Трунов; гвардии старший сержант Л. Фраймович; гвардии рядовой И. Шатковский; гвардии рядовой А. Спиридонов; гвардии рядовой В. Кобачевский; гвардии младший сержант И. Гельван; гвардии лейтенант А. Войновский».

Отпечатано в типографии
красноармейской газеты
«На штурм!»

Штурм Кенигсберга на вечные времена войдет в историю Отечества.

За четыре дня была сокрушена прусская твердыня.

1200 славных сынов Родины вечно будут великим примером для поколений советских людей.

Ваше мужество было беспримерным.

Ваша воля была непреклонной.

Ваша слава бессмертна...

Эти слова высечены на обелиске калининградского памятника Победы. Они славят героев, отдавших свою жизнь за свободу нашей Родины, за счастье людей, за то, чтобы никогда не повторились ужасы фашистского нашествия и враг не посмел более сеять смерть и разорение на нашей земле. Эти слова вечно будут напоминать людям, ценой каких жертв была куплена их свобода. Подвиг героев, похороненных здесь, во все времена будет примером беззаветной любви к Родине, героизма, советского патриотизма.

Народ чтит память своих героев, для него святы идеалы, за которые боролись и умирали лучшие его представители. Воздвигая памятники и мемориальные ансамбли на могилах героев, люди зажигают вечный огонь — символ их бессмертия.

Памятник Победы в Калининграде, построенный в 1945 году по горячим следам войны, был одним из первых мемориальных ансамблей, воздвигнутых в честь героев Великой Отечественной войны. Величественная строгость ансамбля, идейная и художественная содержательность его, гуманистическая мысль, лежащая в его основе, делают этот ансамбль близким к лучшим скульптурно-архитектурным произведениям, таким, как Памятник жертвам революции на Марсовом поле, Братское кладбище в Риге и др.

Вскоре после штурма города на Военном совете 11-й гвардейской армии было принято решение увековечить память бойцов и офицеров, мужественно сражавшихся и героически погибших в боях за Кенигсберг.

Война еще продолжалась, а специально созданная комиссия уже работала, определяя место захоронения погибших гвардейцев этой армии, и остановила свой выбор на тихом уголке города, возле парка.

Идейно-художественное решение памятника родилось не сразу. Выдвигалась мысль о том, что памятник должен отражать не только скорбь о погибших, но и выразить идею мужества и героизма армии, величия подвига советских солдат.

Комиссия по созданию памятника привлекла к работе худож-

ников, архитекторов, поэтов, находившихся в рядах этой армии. Их усилиями был создан первоначальный проект, а накануне Дня Победы, 8 мая 1945 года, был подписан приказ командования 11-й гвардейской армии, в котором говорилось:

«В целях увековечения памяти погибших в боях с немецко-фашистскими захватчиками за город Кенигсберг бойцов и офицеров

П Р И К А З Ы В А Ю:

Соорудить в гор. Кенигсберге по утвержденному эскизу-проекту памятник и произвести перезахоронение трупов погибших с дивизионных кладбищ, из населенных пунктов...

Командирам частей и начальникам учреждений к выделению людей на строительство отнестись со всей серьезностью и выделить лучших специалистов.

К работе по сооружению памятника приступить немедленно, о ходе работ докладывать через каждые два дня.

Командующий войсками армии гвардии генерал-полковник Галицкий.

Член Военного совета армии гвардии генерал-майор танковых войск Куликов.

Начальник штаба армии гвардии генерал-майор Леднев»*.

К дальнейшей разработке проекта были привлечены московские архитекторы И. Мельчаков и С. Нанушьян, имевшие ранее опыт работы в области возведения мемориальных ансамблей.

В работу над проектом вскоре включились литовские скульпторы Ю. Микенас, Б. Пундзюс, П. Вайвада, Р. Яхимавичюс и др.

Строительство памятника осуществлялось усилиями 127-го и 129-го отдельных дорожно-строительных батальонов под руководством инженер-капитана Н. Захваткина. Начальником строительства был гвардии подполковник М. Бевзо. Большую инициативу и настоящее горение в возведении памятника проявил командующий 11-й гвардейской армией К. Галицкий, который считал создание памятника делом своей чести и последним долгом перед погибшими солдатами и офицерами его армии.

Архитекторы и художники работали в постоянном и тесном контакте с непосредственными участниками героической эпопеи. Скульптор лепил фигуры с живых людей — гвардейцев. Один из них — гвардии сержант Василий Пересторонин, другой — Михаил Полисадов. Они были живой моделью знаменитой скульптуры. Василий Пересторонин и Михаил Полисадов прошли от Москвы до Кенигсберга в составе 11-й гвардейской армии. В числе первых воины ворвались на окраины города-крепости Кенигсберг.

* Архив МО СССР. Ф. 11ГА, оп. 5926, д. 22, л. 274—275.

Обстановка всеобщего подъема и энтузиазма, в которой усиленными темпами велось строительство монумента, способствовала рождению произведения, созданного как бы в едином творческом порыве.

30 сентября 1945 года состоялось торжественное открытие памятника.

Ненастным сентябрьским утром на могиле погибших героев 11-й гвардейской армии зазвучали траурные мелодии оркестра. Сюда собрались гвардейцы, чтобы почтить память своих боевых друзей, увековеченную в монументе из гранита и бронзы. Здесь были произнесены слова о великой победе Советской Армии, о несокрушимой мощи социалистического отечества.

«Война потребовала от нас немалых жертв, — говорил на открытии памятника генерал К. Галицкий. — Воины Красной Армии бесстрашно отдавали свою кровь и свою жизнь во имя жизни нашего социалистического отечества...

Здесь похоронено 1200 наших лучших боевых друзей, славных сынов нашей великой Родины. Памятник, который мы открываем сейчас, — знак всенародной благодарности и любви к гвардейцам-героям. Склоним же наши знамена над их братскими могилами».

Памятник Победы в Калининграде был одним из первых монументальных ансамблей, в котором увековечивалась героическая эпопея советского народа в Великой Отечественной войне.

Организирующим композиционным центром ансамбля является величественный двадцатиметровый обелиск, вокруг которого расположены братские могилы. Полукруглая площадь ансамбля обрамлена со стороны пруда стеной (140 метров длины и около 2 метров высоты), построенной из рустованных гранитных блоков. Концы полукружия стены, выходящие к проспекту, закреплены ступенчатыми устоями — постаментами для скульптур: «Штурм» и «Победа» (скульптуры были установлены уже после открытия памятника, в 1946 г.). Возле стены расположены четыре мраморных надгробия братских могил, два надгробия на могилах Героев Советского Союза с их портретными бронзовыми бюстами, два памятных обелиска.

По оси полукружия в гранитной стене имеется проход в сторону парка и пруда. Стена здесь с двух сторон обрамлена низкими пилонами. Отсюда начинается широкая гранитная лестница, ведущая к арочному мосту, переброшенному через пруд.

Важное значение в идейно-художественном решении калининградского монумента имеют скульптурные группы «Штурм» Б. Пундзюса и «Победа» Ю. Микенаса. Эти произведения, исполненные подлинной героики, патетики и величия подвига советских

воинов, в образно-пластической форме раскрывают содержание ансамбля.

«Победа» и «Штурм» — это близкие друг другу двухфигурные композиции, изображающие советских бойцов. В них с большой убедительностью раскрыты образы героев-победителей, передана их несокрушимая воля к победе.

Художники сознательно изобразили рядовых бойцов, тех простых представителей советского народа, которые вынесли все трудности войны, показали такие примеры мужества и героизма, каких не знала история. Жизненно достоверные образы солдат с суровыми, обожженными солнцем и огнем боев лицами доведены в памятнике до широкого обобщения: в них как бы символически выражена вся значимость победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Тот факт, что памятник посвящался людям, в непосредственном общении с которыми находились его создатели, заставил их отказаться от традиционных условных атрибутов (например, лавровых венков, как было задумано в начальном варианте скульптурной группы Ю. Микенаса), а изобразить солдат с автоматами, гранатами — их боевым оружием, ставшим теперь символом их боевой славы.

Б. Пундзюсу удалось передать в своей группе сильное, порывистое движение и устремленность атакующих бойцов, одного с автоматом в руках, другого — бросающего гранату. Их широкий шаг, развевающиеся на ветру за спинами солдатские плащ-палатки, развороты фигур выражают стремительность штурма.

Динамичная по композиции группа Ю. Микенаса передает триумф и пафос победы.

Художник создал собирательный образ советского воина, с большой убедительностью подчеркнул его самые характерные качества.

Центром ансамбля памятника Победы является величественный обелиск, в котором с большой образной силой раскрывается основная идея памятника.

В обелиске, необычайно динамичном и величественном, которому наряду со строгостью и торжественностью присуща пластическая выразительность и скульптурность, символически выражена сила и мощь Советской Армии.

Обелиск в плане имеет форму звезды, у подножия он «опоясан» широким пятигранным поясом, а выше — еще шестью более узкими и постепенно сужающимися кверху поясами.

На нижнем из шести узких поясов высечены рельефы, посвященные пехотинцам, изображению боя перед городом, боя в предместьях Кенигсберга, переправе через реку Прегель, боя в городе

и победного шествия; другие 10 сюжетных рельефных композиций посвящены танкистам, артиллеристам, авиаторам. Рельефы (исполненные молодыми литовскими скульпторами Б. Петраускасом и К. Ярашонасом) чередуются с торжественными эпитафиями, шрифт которых прост и масштабен; они не нарушают, не мельчат большой формы обелиска, все выдержано в строгом единстве.

Третьим компонентом памятника является мемориальная стена с находящимися около нее надгробиями братских и индивидуальных могил. Гранитные блоки стены, их ритм и рустованная фактура еще более подчеркивают строгость ансамбля.

В поверхность стены вмонтировано шестнадцать небольших рельефов с изображением эмблем различных видов оружия и родов войск.

Около мемориальной стены установлено два индивидуальных надгробия славным командирам соединений 11-й гвардейской армии генерал-майору С. Гурьеву и полковнику С. Полецкому. Надгробия представляют собою памятники-бюсты.

Здесь же, у мемориальной стены, установлены два невысоких обелиска в память о старшине медицинской службы Е. Ковальчук и Герое Советского Союза майоре А. Сергееве.

Медсестра Е. Ковальчук вынесла с поля боя несколько сот раненых бойцов, проявив огромное мужество и героизм, и погибла осенью 1944 года при форсировании реки Неман, около Алитуса, где она и похоронена. А. Сергеев, жизнь которого также была беспримерным подвигом, а дела являли собой образец доблести и бесстрашия, похоронен, как и Е. Ковальчук, на литовской земле в г. Капсукасе.

В знак особого уважения к светлой памяти этих героев на площади мемориального ансамбля в Калининграде и были поставлены обелиски.

Монумент Победы в Калининграде — замечательный памятник славы Советской Армии, истинная героическая симфония из гранита и бронзы, увековечившая героический подвиг советского народа в Великой Отечественной войне.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

А

Алле, р. — р. Лава.
Алленбург — пос. Дружба Правдинского района.
Алленштейн — г. Ольштын (ПНР).
Альтенберг — пос. Дорожное Гурьевского района.
Амалиенау — пос. Казанское Гусевского района.
Амалиенау — район ул. Кутузова в г. Калининграде.
Ауловенен — пос. Калиновка Черняховского района.

Б

Байдриттен — пос. Первомайский (г. Калининград).
Беек, р. — ручей Товарный (г. Калининград).
Бракупенен — пос. Кубановка Гусевского района.
Браунсберг — г. Бронево (ПНР).
Бромберг — г. Быдгощ (ПНР).

В

Вальдбург — пос. Прибрежное.
Вальтеркемен — пос. Ольховатка Гусевского района.
Велау — пос. Знаменск.
Виттенберг — пос. Нивенское Багратионовского района.
Вормдитт — г. Орнета (ПНР).

Г

Гермау — пос. Русское Зеленоградского района.
Гердауэн — пос. Железнодорожный
Гинтенен — пос. Павлово Зеленоградского района.
Гольдап — г. Голдап (ПНР).
Гольдбах — пос. Славинск Гвардейского района.
Грауденц — г. Грудзёндз (ПНР).
Грос-Байтчен — ст. Подгоровка Гусевского района.
Грос-Скайспиррен — пос. Большаково.
Гумбиннен — г. Гусев.
Гутенфельд — пос. Луговое Гурьевского района.
Гутштадт — г. Добре Место (ПНР).

Д

Даммелькайм — пос. Павлинино Гурьевского района.
Данциг — г. Гданьск (ПНР).
Даркемен — г. Озерск.
Дейме, р. — р. Дейма.
Дейч-Тирау — пос. Иванцово Багратионовского района.
Дейч-Эйлау — г. Илава (ПНР).
Диршау — г. Тчев (ПНР).
Домнау — пос. Домново Гурьевского района.
Друтшляукен — пос. Дубровка Озерского района.

Ж

Жиллен — пос. Жилино Неманского района.
Жилленберг — пос. Лукьяново Гвардейского района.

З

Зелигенфельд — пос. Зеленополье Гурьевского района.

И

Инстер, р. — р. Инструч.
Инстербург — г. Черняховск.
Иудиттен — пос. Менделеево (г. Калининград).

К

Каллвеникен — пос. Новодворки Полесского района.
Кальхольц — пос. Лозовое Багратионовского района.
Кармиттен — пос. Отрадное Гурьевского района.
Каттенау — пос. Заветы Нестеровского района.
Каукемен — пос. Ясное Славского района.
Кведнау — пос. Северная гора (г. Калининград).
Кёнигсберг — г. Калининград.
Клайн-Заусгартен — пос. Озерное Багратионовского района.
Кранц — г. Зеленоградск.
Краулишкен — пос. Ульяново Неманского района.
Кройцбург — пос. Енино Багратионовского района.
Курише-Нерунг, коса — Курская коса.
Куссен — пос. Весново Краснознаменского района.

Л

Лазденен — г. Краснознаменск.
Ланд-Грабен, канал — р. Голубая (г. Калининград).
Левиттен — пос. Солдатское Багратионовского района.
Ленгветен — пос. Лунино Неманского района.
Летцен — г. Гижицко (ПНР).
Линден — пос. Кустовка Полесского района.
Линден — пос. Столбовое Гвардейского района.
Людвигсорт — г. Ладушкин.

М

Макунишкен — пос. Токаревка Нестеровского района.
Маллвишкен — пос. Майское Гусевского района.
Мариенбург — г. Мальборк (ПНР).
Мариенвердер — г. Квидзын (ПНР).
Мельзак — г. Вевно (ПНР).
Мемель — г. Клайпеда.
Метгетен — пос. им. Александра Космодемьянского (г. Калининград).
Молленен — пос. Каштановка Зеленоградского района.
Мориттен — пос. Октябрьское Багратионовского района.
Мориттен — пос. Сибирское Полесского района.

Н

Надрау — пос. Низовка.
Найденбург — г. Нидзица (ПНР).
Нассер Гартен — пос. Портовое (г. Калининград).
Нейхаузен — г. Гурьевск.
Немониен — пос. Головкино Полесского района.
Нойхуфен — пос. Лермонтово (г. Калининград).
Норденбург — пос. Крылово Правдинского района.
Норкиттен — пос. Междуречье Черняховского района.

О

Обер Тайх — Верхнее озеро (г. Калининград).
Ортельсбург — г. Щитно (ПНР).
Остероде — г. Оструда (ПНР).

П

Пайзе — пос. Комсомольское (г. Светлый)

Пасарге, р. — р. Пасленка (ПНР).
Пиллау — г. Балтийск.
Пилькаллен — пос. Добровольск Краснознаменского района.
Прегель, р. — р. Преголя.
Прейс-Эйлау — г. Багратионовск.
Побеттен — пос. Романово Гурьевского района.
Понарт — пос. Димитрово (г. Калининград).

Р

Радникен — пос. Родники Зеленоградского района.
Рагнит — г. Неман.
Растенбург — мест. Кентшин (ПНР).
Раушен — г. Светлогорск.
Розенау — Московский район Калининграда.
Розенберг — пос. Краснофлотское Багратионовского района.

С

Сударги — Сударгас Литовской ССР.

Т

Танненберг — г. Стебарк (ПНР).
Тапиау — г. Гвардейск.
Тильзит — г. Советск.
Транквиц — пос. Западное (г. Калининград).
Тутшен — пос. Ватутино Нестеровского района.

У

Ундерванген — пос. Чехово Багратионовского района.

Ф

Фишхаузен — пос. Приморск.
Фрауенбург — г. Фромборк (ПНР).
Фридланд — г. Правдинск.
Фрише-Нерунг, коса — Вислинская коса.
Фришес-Хафф, залив — Вислинский залив.
Фухсберг — пос. Холмогоровна Гурьевского района.
Фухсберг — пос. Семеново Багратионовского района.

Х

Хейлигенбейль — г. Мамонов.

Хермсдорф — пос. Пограничный Багратионовского района.

Ш

Шарен — пос. Щедрино Краснознаменского района.

Шенфлисс — пос. Комсомольское (г. Калининград).

Шилленен — пос. Победино Краснознаменского района.

Шилленен — пос. Шишково Озерского района.

Ширвиндт — пос. Кутузово Краснознаменского района.

Шталлупенен — г. Нестеров.

Шупенен — пос. Шумское Зеленоградского района.

Э

Эльбинг — г. Эльблонг (ПНР).

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	3
А. М. Василевский. Разгром цитадели германского милитаризма	5
М. Брагин. Крах Восточной Пруссии.	23

От Немана до Пиллау

И. И. Людников. Прорыв укрепленного фронта.	55
И. Х. Баграмян. Операция «Земланд».	65
Т. Т. Хрюкин. Советская авиация над Восточной Пруссией.	74
К. Н. Галицкий. Нашу победу ковал народ.	82
Ф. П. Озеров. В боях за Кенигсберг.	92
А. П. Белобородов. ...И крепость пала!	97
А. В. Горбатов. Годы и войны	103
В. Ф. Трибуц. На завершающем этапе	115
Ф. Е. Киволя. Обеспечивая успехи боя...	125

Дорогой побед

В. Величко. Падение Кенигсберга.	137
Е. Кригер. Глубина фронта.	155
А. Шестак. В глубь Восточной Пруссии.	160
Е. Воробьев. Окопная ночь.	164
М. Шур. Прусская твердыня сокрушена.	171
П. Яновский. Капитуляция фашистов в Кенигсберге.	174
А. Петрикин. Коммунисты были впереди.	175
К. Добровольский. Первый бросок	181
А. Бачурин. «Я — парторг...».	186

Ю. Плотников. Штурм форта «Понарт»	187
С. Гриньков. У стен крепости.	191
М. Смирнов. Мы входим в Кенигсберг...	195

Бессмертие

А. Лапин. Иван Данилович Черняховский.	199
Степан Савельевич Гурьев.	202
Степан Кузьмич Нестеров.	205
Сергей Иванович Гусев.	207
Александр Анатольевич Космодемьянский.	210
Иван Мартынович Ладушкин.	211
Елена Борисовна Ковальчук.	213
С. Дриго. Петр Ильич Романов.	214
Ф. Киволя. Николай Васильевич Мамонов.	219
Г. Козенков. Слово о сыне.	222
Хроника мужества и героизма.	225
Указатель географических названий.	248

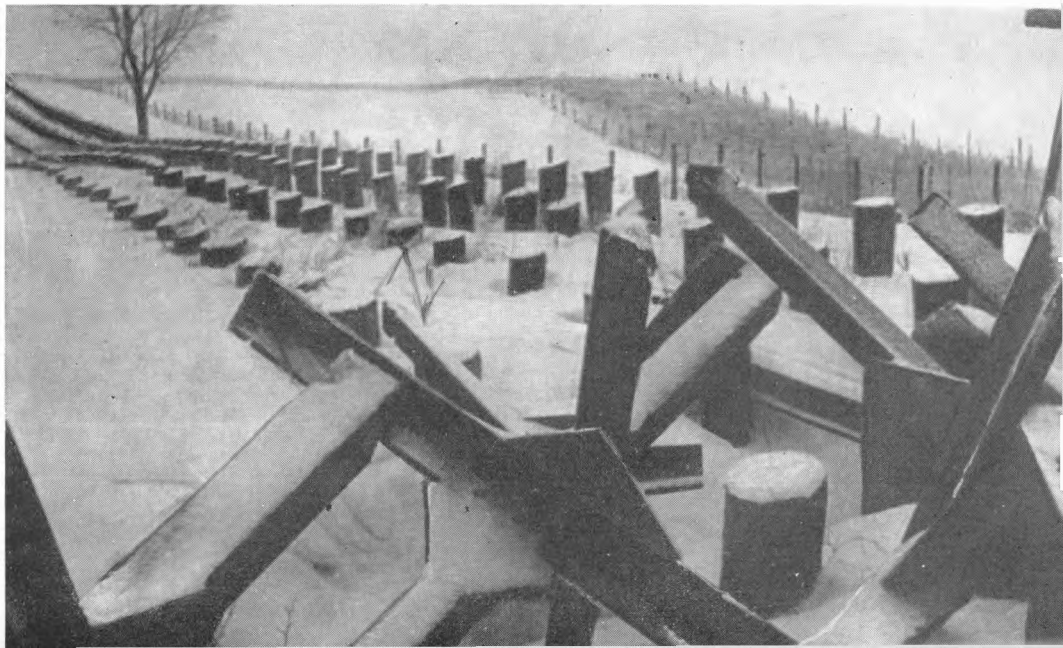

1

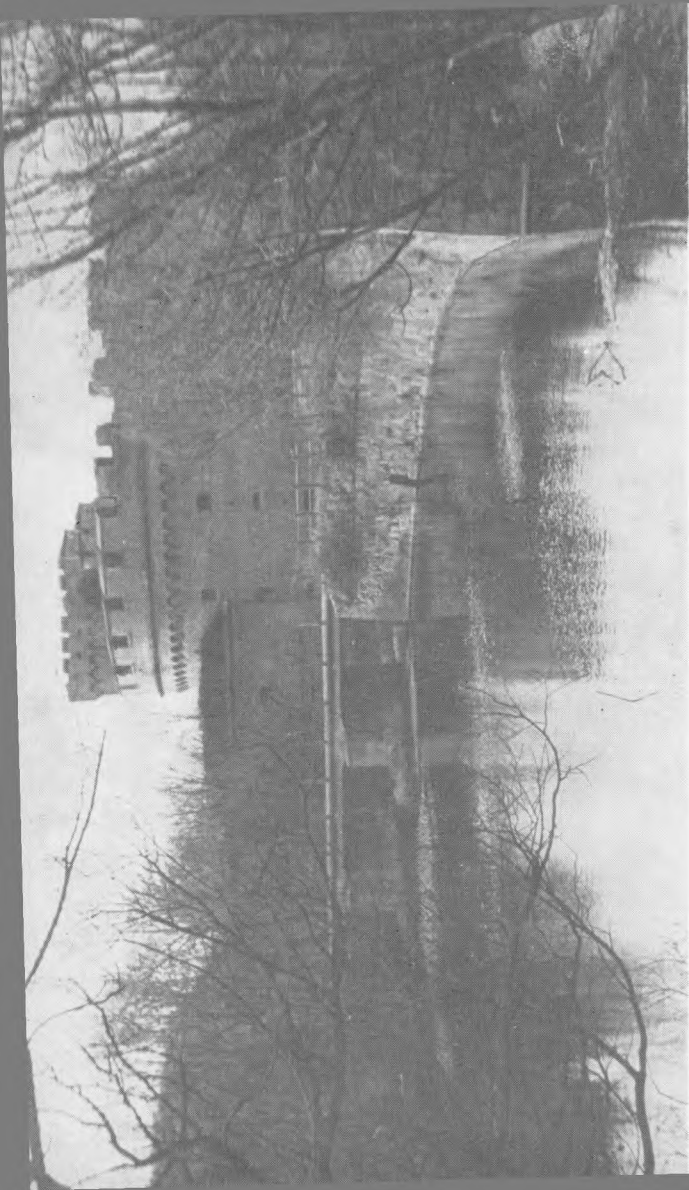
1
Воинственный прусский герб валяется на земле, в пыли. А много веков подряд вдохновлял он захватчиков на разбой, насилия, грабежи

2
Когда война пришла туда, где она родилась, и надежд на вдохновение обветшалыми символами не осталось, были созданы линии обороны Восточной Пруссии: минные поля, надолбы, противотанковые рвы, заграждения из колючей проволоки, через которую пропускали электрический ток.

Много было таких оборонительных валов...

2

Wie kapitulieren nie!

5

3
Старые форты были модернизированы и подготовлены к длительной обороне

4
На фронт погнали всех — от шестнадцати лет до шестидесяти. «Фольксштурм» — предсмертные судороги умирающего фашизма, готового унести в свою могилу весь мир. «Мы не сдадимся!», — написано на стене. Это внушал гаулейтер Кох жителям Пруссии. Он и действительно не сдался. Он бросил всех и бежал задолго до решающих схваток. Благо, орден за создание отрядов фольксштурма был уже получен...

5
Города были превращены в крепости. «Наша защита — железная дверь Германии, — говорило тогда немецкое радио. — Русским не бывать в Пруссии!»

6

7

6

По всем законам справедливости война пришла в логово врага. «Внимание, граница рейха!»

7—8

Государственная граница Союза Советских Социалистических Республик отныне будет нерушимой. В этом клянутся солдаты, принимая гвардейское знамя.

9

10

9
Нелегки солдатские пути...

10
...Но ничто не может остановить советского солдата

11
Ничто не может остановить его победной поступи на пути
к Кенигсбергу, логову недобитой военщины

12

12
У наших солдат были хорошие командиры. Командиром дивизии, полковником начал войну Иван Данилович Черняховский

13
В сорок четвертом году тридцативосьмилетнему командующему 3-м Белорусским фронтом генералу армии И. Д. Черняховскому Михаил Иванович Калинин вручил вторую Золотую Звезду

14
После гибели И. Д. Черняховского Ставка назначила командующим 3-м Белорусским фронтом маршала А. М. Василевского. В составе 3-го Белорусского фронта в Восточнопрусской операции участвовала также земландская группа войск генерала армии И. Х. Баграмяна

13

14

15

Краснознаменным Балтийским флотом, принимавшим участие в Восточнопрусской операции, командовал адмирал В. Ф. Трибуц (на снимке слева)

Этот двадцатилетний лейтенант — командир самоходной артиллерийской установки — бывалый воин. Несмотря на его молодость солдаты называли Александра Космодемьянского батькой.

Он погиб неделю спустя после того, как был сделан этот снимок, — уже после падения Кенигсберга. Он не узнал, что представлен к Золотой Звезде Героя...

18

17—18

Солдаты шли по Восточной Пруссии, неся людям взамен рабства — свободу. Этих девочек немцы угнали из Белоруссии. Какая судьба ждала их на чужбине, если бы не сильные, заботливые, ласковые руки советского солдата?

19

Кольцо вокруг Кенигсберга
сжималось. Уже готовы были
к боям гвардейские батареи
балтийцев...

...Уже готовы были под-
няться в воздух летчики...

21

22

23

21
В последний час перед боем особенно дорога весточка из дома — как живут там родные, как отстраиваются, как налаживают разрушенное войной

22
Перед боем полагается побриться...

23
Вместе с советскими войсками к наступлению готовились асы французского истребительного авиационного полка «Нормандия—Неман»

Перед боем собираются коммунисты на собрание.
Повестка дня: «Разгромить врага!». На рассвете начнется штурм...

Командный пункт батальона расположен в подъезде дома.
Все ли готово к сигналу атаки?

26

«По врагу, засевшему в крепости, — огонь!
Даешь Кенигсберг!»

27

«Когда говорят пушки, молчат скрипки». Но для того идет в атаку штурмовая группа, чтобы замолчали все пушки на Земле и никогда бы не лежали больше на мостовой скрипки с порванными струнами

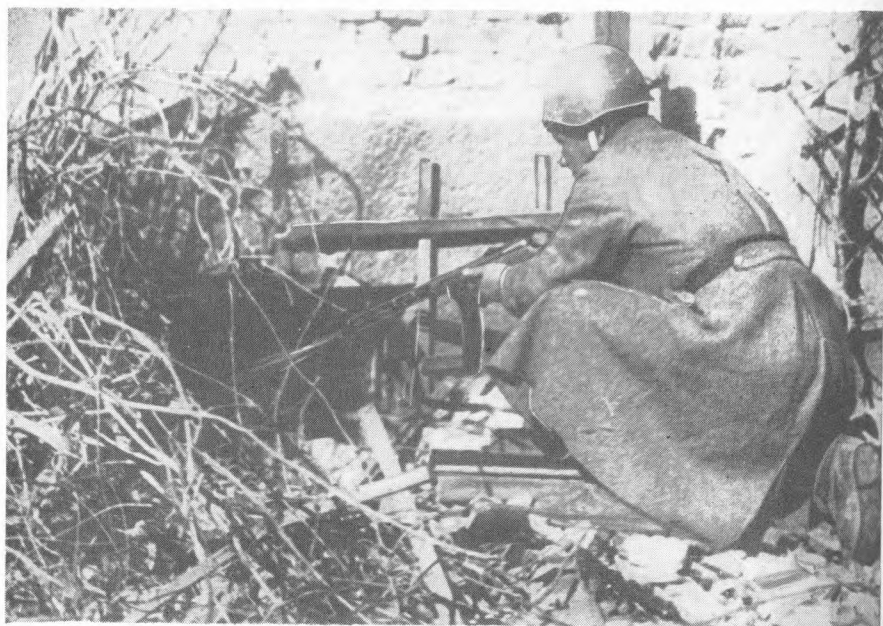

28

28—29
Брат с бою приходилось не только
каждый дом — каждый камень

29

30

31

30
Гитлеровцы из подвала огрызались до тех пор, пока не
были блокированы все окна и двери

31
Поняли, что сопротивление бессмысленно. Так-то оно и
лучше!

32

33

32

Это орудие не успело расстрелять всех снарядов по нашим солдатам. Штурмовая группа зашла с тыла

33

И это они оставили после себя. Железо было слабей, чем сталь русского характера

34

Вечером 9 апреля в своем блиндаже комендант Кенигсберга генерал от инфантерии Отто Ляш подписал акт о безоговорочной капитуляции.

— Я никогда не думал, — говорит он, — что такая первоклассная крепость, как Кенигсберг, может так скоро пасть под ударами советских войск

35

36

37

35

Форт в центре города сдался последним. Теперь над всем
Кенигсбергом — Красное знамя

36

А все, что со свастикой, — долой!

37

Впервые за эти дни остынут перегретые моторы танков.
Привал — у замка прусских королей

38

39

38—39—40

Много хлама осталось после фашистов. Долго наводить порядок в городе. Но это все будет. Главное — победа! Победа!

41

41
Последние залпы — залпы торжества

42
А этим не до торжества...

43
...Они себе представляли совсем иные парады. «В колонну по четыре, в плен шагом ма-а-арш!»

42

43

44

44—45

И — за работу! Становление нового города началось сразу же, на следующее утро после победы.

Началось вот так.

Впереди строителей идут саперы с миноискателями...

Строительные первопроходцы, они шли вслед за гвардейцами

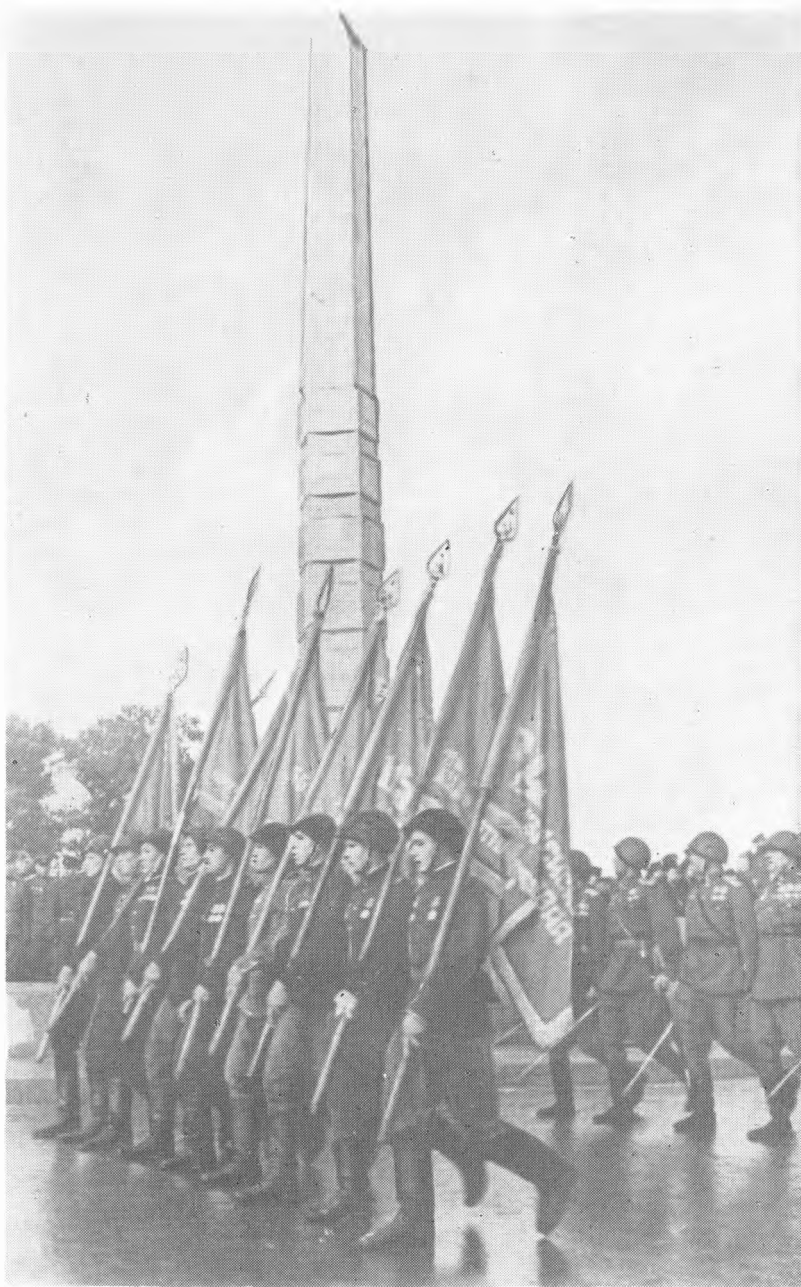
45

ЗДЕСЬ ПЕРВЫМИ ПРОШЛИ
ГВАРДЕЙЦЫ ПОЛКОВНИК
ТОЛСТИКОВА

46

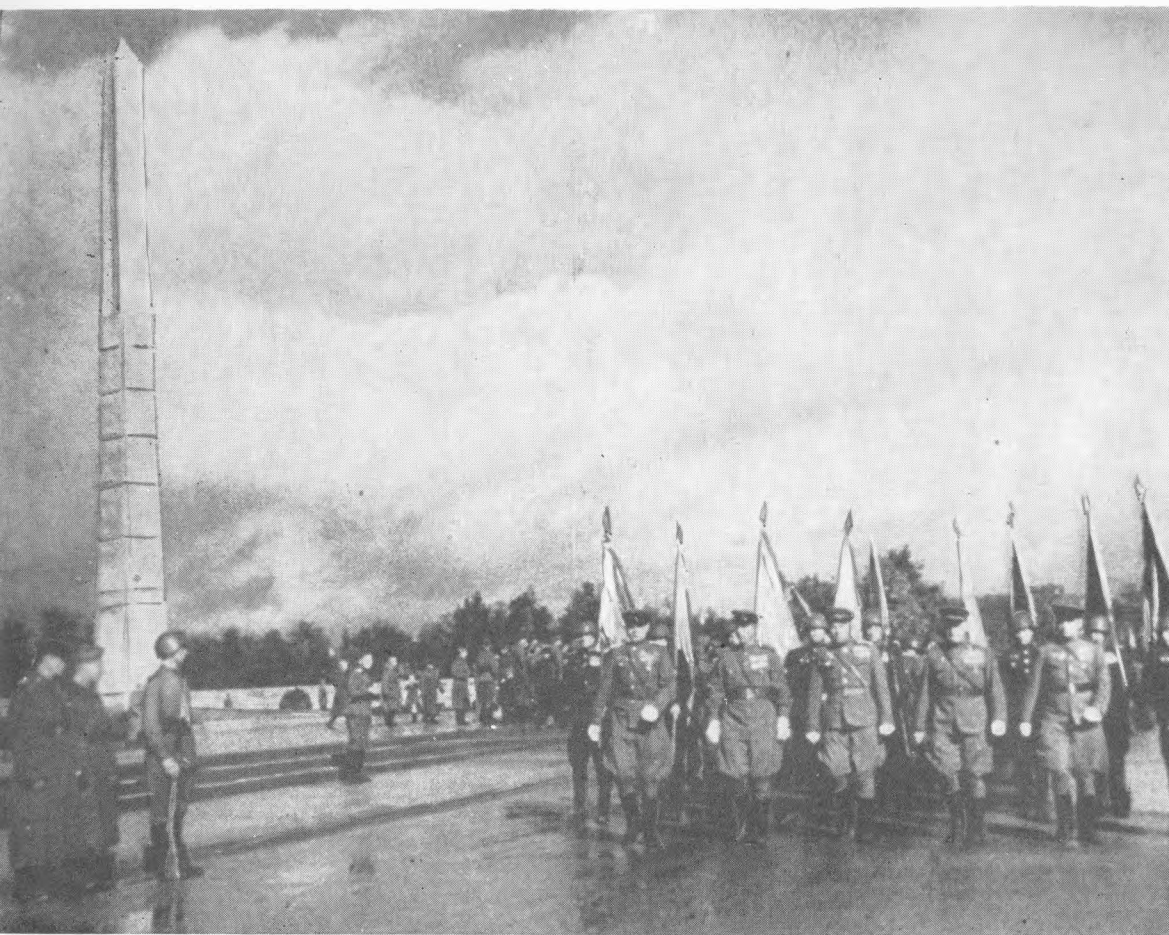
Победа не нуждается в том, чтобы ее приукрашивали. Вот простая сценка. Три года назад этот солдат поил коней на Волге. Сейчас — на Прегеле, в Кенигсберге.

47

Воздвигнутый руками солдата-каменотеса, устремляется
ввысь обелиск в честь павших героев

Четким шагом проходят однополчане, отдавая тысяче двумстам гвардейцам последние воинские почести. Живым теперь работать вдвойне, любить и ненавидеть вдвойне, быть вдвойне бдительнее

49

Почтить память павших пришли воины армий стран социализма..
Откуда бы ни был ты, воин, поклонись праху советского солда-
та, спасшего твою Родину от позора и рабства

Незабываемы героические дни для
всех, кто пережил их.

Часто собираются ветераны—участники
штурма, чтобы вместе вспомнить минувшее

ВАШЕ
МУЖЕСТВО БЫЛО
БЕСПРИМЕРНЫМ.
ВАША
ВОЛЯ БЫЛА
НЕПРЕКЛОННОЙ.
ВАША
СЛАВА
БЕССМЕРТНА

Обелиск на могиле героев-
гвардейцев, павших в боях за
взятие города и крепости Ке-
нигсберг

У храбрых есть только
бессмертье.
Смерти у храбрых нет.

Константин Симонов

ШТУРМ КЕНИГСБЕРГА

Художник Ю. Синчилин. Редактор В. Хлебникова. Худож. редактор Р. Гимон. Техн. редактор Т. Андреева. Корректоры М. Гордеева, Л. Столбова.

Сдано в набор 16/III 1966 г. Подписано к печати 7/VI 1966 г. Формат бумаги 70×90^{1/16}. Сорт бумаги типографская № 1. Печ. л. 16. Уч.-изд. л. 15,31+3,86 вкл. КУ 03465. Зак. 1588. Тир. 50 000.

Цена 1 р. 14 к.

Калининградское книжное издательство, Калининград обл., Советский пр., 13. Типография газеты «Калининградская правда», Калининград обл., ул. К. Маркса, 18

